

Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации
Министерство природопользования и экологии Республики Башкортостан

Федеральное бюджетное учреждение «Башкирский государственный
природный заповедник» (БГПЗ)

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский государственный
университет» (СПбГУ)

Серия «Башкирский заповедник. История и люди», часть 4.

С.М. Снигиревский, Е.С. Снигиревская, А.И. Биємбетов

**История Башкирского
государственного природного
заповедника в письменных документах
его сотрудников середины XX века**

Уфа
Информреклама
2022

УДК 94 (470.57)
ББК 63.3 (2Рос. Баш)
С 53

С 53 Снигиревский С.М., Снигиревская Е.С., Биембетов А.И.
История Башкирского государственного природного заповедника в письменных документах его сотрудников середины XX века / отв. ред. И. Гайсин. – Уфа, Информреклама, 2022. – 117 с.: ил. – (Башкирский заповедник: история, люди. Часть 4).

ISBN 978-5-906878-91-5

Издание содержит письма и архивные документы первых сотрудников Башкирского государственного природного заповедника (БГПЗ) Сергея Ивановича и Екатерины Михайловны Снигиревских, которые стояли у истоков его научных традиций. Это четвертая книга из серии об истории и людях БГПЗ.

В книге собраны письма разных корреспондентов, сохранившиеся в домашнем архиве семьи Снигиревских, а также научно-популярные рассказы Е.М. Снигиревской, касающиеся не только БГПЗ, но и Башкирии в целом. Переплетение судеб, событий, воспоминаний, встреч и не встреч, вопросы выбора пути в науке и места в жизни живо проявляются не только в письмах супругов Снигиревских, но и в целой серии писем бывшего зам. директора БГПЗ по науке С.В. Кирикова, в отзывах на научные работы и в характеристиках сотрудников; в трогательных записках супругов Зеркиных, около 30 лет отдавших службе в Заповеднике.

Предназначено для специалистов заповедного дела, историков, биологов, экологов, географов, зоогеографов, краеведов и всех, интересующихся отечественной историей, а также историей Республики Башкортостан.

УДК 94 (470.57)
ББК 63.3 (2Рос. Баш)

ISBN 978-5-906878-91-5

© Снигиревский С.М., Снигиревская Е.С., Биембетов А.И., 2022

© Снигиревский С.М., оригинал-макет, 2022

© Башкирский государственный природный заповедник, 2022

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Вступительное слово

Уважаемые читатели! Книга, которую вы только что открыли, является продолжением серии публикаций об истории создания и становления Башкирского заповедника, о первых его сотрудниках, стоявших у самых истоков. Несмотря ни на какие трудности, отдаленность и тяжелые бытовые условия, они организовывали и вели работу по охране уникальной природы этого края, проводили исследования, заложили основы научных традиций заповедника, которых придерживаются и по сей день. Именно этими первопроходцами во вновь образованном Башкирском заповеднике были апробированы и отработаны самые различные методики исследований (некоторые впервые!), которые в последующем нашли широкое применение в научной практике.

Книга является результатом нашего совместного труда с Екатериной Сергеевной и Сергеем Михайловичем – дочерью и внуком ученых Сергея Ивановича и Екатерины Михайловны Снигиревских. С моей стороны была оказана помощь в сборе информации из источников, сохранившихся в документальных фондах Башкирского заповедника. Снигиревские были приглашены на работу в только что образованный Башкирский заповедник, где первоочередной задачей было изучение и сохранение уникального природного комплекса Южного Урала, а также обустройство его как базы для академических экспедиций и проведения научных практик студентов.

С. И. Снигиревский стоял у истоков заповедного дела в советском государстве. Орнитолог и энтомолог, кандидат биологических наук, он был организатором ряда заповедников, которые существуют и поныне. Е. М. Снигиревская – известный зоогеограф, посвятившая свою жизнь географии, экологии, морфологии и систематике мышевидных грызунов. Вместе с мужем они трудились в период самого зарождения природоохранного дела в России, проработав большую часть своей жизни в системе заповедников.

Идея создания книги возникла в беседе с внуком ученых – Сергеем Михайловичем Снигиревским. По рассказам Сергея Михайловича, он и дочери Снигиревских, в первую очередь родившаяся и выросшая в Башкирии Н.С. Снигиревская, давно мечтали побывать в заповеднике, о котором рассказывали им с детства. Желание увидеть этот уголок Южного Урала вызывали и архивные материалы, и письма, оставшиеся от родителей, свидетельствующие о том, что они оставили здесь частичку своей души. А с нашей стороны было огромное желание восполнить скудные исторические данные периода становления заповедника. И случайная наша встреча по пути С.М. Снигиревского в Башкирский заповедник предрекала воплощение этой идеи.

Далее последовала долгая и кропотливая работа авторов над систематизацией семейного архива, написанием рукописи и согласованием структуры книги в целом. Результат этой непростой, но увлекательной работы вы, уважаемые читатели, держите сегодня в руках.

Желаем интересного и познавательного чтения!

*Директор Башкирского заповедника
Айнур Ильгизович Биембетов*

От редактора

Образование Башкирского заповедника, как и всех первых особо охраняемых природных территорий (ООПТ), пришлось на тяжелый период послереволюционного восстановления страны. Заповедное дело в России в это время было направлено на выявление нетронутых, уникальных уголков природы. Вновь образованные заповедники находились, как правило, в глубинке, вдалеке от крупных населенных пунктов. И перед ними были поставлены две главные задачи: во-первых, это охрана изъятых из хозяйственного пользования природных участков; во-вторых, – всестороннее изучение процессов, протекающих на этих территориях, наиболее полное описание флоры и фауны.

Для этих целей привлекались ученые со всей страны, которых направляли в только что открытые заповедники, где условия для работы были не самые лучшие. Но энтузиазм и стремление исследовать неизведанные территории привлекали молодых специалистов. Так, в составе различных экспедиций попали в Башкирский заповедник Снегиревские – Сергей Иванович и Екатерина Михайловна.

Исторически сложилось так, что именно в России, благодаря работе выдающихся ученых, стоявших у истоков становления заповедников, была сформирована научная основа заповедного дела. В результате была создана система охраны природы заповедников, аналогов которой нет в мировой практике.

В основу книги легли письма С. И. и Е. М. Снегиревских, в которых описываются особенности работы, быта, их увлечения и события, происходившие в заповеднике в период его становления и развития.

В хронологический порядок приведены даты важнейших событий из жизни этих людей, внесших существенный вклад в историю Башкирского заповедника. К сожалению, архив Башкирского заповедника до времени ликвидации в 1951-1958 гг. практически не сохранился и материалы личных архивов являются единственным источником, который может погрузить нас в исторические события тех времен.

Орфография, пунктуация, стилистика писем и архивных документов были сохранены, чтобы передать саму атмосферу эпохи через обычное, подчас бытовое общение живых людей.

Книга является четвертым изданием, посвященным начальному периоду становления и развития Башкирского заповедника. В дальнейшем планируется продолжить выпуск серии книг о Башкирском заповеднике, его особенностях и уникальности, а также о преданных заповедному делу людях – госинспекторах (лесниках), научных сотрудниках и директорах, которые посвятили большую часть своей жизни Башкирскому заповеднику.

Редактор не должен давать субъективную оценку редактируемому материалу. В нарушение этого правила я все-таки отмечу, что книга

написана на очень высоком профессиональном уровне, живым языком. Читая ее, погружаешься в события того времени и понимаешь, какие мысли и идеи владели умами авторов писем. Работа по редактированию рукописи с одним из авторов – С. М. Снигиревским – доставила огромное удовольствие.

*И.о. зам. директора по научной работе
Ильдар Кадирович Гайсин*

**История Башкирского государственного природного
заповедника в письменных документах его сотрудников
середины XX века**

*С. М. Снизиревский^{1,2}, Е. С. Снизиревская³,
А. И. Биёмбетов⁴*

¹ – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург;
s.snigirevsky@spbu.ru

² – Ботанический институт им. В. Л. Комарова РАН, Санкт-Петербург;
s.snig@mail.ru

³ – Институт цитологии РАН, Санкт-Петербург

⁴ – Башкирский государственный природный заповедник, с. Старосубхангулово,
Бурзянский р-н, Республика Башкортостан

Введение

Башкирский заповедник. Южный Урал. Речка Узян. Эти названия с самого детства врезались в нашу память, несмотря на то, что относимся мы к разным поколениям. Екатерина Сергеевна – дочь биологов, сотрудников Заповедника Сергея Ивановича и Екатерины Михайловны Снизиревских; Сергей Михайлович – их внук и одновременно с этим племянник Екатерины Сергеевны.

Не только названия были в памяти. Были и красочные описания природы заповедника, захватывавшие душу и влекущие к познанию животного и растительного мира Южного Урала. Может быть, потому мы стали в итоге естествоиспытателями?

Как это ни удивительно, мы так и не побывали в Заповеднике. Все время шла речь о том, что мы туда поедem, что нас там ждут (понятно, что в первую очередь ждали Екатерину Михайловну, а нас уже – как ее «довесков»). Но жизнь сложилась так, что планы поездки на Южный Урал остались неосуществимыми...

И вот в 2021 году после палеонтологической экспедиции в Оренбургскую область первому автору этого сборника (СМС) на обратном пути из Новоорска удалось на неделю заехать в Башкирский государственный природный заповедник (БГПЗ). Особое «спасибо» полному отсутствию билетов на поезд или на автобусы в конце августа – начале сентября! Созвонившись с сотрудниками Заповедника и получив «добро» на визит, мы с моим студентом Владимиром Буниным отправились в путь. Передвигались на попутках от Новоорска через Гай,

Акъяр, Юлдыбаево, Баймак до Темясово¹. В этом населенном пункте, на краю села, у пыльной дороги, ведущей в Старосубхангулово, мы простояли долгие часы и почти отчаялись дожидаться какой-либо попутки; уже рассматривали необходимость установки лагеря на ночь, как вдруг остановилась машина, из которой вышли двое приветливых людей (мужчина и женщина). Бодрый, улыбчивый водитель, не дав нам опомниться от счастья, что хоть кто-то остановился в ответ на наши молчаливые, но энергичные призывы, сказал удивительную фразу: «Вы – Снигиревский, Сергей Михайлович? А я Айнур Биёмбетов, директор Башкирского заповедника». Я опешил: бывает счастье в этом мире!

Так мы познакомились с Айнуром и его женой Ляйсан.

Наш визит в Заповедник продолжался восемь дней. За это время мы не только посетили разные части Заповедника, но и много беседовали с сотрудниками о возможных совместных проектах. Одной из важных задач был поиск возможных исторических документов, отражающих деятельность, атмосферу и быт сотрудников в первые годы существования Заповедника, с момента его основания в 1930 году до закрытия в 1952 году.

Предлагаемая вниманию читателей подборка писем и фотодокументов позволяет частично восполнить этот пробел.

Все документы, на которых основаны материалы публикуемого сборника, будут переданы в архив Заповедника.

Со своей стороны, хотим искренне поблагодарить за содействие в подготовке материалов для настоящей публикации сотрудников заповедника Ляйсан Ишбирдовну Биёмбетову, Айгуль Рамилевну Кильдиярову, Ильдара Кадировича Гайсина, Василию Ахатовну Яныбаеву, Марса Ишдаветовича Набиуллина.

О структуре сборника

В нашем семейном архиве выборочно сохранились некоторые письма, имеющие прямое отношение к истории Башкирского государственного природного заповедника. К сожалению, время не пощадило многие из них. Так, практически полностью отсутствует переписка С. И. Снигиревского, стоявшего у истоков создания заповедника. Мало писем Е. М. Снигиревской, относящихся к 1930 – середине 1932 года, времени ее активного участия в Башкирской

¹ В публикуемых материалах имеется описание Е. М. Снигиревской работы в близлежащих к Заповеднику районах Башкирии во время экспедиции по поиску остатков четвертичного возраста – костей мелких позвоночных в естественных пещерах и гротах. Е. М. Снигиревская со своим лаборантом передвигалась также на попутках. С тех пор мало что изменилось на дорогах Башкирии (см. об этом письма Е. М. своим домашним и ее рассказы, также вошедшие в этот сборник).

экспедиции Академии наук и первых шагов на профессиональном поприще. Почти не сохранились письма, отправленные респондентам. Тем не менее нам все же удалось выбрать самые важные, на наш взгляд, исторические сведения, разбросанные в текстах различных писем и зарисовок. Орфография и пунктуация авторов всюду по возможности сохранена. Фрагменты писем, не имеющие отношения к истории заповедника или не содержащие смысловой нагрузки, опущены и заменены значком <...>.

Тем не менее некоторые фрагменты писем, не относящиеся напрямую к истории Заповедника, но отражающие быт респондентов, их надежды и чаяния, помещены в текст. Это позволит читателю максимально полно «окунуться» в уже далекие времена – середину XX века. Эти фрагменты набраны более мелким шрифтом.

Сокращения в оригинальных текстах писем в публикуемых материалах расшифровываются в треугольных скобках (<...>). В случае, если написанное слово не до конца понятно написано и не удастся его точно идентифицировать, оно заключено в квадратные скобки с вопросом ([?]).

Текст снабжен поясняющими сносками, содержащими в том числе сведения о персонажах, упоминаемых в письмах. Сведения о некоторых людях, годах их жизни, основных направлениях деятельности или их должностях не удалось найти. В таких случаях приведена лишь имеющаяся у нас информация.

Материал в подборке расположен следующим образом. Перед группой материалов (в основном – писем, реже – рецензий, справок, договоров и др.; в случае с Е. М. Снигиревской – еще и рассказов-наблюдений), принадлежащих тому или иному автору писем, помещены их краткие биографии, снабженные фотографиями. Далее следуют подборки материалов, расположенные в хронологическом порядке.

Письма и рассказы-наблюдения Е. М. Снигиревской

Екатерина Михайловна Снигиревская (7 апреля 1906 года, г. Екатеринбург – 1 ноября 1984 года, г. Ленинград) – зоолог, специалист по мышевидным грызунам, кандидат биологических наук, сотрудник Башкирской экспедиции АН СССР в 1930-1932 гг.; сотрудник БГПЗ в 1936-1941 гг. (о ней: Снигиревская, Снигиревская, 2006). Помимо научной деятельности, Екатерина Михайловна (фото 1) писала также рассказы-наблюдения об интересных находках, событиях и приключениях, свидетелем или участником которых ей довелось быть. В приводимых нами материалах мы намеренно поместили некоторые сведения, касающиеся не только БГПЗ, но и некоторых других районов Башкирского Урала – они объединены единым интересом к этим замечательным местам.

[Лидии Николаевне Вакуленко²]

1 июня 1930 года

<...> Что касается нас, то после того как мы Вас проводили, мы сейчас-же отправились в кино на «Из-за ребенка». Было довольно хорошо. Когда мы пришли из кино у нас совсем уже не оставалось денег. На другой день я весь день убиралась, стирала белье, гладила его, а вечером пришел..... Герке которого отправили из Кустаная опять в Ленинград за ненадобностью. <...>

Вчера <...> была я у Авы в Гидрологическом ин-те, заняла у ней 5 р. и все никак не могу сдать картографию, все не могу никого поймать. Вчера днем ели в закуской а вечером пошли в «Аврору» и пили чай и ели кулебяку из саги. Сначала опишу уже еду: сегодня днем пошли в столовую «Верный путь» к смерти. Но такая гадость, что меня до сих пор тошнит и я туда больше не пойду. <...>

Вечером же пойду к Ляльке³ т.к. она 3го же уезжает в Уфу и повезет с собой Яикскую [?] девочку (я довольна).

Сегодня выяснились мои многие дела: прежде всего я просила отменить мне два зачета: по систематике растений и эконом<ической> географии. Это мне сегодня разрешили. Я этому очень рада. Затем я весь день провела сегодня в канцелярии Ун<иверсите>та где было опять масса недоразумений и меня чуть опять не отправили в Казакстан т.к. в наряде было указано что я выделяюсь из числа Казакстанцев. Но т.к. Пашковский оказался замечательно симпатичным и мы с ним сделали почти что друзьями, то он хлопотал за меня перед

² Лидия Николаевна Вакуленко (2 февраля 1880 года, Артинский завод – 30 ноября 1966 года, г. Ленинград) – фельдшер, мать Е. М. Снигиревской. В 1936 году работала фельдшером в Башкирском заповеднике (фото 4).

³ «Лялька» – двоюродная сестра Е. М. Снигиревской, Варвара Юрьевна Арунгазыева (1907-1987) – впоследствии майор медицинской службы в отставке, ветеран Великой Отечественной войны, дочь Гали-Ахмета Арунгазыева, представителя одного из древних казахских родов, который был правнуком хана Младшего жуза – Арынгазы.

Кузиным и Васильевым и несмотря на долгие отговорки они все-же дали мне наряд в Баш<кирскую> эксп<едицию>.

Так что теперь я уже окончательно служу в Баш. Эксп. А.Н. Теперь меня уже не выжмешь оттуда никакими силами и никто ничего сделать не может. Завтра поеду к Стрельникову⁴ и попрошу его подписать мне до осени зачет, но не уверена, что он это сделает.

Фото 1. Екатерина Михайловна Снигиревская в маршруте, Жигулевский заповедник, 1945 г.

⁴ Иван Дмитриевич Стрельников (1887-1981) – биолог, доктор биологических наук, профессор ЛГУ.

[Лидии Николаевне Вакуленко]

7 июня 1930 года

Мой милый, родной и золотой мусичек! Получаю от тебя и от Валька⁵ открыточки, но сама Вам не пишу т.к. совсем нет время – я теперь занимаюсь целыми днями и потому мы совсем потонули в грязи, я даже не прибираю комнат. Стрельникову и Фридолину⁶ я решила сейчас не сдавать, а попросить их мне подписать, а сдать осенью. Фридолин мне это сегодня уже сделал, к Стрельникову поеду завтра. Останется 3 Бируле⁷, но зоогеография и сист<ематика> почти готовы и тогда еще один и все. Немецкий попрошу отменить. Думаю последний зачет сдавать 13го числа. Не уеду отсюда пока не кончу. Сергунчик еще здесь и у меня много неприятностей с этим проклятым Руденко⁸. Денег все еще не дали и мы беспокоимся что экспедиция лопнет. Бедный Сергунчик очень расстроен. Делают всякие гадости и сегодня, например, в Кел [?] все получали деньги и только зоол<огическому> отряду жалование не выдали – видишь-ли не переслали ведомость. Завтра получим. Денег у нас совсем нет и мы кругом в долгах. <...> Завтра получим [папочкино⁹] жалованье и пошлем еще телеграмму об жаловании в заповедник. <...> Исаков¹⁰ из отряда ушел т.к. испугался конкуренции в моем лице. Так что отряд весь состоит из С.И.С., Е.М.В. и С.А. Северцова¹¹ (фото 2).

Сейчас Сер[ежа] поехал к Силину отвозить мои работы по угломерке и топографии. <...> Мы выедем числа 15 вместе. Сейчас С[ережа] пришел и Силин картографию зачел, а топографию я пойду сдавать Бородину. Хорошо очень что он зачел картографию.

⁵ Валентина Ермолаевна Вакуленко (1903-1967) – жена брата Е. М. Снигиревской, Николая Михайловича Вакуленко.

⁶ Владимир Юльевич Фридолин (1879-1941) – биолог, энтомолог, преподаватель ЛГУ.

⁷ Алексей Андреевич Бялыницкий-Бируля (1864-1937) – русский и советский учёный-зоолог и палеонтолог, член-корреспондент Академии наук, профессор ЛГУ.

⁸ Сергей Иванович Руденко (1885-1969) – российский и советский археолог, антрополог, этнолог, гидролог, доктор технических наук, профессор. В 1927-1930 гг. – руководитель Башкирской экспедиции АН СССР.

⁹ Михаил Викторович Вакуленко (1874-1944) – известный врач, хирург, Герой Социалистического Труда, основоположник нейрохирургического направления в Башкирии, долгие годы жил в Уфе, отец Е. М. Снигиревской.

¹⁰ Василий Федорович Исаков (1899-1941?) – в 1930 году закончил биологический факультет ЛГУ, впоследствии доцент кафедры позвоночных биологического факультета ЛГУ.

¹¹ Сергей Алексеевич Северцов (1891-1947) – советский зоолог, эколог; один из основателей эволюционной экологии. Сын А. Н. Северцова.

[Лидии Николаевне Вакуленко]

14 июня 1930 года

<...> Опять сижу в библиотеке Зоо<логического> Музея и опять жду Сергунчика. С предпоследнего письма прошло уже 2 дня и за это время кое-что произошло: вчера утром я встала в 3 ч. 15 м. утра и учила зоогеогр<афию> и системат<ику растений> которые должна была идти сдавать Бируле в 10 ч. утра. Накануне я совсем не занималась, а почему – увидишь дальше. Потом я немного поспала и в 10 часов отправилась на зачет. Бирулечка встретил меня очень хорошо и просил меня рассказать ему о грызунах. Но все-же он ехидный старичок и сказал чтобы я рассказала ему о тех грызунах которые живут не у нас, а в Америке.

Фото 2. Сотрудники зоологического отряда Башкирской экспедиции АН СССР по пути из Ленинграда в Уфу, 1930-1931 гг. (слева направо): Сергей Иванович Снигиревский, Екатерина Михайловна Снигиревская, Владимир Анимподистович Брагин (лаборант)

16го июня 1930 г.

Письмо продолжаю: сдала Бируле я так что и лучше уже и некуда, он меня хвалил очень. После сдачи этих 2 зачетов у меня остался Стрельников, зоогеография моря (Бируля) и немецкий. Я вернулась после зачета опять к Ал. Андр.¹² и попросила его мне подписать зачет по зоог<еографии> моря, вперед, т.к. мы 17го уезжаем. Он

¹² А. А. Бялыницкий-Бируля.

посмеялся, сказал что делает только мне исключение, но все же подписал. На другой день я отправилась к Стрельникову просить его подписать мне зачет до осени, но эта проклятая сволочь мне отказала на отрез из за чего мне теперь не приходится ехать с Сергунчиком и сидеть здесь еще недели полторы. Он уезжает наверное завтра или послезавтра. Я должна была завтра сдавать зачет Бируле, но готовить его еще не начала т.к. очень много дел с отъездом и буду сдавать его через 3 дня. Тут-же буду сдавать и Стрельникову. Мы очень огорчены что не едем вместе¹³. <...>

[Сергею Ивановичу Снигиревскому]
18-21 августа 1932 года
Казакстан. г Алма-аты
Казакстанское отделение Академии Наук,
ул. Виноградова № 4
(Уфа, ул. Свердлова 69)

№ 16, 18 августа, 6 ч. вечера¹⁴

Сергунчика, котик мой, твоя жена сейчас сидит на террасе в новом платье и в узких туфлях и с красными бусами на шее и часами на руке и пишет тебе письмо. <...>

Спила она мне еще капотик тоже вышел ничего. Во всяком случае я выгляжу в них лучше чем с животом и в черном «пластроне»¹⁵. Настроение бодрое, но потому что я опять полна мечтаний о том что мы с тобой будем работать, поедем в Казакстан, будем ездить верхом и т.д.

19 августа, 10 ч. утра

<...> Я чувствую себя ничего, стала гораздо спокойней как приехал папочка. Принимаю бром. Скучаю о тебе очень. Где ты мой любимый и что делаешь? Когда едешь в экспедицию? Очень меня интересует чем кончился вопрос с заведыванием базой. Я-бы пожалуй не сдала позиций, даже и Кошкарону¹⁶. Что это за бесцеремонное отношение. Сволочи! Но конечно тебе там на месте виднее за что стоит бороться и за что нет.

Я с сегодняшнего дня буду хоть понемногу «распространять» зверей по Башкирии.

<...>

¹³ Судя по фото 2, С. И. и Е. М. Снигиревские выехали в Башкирию все же вместе.

¹⁴ Письмо написано вскоре после рождения (9 августа) у Е. М. и С. И. Снигиревских первой дочери, Наташи.

¹⁵ Пластрон – брюшная часть панциря черепахи.

¹⁶ Даниил Николаевич Кашкаров (1878-1941) – советский зоолог, эколог; один из основателей отечественной школы экологов; исследователь центральноазиатской фауны, доктор биологических наук (1934), внёс большой вклад в области психологии животных.

Напиши нашел-ли ты себе препаратора? Жаль что Коляка¹⁷ отказался. Напиши какая атмосфера на базе. Какие люди. Дали-ли тебе квартиру или нет. <...> Почему ты молчишь о башкирской экспедиции. Будем мы вести обработку или нет? Напиши. <...>

7 ч. вечера

<...> начала заниматься обработкой. Но дело идет очень медленно – все время уходит на цикатуху малютку¹⁸. Но все-же хоть понемногу буду это делать. <...>

Сейчас письмо кончаю – еще позанимаюсь, а то скоро уже должен начаться «вечерний концерт» хотя пока спит.

20 августа, 10 ч. утра

<...> только-что кончили пить чай. Сижу на террасе. Кругом карты, книги, записки. Сегодня я уже позанималась с часик т.к. маленькая не спала с 8 ч. – я ее снесла вниз в столовую – она заснула и я до 9 ч. занималась.

<...> Я уже «пишу» распространение барсука. После этого нанесу его на карту. Но боюсь что потом кальки нигде не достану. Думаю проявить степашевского мальчишку, послать им карточку, а заодно попросить выслать мне рулон кальки.

Если <...> башкирской обработки не будет¹⁹, то я может-быть проживу здесь до ноября и когда узнаю что ты скоро выедешь, то и я выеду. Уж очень здесь хорошее питание для маленького крысика. Да кроме того боюсь что дом наш долго не будут топить.

<...> Я страшно рада что начала заниматься – как-то легче мне стало от этого – опять я приблизилась к работе, опять уже всюю мечтаю ехать на полевые работы. Ужас до чего хочется, прямо ты представить себе не можешь.

Господи, с каким наслаждением поеду я на работу будущим летом, да особенно если еще с тобой.

Наши Кулгунины, Аргояши, Миасы я вспоминаю как что-то такое радостное, милое и приятное как не вспоминаю ничто. Но конечно важно что-бы я была с тобой. Без тебя все это будет на $\frac{3}{4}$ хуже.

<...>

21 августа, 11 часов

<...> сейчас получила от тебя открыточку где ты пишешь что Вы собираетесь совершить поездку в заповедник. Пишешь все об устройстве

¹⁷ «Коляка» – скорее всего, Николай Михайлович Вакуленко (1902-1935) – полярик, биолог, погиб на о. Врангеля; брат Е. М. Снигиревской.

¹⁸ Речь идет о дочери – Наташе (Наталья Сергеевна Снигиревская (9 августа 1932 года, Уфа – 6 декабря 2015 года, Санкт-Петербург) – палеоботаник, кандидат биологических наук, сотрудник БИН АН СССР).

¹⁹ См. в этом же сборнике письмо С. И. Снигиревского академику В. Л. Комарову от 27 мая 1932 года.

туда Коли²⁰ – лучше-бы написал что-нибудь о себе – ведь я от тебя получила из Алмата только 1 письмо где ты пишешь о всяких неопределенностях со служебной квартирой и т.д. <...> Относительно Союзпушнины и Борового все-же потом узнай. <...>

Со вчерашнего дня я в бодром настроении очевидно действует бром. Все ведь мечтаю, мечтаю о том как мы будем с тобой работать в Казакстане и жить вместе. Ты знаешь, у меня все-же желание ездить вроде какого-то помешательства – ведь я совершенно не могу жить без этого. Даже и с ребенком это не исчезло. Наоборот даже усилилось. Какое счастье что у нас такая специальность, которая позволяет нам осуществлять это.

[Сергею Ивановичу Снигиревскому]

21 августа 1935 года

Дальний Восток. Порт Аян (Охотского побережья)

До востребования.

Сотруднику экспедиции Наркомзема С. И. Снигиревскому.

(Уфа, ул. Свердлова 69)

<...> Третьего дня вечером мы были у Татариновых²¹: было много гостей. Я познакомилась с Малининым, он очень со мной хорошо и все время приглашал меня остаться работать в Башкирии. Сказал что они могут утвердить какую угодно тему, будут давать (если от заповедника) длительные командировки в Ленинград и т.п.

Обещал между прочим (пожалуйста только не думай что он за мной принаворачивает – он влюблен в Веру Викторовну Рябинину) устроить поездку на аэроплане в Ишимбаево, а перед этим в виде пробы полетать над Уфой.

Я умираю здесь со скуки, но понемногу продвигаю свои маленькие пустые делишки. Напр<имер> починила часы, сфотографировались, отдала в починку туфли, устроила ремонт своей шубы. Вчера мы с Анютой²² были у скорняка, он взялся перебрать мою шубу и сказал что она будет совсем как новая. <...>

<...> у меня есть такой план (правда еще не утвержденный в сознании) – <...> что я поеду сейчас в Ленинград взяв от Мали<ни>на какую-нибудь тему для полевой работы. Пробуду в Ленинграде до Января, Февраля, проработаю ее с Викторовым, соберу литературу, позанимаюсь в музее и в Феврале приеду сюда до октября. Зарплата 500-600 р. Думаю

²⁰ Н. М. Вакуленко.

²¹ Дмитрий Иванович Татаринов (1877-1956) – врач-терапевт, советский хозяйственный и государственный деятель; заведующий терапевтическим отделением 2-й и 3-й больниц Уфы (1920-1934); заведующий кафедрой госпитальной терапии Башкирского медицинского института (1934-1956); семьи Татариновых и Вакуленко (Снигиревских) связывала большая давняя дружба.

²² «Анюта» – Анна Петровна Щербакова (1882-1982) – няня Н. М. Вакуленко и Е. М. Снигиревской, впоследствии – член семьи Снигиревских.

поговорить об этом с Малининым. Ведь все лето я смогла бы быть с Наташей. Например он предлагает работу по экологии выпущенной здесь выхухоли. Да и вообще здесь очень хорошо (в наших родных с тобой местах) и я с удовольствием-бы здесь поработала, а отношение было-бы ко мне очень хорошее в этом я не сомневаюсь. Ужасно что я не могу быстро посоветоваться с тобой об этом.

Сергушечка, мы не будем больше на долго разлучаться с тобой, будем работать с тобой где-нибудь хоть поблизости. Но насчет Д<альне>в<осточного> филиала все-же веди переговоры насчет тебя, а если можно то и насчет меня – нужно чтобы наше с тобой положение было абсолютно крепким и устойчивым.

<...> Сообщи мне твой зимний адрес (кажется через Якутск-Чумышан[?])

Сотруднику экспедиции Наркомзема С. И. Снигиревскому
26 августа 1935 года
Дальний Восток. Порт Аян Охотского побережья,
через Владивосток.
(Уфа, ул. Свердлова 69 от Е. Снигиревской)

<...> сегодня получила твое письмецо посланное тобой 2.VIII из бухточки «Нельма», след<ующее> письмо шло 22 дня (т.к. там было вложено письмо и от 4.VIII).

<...> Я думаю недели через 2 поехать в Ленинград оставив здесь маму и Наташу. Буду делать ремонт, одеваться, устраиваться на службу, а потом в чистую квартиру и с прислугой уже возьму их сюда т.е. приблизительно в Октябре, не позднее.

А Наташе здесь очень хорошо. С Малининым еще не говорили, но думаю связи завязать. В Ленинграде постараюсь привязаться к Кашкарову – он умеет заставлять народ заниматься, а мне только этого и надо.

Здесь я понемногу занимаюсь английским языком и очень многое постигла – замечательный самоучитель. В Ленинграде начну заниматься с преподавателем. Вообще хочется жить активной и интересной жизнью.

<...> Смотри мой дорогой хорошо работай, не ленись – приедешь – отдохнешь – поедем с тобой на юг – я скоплю денег. В экспедицию я обязательно поеду. Вообще жизнь это роскошь, счастье. Я полна энергии и желания жить, но здесь не могу это проявить, т.к. здесь яма самая ужасная.

<...> Напиши мне подробно <...> о твоих взаимоотношениях с Д.В. филиалом и Союзпушнинной, все используй, ни от чего не отказывайся. В крайнем случае это можно сделать потом. Не делай никаких опрометчивых шагов и будь в делах очень серьезен и выдержан. Помни Алма-Ата. Сохраняй добрые отношения с сотрудниками и начальником.

Сотруднику экспедиции Наркомзема С. И. Снигиревскому
1 сентября 1935 года
Дальний Восток, порт Аян (Охотского побережья)
через Владивосток.
(Уфа, ул. Свердлова 69 от Е. М. Снигиревской)

Мой милый <...> вчера получила от тебя наконец телеграмму о том что ты мои телеграммы получил, только вернулся с Мальминских о-вов с богатой добычей <...> Ужаснуло-же меня то что 5 месяцев я буду без зарплаты. <...> нужно хлопотать о перенесении аванса на конец работ, т.к. летом я поеду в экспедицию и заработаю много денег и чтобы ты неминуемо сообщил мне результаты хлопот.

<...> Завидую тебе что ты в таких интересных местах и хорошо работаешь, как хотела-бы я поехать к тебе, но жалко бросать нашего Натульчика.

<...> Не забудь писать мне до какого числа можно тебе писать по этому адресу и как писать адрес на письмах которые пойдут к тебе зимней дорогой. Кажется, через Якутск-Нелькан. <...>

Здесь все время читаю. Недавно читала «12 стульев» – замечательная вещь, очень пожалела что читали не вместе – необычайно остроумно и смешно. Сейчас читаю вторую часть «Петра I». Потом прочту II часть Тихого Дона. <...>

На обороте заметка карандашом: «Письмо оказалось вскрытым. Сер. Снигиревский. Получено 8.I.36 от Олейникова».

Сотруднику экспедиции Наркомзема С. И. Снигиревскому
До востребования.
11 ноября 1935 года
Порт Аян (Охотского побережья)
через Владивосток. Почтовое отделение.
(Уфа, ул. Свердлова 69)

Мой милый <...> Сергунчик, давно уже не писала тебе т.к. получила от тебя телеграмму что ты уезжаешь на 4 месяца в экспедицию. Не знаю успеет-ли это письмо уйти с последним пароходом или нужно его посылать уже зимним путем через Якутск. Попробую послать его опять через Владивосток. <...>

У меня есть нечто новое о чем я тебе еще не писала – я уезжаю в Ленинград 14 числа (если уже билет в мягком вагоне). Ты наверное на меня рассердишься, но я решила на 1 месяц оставить Наташу с мамой в Уфе – по многим соображениям. У меня есть сейчас около 2000 денег (500 р. стоила мне покраска шубы – получается хорошо, принесут 13го) – я еду в Ленинград, рублей 500 трачу на зимнюю свою одежду т.к. у меня нет абсолютно ничего, а на остальные деньги делаю ремонт квартиры (рублей 600). В это-же время я устраиваюсь на службу, начинаю учить английский, нанимаю прислугу и на все готовое перевожу сюда маму и Наташу – не позже как через месяц.

Если же возьму их сейчас, я не смогу одеться т.к. деньги эти мы проживем, а здесь я оставляю им 150-200 р. всего. Кроме того погода здесь хорошая, Натульчик на свежем воздухе и ей стоит здесь пожить. Жалко мне ее оставлять очень но нужно

Сергея серьезно взяться за дальнейшее устройство нашей жизни, нужно поправить разные мелочи (диваны, тюфяки) и уже в хорошей обстановке и без долгов начинать жизнь. <...> ведь так надоело быть оборванной и рваной и жить вечно без денег.

Беспокоит меня лишь то куда я устроюсь и на какую работу. При выборе службы буду руководствоваться тем, что мне она даст в умственном отношении, на пустую ненужную службишку, которая оторвет меня от Наташи и от повышения моей квалификации – я и устраиваться не буду, а лучше буду заниматься экологией под руководством Кошкарова и летом поеду от него в экспедицию. Но конечно мой идеал – это поступить на службу, а потом куда-нибудь поехать. Буду прилагать к этому все силы.

Писала-ли я тебе что я теперь курю? А вот, не оставляя бы меня, так я не курила бы. <...>

Работы много, много, пользуй каждую минуту – помни, что много жду от твоей работы – помни, что ты ведь больше не попадешь на Охотское побережье. Используй его полностью, ведь все что ты дашь – будет новое и чем его будет больше тем для тебя это будет лучше. По приезде тебе необходимо получить ученую степень и вообще занимать какое-нибудь солидное место, которого ты и достоин, мой дорогой.

<...>

Недавно я получила твоих старых 3 письма перед отъездом из Владивостока. До этого я уже получала с «Лебедя»²³. Как дела у тебя с Союзпушминой – видимо, не вышли. Как дело обстоит с Филиалом – телеграфируй мне об нем – я хочу знать будешь ли ты определенно там служить или нет по возвращении из экспедиции.

Сергею Ивановичу Снигиревскому
23 января 1935²⁴ года

Мой милый родной золотой Сергунчик, не сердись, что пишу тебе на твоей хорошей бумаге, но, честное слово, взяла ее в первый раз, другой никакой у меня сейчас нет, а хочется сейчас писать тебе.

Дорогой мой Сероглазик, сегодня я наконец послала тебе телеграмму в ответ на твою, вторую, из Аяна. Ответ я задержала т.к. временно, до получения зарплаты, мы были без денег (не думай, что это явление обычное, это исключение благодаря проводке радио и других подобных же расходов).

Ты пишешь, что радуешься положению с деньгами. Да, слава Богу, в этом отношении все теперь благополучно. Все долги аннулированы и не перед кем мы теперь с тобой можем не прятаться и никого не бояться. Едим мы очень хорошо, но всегда я с грустью вспоминаю тебя и нашу жизнь в 35 г. Помнишь Сергучка как мы с тобой голодали, сидели в темноте, ты ходил в брюках, из которых висели ключья тряпок подшитых снизу, а башмаки... О Господи, только бы этого никогда уже больше не было. А помнишь как ты приносил мне обед из зоологичес<кого> сада, в котелке – бигус. Помнишь какая безумная гадость этот бигус? А как мы с тобой радовались когда ты приносил копченого леща. Все это ужасно, но кажется милым и далеким и об'единяющим нас с тобой вдвоем, только нас и никого больше. Ведь только ты и я знали как плохо мы жили, я уверена что никто даже подозревать не мог как ужасно мы тогда нуждались. <...>

Я ничего не делаю и нигде не служу, т.к. везде мне предлагали от'езд. Напр<имер> была у Доппельмайера²⁵, но сейчас уже должна была

²³ «Лебедь» – Траулер советского дальневосточного флота.

²⁴ Скорее всего, год указан ошибочно: судя по тексту письма, оно должно быть датировано 1936 годом.

уехать на Кольский полу<остро>в. Предлагает Фридолин в Кольскую базу АН на зарплата 300 р., а быть там месяцев 8-9. К чорту!

Сейчас послала (12 дней тому назад) телеграмму Малинину в Уфу чтобы он высылал договор для поступления в Заповедник. Но ответа до сих пор нет, видимо прозевала уже. А условия там были хорошие (я об этом договаривалась с Малининым в Уфе) – 400 р. основной оклад. Их я получаю в течение отпуска (1½–2 мес.) а также 4 мес командировки в Ленинград. Остальные 6 мес. я живу в заповеднике и получаю 700 рублей.

Но к сожалению это дело видимо провалилось, т.к. ответа нет.

В крайнем случае поеду в экспедицию.

Во всяком случае, летом буду сама зарабатывать деньги, а твои буду откладывать.

Я сейчас немного заработала. Я заключила договор с Фридолиным, он пишет книжки, а я делаю ему рисунки – 50 штук – 400 руб. Кроме этого я брала чертежи на 210 руб. Уже все почти сделала, осталось 5 штук. Видела художница и дала хороший отзыв.

<...>

Писала-ли я тебе что я настроила рояль и провела радио (громкоговоритель еще не принесли и оно еще не включено, но все деньги уже заплачены).

Вообще у нас сейчас полный порядок. Теперь надо заводить белье и одежду. Не думай что мало денег потребовалось на ликвидацию той разрухи, которая была у нас в доме.

Ведь ничего у нас не было, все было изорвано, изломано, грязно. Теперь все приведено в порядок. В зоол<огический> музей я хожу редко, когда только рисую там для Фридолина, но если получу положительный ответ из заповедника, то буду ходить туда готовиться.

<...>

Я тебе еще не писала, что я курю, закурила сейчас-же после твоего от'езда. Но скоро думаю бросать.

[Сергею Ивановичу Снигиревскому]
Письмо не датировано, но вложено
в тот же конверт, что и предыдущее

8 ч. 30 м. На Окт<ябрьском> вокзале²⁶. <...> Сейчас бегом бегала с Маней [?] на дроболитейный завод и дробь все-же успела получить. <...>

Вчера была на танцевальном вечере, но было довольно скучно и я жалела что ходила. Мама прислала мне открытку, и пишет, что в Совнарком БССР решился вопрос о моем приглашении в Заповедник с командировкой в Ленинград. Как по твоему? Ответь.

²⁵ Георгий Георгиевич Доппельмейер (1880-1952) – биолог, зоолог, лесовод, охотовед; один из разработчиков первого закона о заповедниках «Об установлении правил в охотничьих заповедниках».

²⁶ Ныне – Московский вокзал в Санкт-Петербурге.

20 мая 1936 года
Дополнительное соглашение

Мы, нижеподписавшиеся, Ученый Консультант Заповедника МАМИН Г. А., действующий на основании доверенности Директора Башкирского Государственного Заповедника с одной стороны и зоолог СНИГИРЕВСКАЯ Е. М. с другой, – заключили настоящее дополнительное соглашение о нижеследующем:

1. Тов. СНИГИРЕВСКОЙ за полевой период 1936 года сверх основной ставки в размере 400 рублей уплачивается нагрузка в размере 75% от основного оклада.

2. Продолжительность полевого периода определяется распоряжением Директора Заповедника в пределах от 4-х до 6 месяцев в зависимости от характера весны и лета и Метеорологических условий.

3. Дополнительная нагрузка оплачивается из средств, отпускаемых Наркомфином дополнительно на проведение зоологических исследований по тематике выполняемой т. СНИГИРЕВСКОЙ. Оплата производится в следующие сроки: 15 Июля, 15 Августа, 15 Сентября и последний расчет 15 октября 1936 года на основании спр<авки> о выполненной работе.

Ученый консультант

Зоолог

Подпись т. Мамина удостоверяю

Управделами ЮУл

Секретарь пр. техн. Отдела

МАМИН

СНИГИРЕВСКАЯ

/печатать/

Н. Краш... [подпись неразборчива]

Экспедиция Наркомзема,
научному сотруднику С. И. Снигиревскому
05 июля 1936 года

Порт Аян (Охотское море), Нижне-Амурская область.
(поч. Байназарово Бурзянского района, Башкирский
Заповедник)

<...> Теперь расскажу тебе о своей жизни здесь. Теперь я научная сотрудница Заповедника. Работа моя распростран<ается на> мелких млекопитающих (мышевидных грызунов), а также и других позвоночных: птиц (кроме промысловых), рептилий, амфибий и рыб. Кроме меня здесь есть охотовед, который занимается пром<ысловыми> зверями и птицей, и

проф. Положенцев²⁷ – самарский энтомолог. Есть ботаничка, приезжает ботаник (геоботаник) – Терехов²⁸ из Самары. Мет<еорологическая> станция.

С дирекцией отношения у меня очень хорошие, да и со всеми тоже. Зам. директора – Г. К. Макаров – ты наверное знал его по Южноураллесу – очень симпатичный, интеллигентный, туберкулезный человек. Директор тоже очень славный. Но с зарплатой дело обстоит плохо – обещали мне 700, но платят 400. 40 р. теперь вычитают на заем. Так что с другими вычетами – рублей 340. <...>

Плохо то, что мне приходится ежемесячно посылать еще в Ленинград за квартиру, и телефон и электричество т.е. еще 70 р., итого остается 270. <...>

Тузичек²⁹ у нас большой, толстый, красивый и хулиганистый. Живут здесь и Лида с Таней³⁰ (фото 3). Здесь им конечно очень хорошо – бесплатная дача. Тузишечка, слава богу, здорова. <...> Очень она похожа на тебя и иногда я зову ее Сергейкой. <...>

Езжу вечером, стреляю, работа идет хорошо. Счастлива, что работаю и живу наконец правильно. <...>

Пиши на Уфу (Свердлова 69), а они³¹ перешлют мне.

14 августа 1936 года
Владивосток, Областное Земельное Управление,
научно-исследовательский отдел,
геоботанику Кабанову Николаю Евгеньевичу
от: Э. Аникиной, п.о. Байназарово Бурзянского р.
АБашкССР, Заповедник, м.к.

Ник. Евг., у нас в Заповеднике работает зоолог Снегиревская, Екатерина Михайловна. Муж ее Сергей Иванович Снегиревский работает (если он еще жив сейчас) в Землеустроительной экспедиции в Аяне.

²⁷ Петр Артемьевич Положенцев (1900-1982) – энтомолог, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, ученый-зоолог, общественный деятель, педагог и организатор лесохозяйственного образования.

²⁸ Александр Фёдорович Терехов (1890-1974) – советский ботаник, исследователь флоры Поволжья и Заволжья.

²⁹ «Тузиком» Е. М. и С. И. Снегиревские называли свою первую дочку – Наташу.

³⁰ Лида с Таней – племянницы Е. М. и С. И. Снегиревских, дочери Николая Михайловича Вакуленко: технолог по лесозаготовкам в Сибири Лидия Николаевна Кривошекова (1928-2011) и Татьяна Николаевна Галаничева, лаборант-вирусолог (1931-2004).

³¹ Имеются в виду отец и мать Екатерины Михайловны – М.В. и Л.Н. Вакуленко.

Фото 3. Башкирский заповедник, 1938 год. Слева направо: Лидя Вакуленко, Наташа Снигиревская, А. И. Безсонов³², Е. М. Снигиревская, Таня Вакуленко

³² Андрей Иванович Безсонов (1875-1962) – учёный-почвовед, доктор сельскохозяйственных наук (1936), профессор (1926), член-корреспондент АН КазССР (1946). Заслуженный деятель науки и техники КазССР (1945).

Başqortostan Xalq Kamisardarǵ Savite ergähendäǵe
BAŞQORTOSTAN DÄVLÄT ZARAVIDNIKĪ.
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАПОВЕДНИК
 при Сөвнаркоме А. Б. С. С. Р.
 Адрес: АБССР п-о Байназарово, кардон „САРГАЯ“.

№ 3-26-9 . 9 . декабря 1936 г

С П Р А В К А

Дана настоящая справка фельдшерине
 Башгосзаповедника при СНК Башкирской
 АССР **ВАКУЛЕНКО Л.Н.** в том, что она
 действительно работала на упомянутой
 должности с 15/VI - 24/X-36г., что и
 удостоверяется. -

ДИРЕКТОР

М. С. Г. [подпись]

Зак. № 1038. Тир. 4900

Фото 4. Справка Л. Н. Вакуленко о работе фельдшером в Башкирском заповеднике, 1936 г.

С апреля месяца Екатерина Михайловна внезапно перестала получать от мужа письма, а из учреждения – ту часть его зарплаты (800 руб. в месяц) которые прежде механически пересылались учреждением. Узнайте, жив ли Снегиревский, а если жив, в чем там дело, где он и напишите мне. На запросы Обл. [04?], почтой и телеграфом ответа до сих пор не получено.

9 сентября 1936 года
Поч. отдел. Байназарово Бурзянского р-на
АБАШК.ССР. Заповедник. Местком.
Э. Аникиной

Отдел Землеустройства Прим. Облзу сообщает, что гр. Снегиревский Сергей Иванович жив и в данное время находится в Аяне, возвратится в октябре мес. с/г.

Начальник отдела Землеустройства Приморского Облзу
/подпись/ Силаев

1 июня 1937 года
Трудовой договор³³

Башгосзаповедник 1го июня 1937 года. Мы нижподписавшийся Башкирский государственный заповедник в лице директора заповедника Соколова А. И.³⁴ и гражданка Снегиревская Е. М. заключили настоящее трудовое соглашение в отмену ранее заключенного договора от 15 мая 1936 года в следующем:

§ 1 Башкирский государственный заповедник зачисляет гр-ку Снегиревскую Е. М. на должность старшего научного сотрудника зоолога Башкирского государственного заповедника с 1го апреля 1937 года.

§ 2 Гр-ка Снегиревская Е. М. обязуется в течение двух лет со дня зачисления выполнять обязанности, присвоенные должности, на которую она назначена в соответствии с положением о заповеднике, директивами Комитета по заповедникам и дирекции заповедника, существующими и издаваемыми впредь инструкциями и правилами внутреннего распорядка.

§ 3 Гр-ка Снегиревская Е. М. по занимаемой должности является ответственным работником с ненормированным рабочим днем.

§ 4 За выполняемую по настоящему договору работу ежемесячное вознаграждение устанавливается в размере 450 рублей в м-ц.

§ 5 Кроме указанного вознаграждения выплачивается компенсация за фактическое время полевых работ, исходя из расчета 50% основного месячного заработка.

³³ В архивных материалах имеется сходный договор со старшим научным сотрудником – орнитологом С. И. Снегиревским, заключенный на срок с 1 октября 1939 года. Согласно п. 4, его вознаграждение составляло 600 руб. в месяц.

³⁴ Алексей Иванович Соколов – директор БГПЗ (см. фото б).

§ 6 Башкирский государственный заповедник обязан предоставить гр-ке Снигиревской Е. М. жилое помещение, как для нее так и для членов ее семьи с отоплением бесплатно.

§ 7 Гр-ке Снигиревской Е. М. должно быть предоставлено помещение для работы и необходимые для работы предметы, за целость и сохранность которых она несет материальную ответственность.

§ 8 В случае увольнения гр-ки Снигиревской Е. М. по собственному желанию или за нарушение трудовой дисциплины ранее срока, на который заключен настоящий договор, гр-ка Снигиревская Е. М. обязана немедленно возвратить Башкирскому госзаповеднику полностью все суммы выплаченные ей согласно договора от 15 мая 1936 года в качестве компенсаций в связи с проездом к месту работы.

§ 9 Гр-ке Снигиревской Е. М. предоставляется ежегодно отпуск общей продолжительностью включая нормальный очередной и все дополнительные отпуска в 48 рабочих дней.

§ 10 При служебных командировках с научной целью, связанных с углубленной проработкой проводимой гражданкой Снигиревской Е. М. темой или ее камеральной обработкой гр-ке Снигиревской Е. М. оплачивается: стоимость проезда, суточные за время нахождения в пути и квартирные за время работы в пункте командировки. Суточные за время нахождения в пункте командировки и квартирные за время нахождения в городе Ленинграде – не выплачиваются.

§ 11 При прекращении работы в Башкирском госзаповеднике по какой бы то не было причине гр-ка Снигиревская Е. М. обязуется в 2^х декадный срок со дня прекращения работы освободить предоставленное ей жилое помещение и выехать за пределы заповедника, вместе со всеми лицами совместно с ней проживающими.

§ 12 Во всех случаях не предусмотренных настоящим договором, стороны руководствуются действующим трудовым законодательством и постановлениями соответствующих органов по трудовым вопросам.

§ 13 Настоящий договор вступает в силу со дня утверждения его Комитетом по заповедникам при Президиуме ВЦИК.

Директор Башкирского госзаповедника

А. Соколов

Старший научный сотрудник

Е. Снигиревская

Утверждаю:

Председатель Комитета по заповедникам при президиуме ВЦИК
/Шведчиков³⁵/

³⁵ Константин Матвеевич Шведчиков (1884-1952) – большевик, соратник Ленина, советский государственный деятель, организатор кинопроизводства. В 1936-1939 гг. – председатель Комитета по заповедникам ВЦИК РСФСР.

24 января 1939 года
Отзыв о научной работе Е. М. Снигиревской

ОТЗЫВ
О НАУЧНОЙ РАБОТЕ ЗООЛОГА БАШКИРСКОГО
ЗАПОВЕДНИКА
Е. М. СНИГИРЕВСКОЙ

После окончания Ленинградского университета Е. М. Снигиревская работала научным сотрудником 1 разряда (зоологом) в Башкирской экспедиции Академии Наук СССР (1930-1932 гг.) и собрала за это время очень большой материал, частично использованный в «Предварительных отчетах» Башкирской экспедиции и в статье «Грызуны и насекомоядные Башкирского заповедника»³⁶. После Башкирской экспедиции Е. М. СНИГИРЕВСКАЯ перешла на работу научным сотрудником 1 разряда в Казахстанский филиал Академии Наук СССР (1933-1934 гг.).

За время работы в филиале ею составлены обширная сводка «Обзор изученности млекопитающих Казахстана»³⁷ и статья «Обзор млекопитающих Алма-Атинского заповедника»³⁸, содержащий много интересных сведений по биологии млекопитающих. (Обе эти работы находятся в портфеле редакции «Трудов Казахстанского филиала Академии Наук СССР»).

С 1936 г. и до настоящего времени Е. М. Снигиревская работает в Башкирском заповеднике, на должности старшего научного сотрудника и ведет самостоятельную исследовательскую работу. Результатом работы первого года (1936) явилась рукопись «Грызуны и насекомоядные Башкирского заповедника», в которой содержится много новых, интересных сведений об образе жизни грызунов и распределении их по местообитаниям и распространении на Южном Урале. Особенно ценны сведения, сообщаемые Е. М. Снигиревской, о биологии садовой сони (*Eliomys quercinus*) (фото 5). В течении двух последних лет (1937 и 1938) Е. М. Снигиревская работала по теме «Роль грызунов в сосновых борах Южного Урала». При полевых исследованиях по этому вопросу, важному и в теоретическом и в практическом отношениях, Е. М. Снигиревская применила и разработала ряд оригинальных и очень эффективных методов. Один из них описан в заметке, помещенной в «Природе» за 1938 г. № 11-12³⁹ («Е. М. Снигиревская. Новое в методике количественного учета»). Несомненно, что этот метод вскоре будет применен при всех стационарных

³⁶ См.: Снигиревская, 1947.

³⁷ Эта работа осталась неопубликованной.

³⁸ См.: Вакуленко-Снигиревская, 1940.

³⁹ См.: Снигиревская, 1939.

исследованиях динамики численности мелких грызунов и насекомоядных, так как он является наиболее точным из существующих и дает возможность собрать массовый материал (Стоит указать, что Е. М. Снигиревской за два полевых периода собрано больше 4.500 грызунов и насекомоядных). Уже предварительная обработка материала по теме «Роль грызунов в сосновых борах» (работа заканчивается в 1939 г.) позволила Е. М. Снигиревской представить отчет, содержащий много свежих мыслей, чрезвычайно интересных наблюдений и ряд оригинальных выводов.

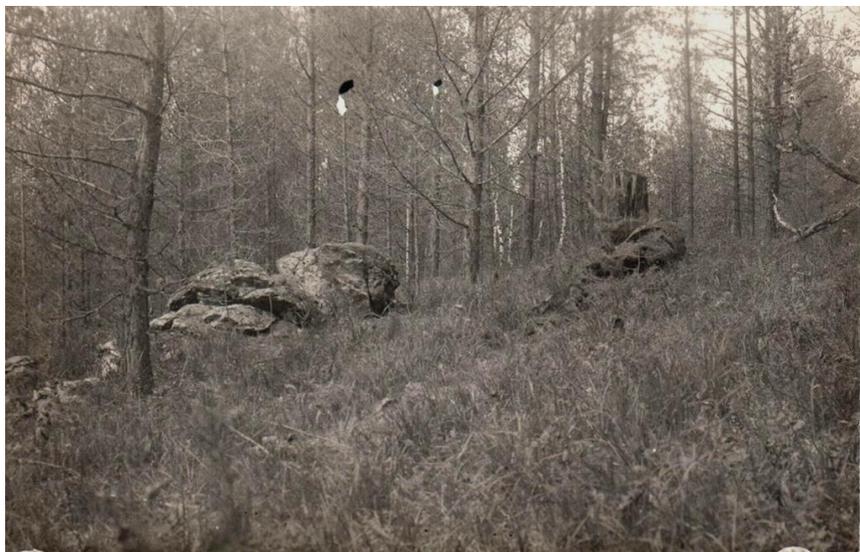

Фото 5. Место, где Е. М. Снигиревской был пойман первый экземпляр сони на Южном Урале. Башкирский заповедник, сосновый лес, 1930-1931 гг.

Несомненно, что Е. М. Снигиревская является отличным полевым натуралистом, не только собравшим огромный материал, но и прокладывающим новые пути в изучении биологии млекопитающих, и вполне заслуживает присвоения ей звания старшего научного сотрудника.

24.I.-1939 г.

Докторант Зоологического института
Академии Наук СССР /подпись/
/С. Кириков/

(Заведывал научной частью Башкирского заповедника со 2.II.1937 г. до 5.III.1938 г.)

ОТЗЫВ
о научно-исследовательской работе зоолога Башкирского
Государственного заповедника Е. М. Снигиревской

После окончания Ленинградского Университета Е. М. Снигиревская работала научным сотрудником 1 разряда в Башкирской экспедиции Академии Наук СССР (1930-1932 гг.) и собрала за это время очень большой материал, частично использованный в «Предварительных отчетах» Башкирской экспедиции. (Полные же отчеты хранятся в СОПС Академии Наук.)

После Башкирской экспедиции Е. М. Снигиревская перешла на работу в Казахстанский филиал Академии Наук СССР (1933-1934 гг.). За время работы в филиале ею составлен «Обзор млекопитающих Алма-Атинского заповедника», в котором содержится много интересных сведений по распространению и образу жизни млекопитающих. Кроме того, Е. М. Снигиревская составила обширную сводку «Обзор изученности млекопитающих Казахстана». Эта работа находится в портфеле редакции «Трудов Казахстанского филиала Академии Наук СССР».

С 1936 г. и до настоящего времени Е. М. Снигиревская работает в Башкирском заповеднике в должности старшего научного сотрудника. Основной работой Е. М. Снигиревской в Башкирском заповеднике была работа по теме «Грызуны заповедника и их роль в сосновых лесах». При полевых исследованиях по этой теме Е. М. Снигиревская разработала ряд оригинальных и очень эффективных методов, один из которых описан в журнале «Природа» (1938 г., № 11-12) (Е. М. Снигиревская. «Новое в методике количественного учета»).

Несомненно, что этот метод получит широкое распространение при стационарных исследованиях динамики численности мелких грызунов и насекомоядных, так как он является наиболее точным и дает возможность собрать массовый материал по тем видам, которые почти не попадают при относительном учете с помощью ловушек. (За три полевых периода Е. М. Снигиревской собрано более 5.000 грызунов и насекомоядных). Огромный материал, собранный во время полевых работ, обработан Е. М. Снигиревской в рукописи «Грызуны Башкирского заповедника и роль их в сосновых лесах»⁴⁰. Эта работа Е. М. Снигиревской заслуживает очень высокой оценки, так как в ней содержится много чрезвычайно интересных новых данных о биологии грызунов (особенно о биологии *Microtus arvalis*,

⁴⁰ См.: Снигиревская, 1947а.

Sicista betulina, *Eliomys quercinus*, *Clethrionomys rutilus*), а также новых, очень интересных данных о роли грызунов в сосновых лесах и в частности о роли их в процессе естественного лесовозобновления. Самый вопрос о роли грызунов в жизни леса был впервые поставлен Е. М. Снигиревской в 1937 г., и затем этот вопрос изучался П. Е. Свириденко⁴¹ и другими исследователями (ими – преимущественно в широколиственных лесах).

Работа «Грызуны Башкирского заповедника и роль их в сосновых лесах» получила высокую оценку у рецензентов и вскоре должна быть напечатана в сборнике «Трудов Башкирского заповедника».

В настоящее время Е. М. Снигиревская работает над составлением рукописи «Колебания численности и биология размножения землероек»⁴². Чрезвычайно большой материал, собранный по этой теме, и отличные способности Е. М. Снигиревской дают возможность быть уверенным в том, что и эта работа будет столь же интересной, как работа «Грызуны Башкирского заповедника и роль их в сосновых лесах».

В заключение необходимо сказать, что Е. М. Снигиревская отлично и с большой любовью работающий исследователь, собравший огромный коллекционный материал (только в Башкирском заповеднике ею собрано около 6.000 млекопитающих), собравший и обработавший массу новых, очень интересных наблюдений, прокладывающий новые пути и методы в изучении биологии млекопитающих. Поэтому она вполне заслуживает присвоения ей звания старшего научного сотрудника.

20 марта 1941 года
Зав. научной частью Башкирского заповедника
С. Кириков

31 марта 1941 года

Выписка из ПРИКАЗА № 32 от 31/III-41 года.

§ IX

Ст. науч. сотрудника Снигиревского С. И. полагать освобожденным от работы в Башкирском Госзаповеднике с 1 апреля 1941 г.

⁴¹ Павел Алексеевич Свириденко (1893-1971) – советский биолог, специалист по мышевидным грызунам, сотрудник Всесоюзного института свекловичного полеводства. Академик АН УССР. В тексте отзыва его инициалы приведены ошибочно: «П.Е.».

⁴² См.: Снигиревская, 1947б.

§ X

Ст. науч. сотрудника зоолога Снигиревскую Е. М. полагать освобожденной от работы в Башгосзаповеднике с 1 мая 1941 г.

Директор Башгосзаповедника: /подпись/

КАЛУГИН

Дата неизвестна, скорее всего, после мая 1941 года **Характеристика (копия) Е. М. Снигиревской**

Т. Снигиревская Е. М., год рождения 1906, дочь врача. Высшее образование получила в Ленинградском университете, по Биологическому факультету, который окончила в 1930 г., получив специальность – маммолога. До 1935 г. работала в качестве зоолога в Башкирской экспедиции Академии Наук. С 1935 г. и до настоящего времени работает в Башкирском Государственном заповеднике в должности старшего научного сотрудника-маммолога.

Т. Снигиревская за время работы в Заповеднике проявила себя хорошо подготовленным, самостоятельным научным работником, весьма инициативным и энергичным в выполнении ведущихся ею исследований в области изучения фауны и экологии млекопитающих.

Т. Снигиревская принимает активное участие в общественной жизни коллектива.

Директор Башгосзаповедника /Соколов/ (фото б)

Парторг /Ишимов/ Предместкома /Яковлев/

Копия верна. За секретаря Куйбышевского Госзаповедника:
Кузьмина.

17 мая 1941 года **Отзыв о работе Е. М. Снигиревской** **«Роль грызунов в сосновом лесу»**

Работа Е. М. СНИГИРЕВСКОЙ является результатом экологических исследований автора, выполненных в течение нескольких сезонов на территории Башкирского заповедника. В первой части работы приводится список грызунов заповедника, выясняется их распределение по местообитаниям и излагаются результаты экологических исследований автора над отдельными видами грызунов. Во второй части работы дается количественное распределение грызунов в заповеднике и выясняется положительная и отрицательная роль грызунов в процессе естественного возобновления леса.

Фото 6. Директор Башкирского заповедника Алексей Иванович Соколов (справа) и парторг Биджан [Ишимов?] (слева). Башкирский заповедник, 1936-1940 гг.

Работа содержит значительное количество новых данных по экологии грызунов, в частности представляют интерес экологические данные о соне, мышевке, рыжих полевках и особенно детальные экологические наблюдения автора над обыкновенной полевкой; все эти материалы в значительной степени пополняют имевшиеся в литературе сведения о названных грызунах. Ценные наблюдения сделаны также автором по вопросам колебания численности грызунов, по вопросам питания и влияния грызунов на процессы возобновления леса.

Рассматриваемая работа свидетельствует о том, что в лице Е. М. СНИГИРЕВСКОЙ имеется вполне сложившийся научный работник, достаточно подготовленный для выполнения самостоятельных научных исследований.

Профессор

/подпись/

Б. ВИНОГРАДОВ⁴³

⁴³ Борис Степанович Виноградов (1891-1958) – советский териолог, заведующий кафедрой позвоночных ЛГУ, отделом наземных позвоночных Зоологического института АН СССР, основатель Ленинградской школы териологии.

октябрь 1942 года

Отзыв Б.М. Житкова о работе Е. М. Снигиревской

Е. М. Снигиревская

Материалы по биологии размножения и колебания численности
землероек
(Отзыв)

Работа о землеройках выполнена в Башкирском заповеднике в 1937-1939 гг. параллельно с работой этого же автора по распространению и экологии грызунов в том же заповеднике.

Собранная коллекция насекомоядных была тщательно изучена (не хватило времени только для изучения питания землероек). Изучены колебания численности, биология размножения и распределение землероек по типам соснового леса.

В начале статьи находится «Краткий физико-географический очерк заповедника», перенесенный из рукописи автора «Роль грызунов в сосновом лесу». Очерк дельный и в общем хороший, причем подробно рассмотрены, в связи с темой, травянистый бор, (*Pinetum herbosum*), вейниково-ракетиниковый бор (*P. calamogrostidetosum*), остепненный бор (*P. sub-stepposum*). Количество добытых мелких млекопитающих в различных типах боров, зависящих от покрова почвы, таково:

	<u>Землеройки</u>	<u>Грызуны</u>
1937 г.	33%	67%
1938 г.	37%	63%
1939 г.	31%	69%

Землеройки, следовательно, вдвое превосходят грызунов. Однако в литературе вовсе нет экологических исследований землероек (*Sorex*), которые в борах преобладают (всего меньше их в *P. herbosum* – вследствие недостатка в слабом травянистом покрове насекомых, следовательно худшего питания землероек).

В общем описание пейзажей, связанных с покровами почвы, несколько однообразны и слегка скучноваты. Это необязательно в картинах пейзажей и растительности, хотя бы сокращенных. Достаточно прочитать картины растительности Лапландии или Новой Земли в работах К. Э. Бэра или описания Дальнего Севера у академика Миддендорфа, чтобы убедиться в этом. Но если, в общем, описания травянистого покрова, характеризующего отдельные участки боровой почвы суховаты, то в научном отношении весьма удовлетворительны.

Далее автор переходит к характеристике численности и размножения землероек, плотность заселения которых убывает от травянистого бора к остепненному. Водятся тут 3 вида землероек – *S. araneus*, *S. macropigmaeus*, *S. minutus* (важно отметить, что при видовых

описаниях вовсе не упоминаются авторы описаний видов, что совсем неправильно в систематических работах и обычно мешает установить ясно вид). *Sorex araneus* составляет в пропорции бора – 59,3%; *S. macropigmaeus* – 31,7%, *S. minutus* – 9%.

Резким снижением плотности землероек отличаются леса черничные и остепненные (в последних – почва щебневая, мало пригодная для нор.).

Факт почти полного отсутствия в наших борах самок с развитой беременностью (у всех попадающихся – начальные стадии беременности) зависит оттого, что они держатся глубоко в земле.

Беременных самок *Sorex* – 14%. Самки ведут глубокий подземный образ жизни и выходят на поверхность в состоянии полного созревания (из 1187 пойманных самок, было неполовозрелых – 14).

По мнению зоологов черепам *Sorex* не свойственна возрастная изменчивость. Проводя часть жизни в глубине почвы, ♀♀ защищены от истребления хищниками.

У растительноядных *Microtus* размножение способствует нарастанию численности. У *Sorex* главную массу популяции составляют землеройки среднего возраста.

Соотношение полов у *Sorex* устойчиво – самок 52%–42%.

Сроки периода размножения весьма растянуты. Ранний случай размножения – 13 апреля. Размер выводка у *S. araneus* – от 1 до 12 – средний размер – 7,1 (с возрастом ♀ размер выводка увеличивается); у *S. macropigmaeus* среднее число (от 5 до 10) – 7,1.

У *S. minutus* – мало добычи (239 экз. т.е. 30% сборов), *S. macropigmaeus* и 15% сборов *S. araneus*.

Главные выводы об экологии землероек (*Sorex*) находятся в резюме (ст. 90-я – 91-я рукописи). Описание порядка размножения землероек со многими таблицами (где показаны – годы наблюдений, число землероек, соотношение полов, процент беременных ♀♀, средний размер выводка, сроки размножения), – в рукописи немного затянуто. В случае печатания рукописи кое какие отделы, касающиеся порядка размножения, можно будет сократить.

В общем работа исполнена внимательно и добросовестно и имеет много новых фактов и интересных подробностей по мало известной экологии *Sorex*.

Профессор

Б. Житков⁴⁴

⁴⁴ Борис Михайлович Житков (1872-1943) – русский и советский зоолог, охотовед, биогеограф, путешественник, публицист. Исследователь Севера России, профессор Московского университета и Петровской сельскохозяйственной академии. Во время Великой Отечественной войны, зимой 1943 года, в Москве, Б.М. попал под бомбёжку, получил ранение и умер в больнице имени Склифосовского 2 апреля 1943 года.

12 октября 1942 года

Отзыв Б.М. Житкова о работах Е. М. Снигиревской

**Е. М. СНИГИРЕВСКАЯ
ГРЫЗУНЫ БАШКИРСКОГО ЗАПОВЕДНИКА И РОЛЬ ИХ В
СОСНОВОМ ЛЕСУ.**

Часть I. Грызуны Башкирского заповедника.

Часть II. Роль грызунов в сосновом лесу.

(I-я часть – 91 страница, 2-я часть – 78 страниц)

ОТЗЫВ

Обе части работы внимательно редактированы Клейненбергом⁴⁵, причем многие фразы им правильно переделаны, а отдельные абзацы уничтожены, что повело к некоторому сохранению⁴⁶ обеих частей работы. Я считал бы только правильным в тексте уничтожить термин «Мышевидные грызуны», т.к. каждый автор понимает этот термин по своему, и термин этот появился в работах очень недавно (без определения, что такое «Мышевидные грызуны»); и каждый автор, раньше чем писать, должен условиться, что, по его мнению, этот термин значит (крыса, хомяк, сони и многие другие виды грызунов из самых мелких – мышевидных или нет) (и что за странное зоологическое определение группы по сходству с какой-то другой. Не появятся ли человекоподобные грызуны.)

Описание грызунов заповедника в I-й части содержит описание ряда видов, которые там обыкновенны или встречаются редко. В лесостепе водится обыкновенный хомяк (*Cricetus cricetus*), что естественно. Более своеобразным и интересным нужно считать нахождение *Elionys quercinus* L. (садовой сони) и *Sicista betulina* Pall. (лесной мышевки). Первая форма имеет своеобразное распространение и черты биологии: обитание вне широколиственных, именно в сосновых лесах: поселение (хижина) в земле и в скалах; питание преимущественно животной пищей. Численность мышевки значительна (в лугах и сосновых лесах по-ровну).

Из настоящих мышей встречаются: *Microtus minutus* Pall., *Apodemus agrarius* Pall., *Apod. flavicollis* Melch. Из полевок – *Evotomys rutilus* Pall., многочисленнее, чем *Ev. glareolus* Schreb., *Microtus arvalis* Pall. – обыкновенны и многочисленны. Редки – *Microtus agrestis* L. и *M. oeconomus* Pall. *Arvicola amphibius* L. – вредит огородам, особенно

⁴⁵ Сергей Евгеньевич Клейненберг (1909-1968) – териолог, специалист по биологии морских млекопитающих, доктор биологических наук, профессор.

⁴⁶ Скорее всего – опечатка. Должно быть «сохранению».

картофелю. Крысы-пасюки обыкновенны в населенных местах к западу и востоку от Уральского хребта. Их нет в узкой полосе по западному склону водораздельного хребта (частью территория Башкирского заповедника). Нет ли здесь где-нибудь колоний диких крыс (не связанных с жильем человека; бывают вблизи вод).

По отношению к ряду видов автор останавливается на различных подробностях распространения. «Начиная с августа, бурундука чаще всего можно встретить в умерных зарослях речек... где зверьки кормятся ягодами смородины и черемухи... (оттого они здесь и чаще). «Указанная Богдановым связь зве<рь>ка (летяги) с еловым лесом видна из его распространения в Башкирии», и другие места, из которых многие замечания могут быть изложены короче. Стр. 12-я «Черемушник – ольшатник непосредственно соприкасается с сосновым бором, что обеспечивает возможность беспрепятственного движения сонь из леса к реке и обратно. Именно этим обстоятельством и объясняется нахождение здесь таких зверьков»... Довольно длинно описаны перечисленные пейзажи, где были встречены сони (*Elyomus quercinus*).

Здесь выписаны не ошибочные вещи, а положения, которые легко сократить, а частью и вовсе выкинуть. Вся статья, которая вообще написана довольно добросовестно, с большим старанием и в общем просто и удачно, нуждается в сильных сокращениях по следующей основной причине. В настоящее время, вследствие известных условий, очень трудно печатать. Затруднено будет печатание и продолжительное время после окончания войны. Статья разбита на две половины, из которых первая занимает около 5 печ. листов, вторая – около 4 листов.

Было бы важно для возможности печатания сократить ее столь существенно, чтобы получился один обзор фауны мелких грызунов в Башкирском заповеднике (интересном в этом отношении вследствие своего положения в Южном Урале), и чтобы обзор этот занимал не более двух листов печатных. В этом виде он в свое время войдет в Сборник, посвященный заповеднику. Самый распространенный оригинал нужно хранить в делах Башкирского заповедника или Главного Управления, чтобы в тексте его, в случае нужды, могли быть наведены нужные справки и сделаны, если это окажется необходимым, выписки, нужные для другой работы в том же или другом заповеднике. Конечно, такую переработку – сокращение большой и подробной работы в журнальную статью – может сделать только сам автор (скажу для примера, что, говоря о распространении желтогорлой мыши, достаточно сказать: «крайне редка; единственный экз. принесен кошкой»).

В другое время работа годилась бы в печать, при желании, и целиком, с немногими сокращениями. Сделать выборки только самого важного возможно, чтобы довести статью до нужного объема и таким образом превратить ее в небольшую журнальную статью. Это легче всего

сделать самому автору. Нужно помнить, что чем короче статья, тем она более значительна по содержанию.

12 октября 1942 г.

Б. Житков

12 апреля 1952 года
Отзыв о работах Е. М. Снигиревской

Е. М. Снигиревская окончила Географический факультет Ленинградского Университета в 1930 году и в том же году начала вести исследовательскую работу в качестве научного сотрудника Башкирской экспедиции Академии Наук СССР; позже она состояла научным сотрудником Казахстанского филиала АН, Башкирского заповедника и Куйбышевского заповедника. Она принимала участие также в работах Зоологического института АН СССР в качестве коллектора в 1928-29 гг. и в качестве лаборанта в 1937 г. В настоящее время Е. М. Снигиревской сданы все предметы кандидатского минимума и оформляется законченная диссертация на соискание ученой степени кандидата биологических наук.

Е. М. Снигиревская имеет [44 (зачеркнуто)] 17 научных работ, из которых [5 (зачеркнуто)] 9 напечатано. Среди этих работ особенный интерес представляют исследования по экологии грызунов Башкирского заповедника, в частности о их значении в сосновых лесах, исследования по экологии землероек, обширные работы по млекопитающим Куйбышевского заповедника, в частности о роли млекопитающих в лесовозобновлении Жигулей.

Е. М. Снигиревская является весьма энергичным, инициативным и опытным исследователем-экологом, прекрасно ориентирующимся в сложной полевой обстановке и с большой настойчивостью выполняющим порученные ей задания.

Будучи хорошо знаком с работами Е. М. Снигиревской в течение многих лет, я имею все основания рекомендовать ее как прекрасного работника на должность научного сотрудника Крымского филиала АН⁴⁷.

Зав. отд. позвоночных Зоологического Института АН СССР профессор Б. С. Виноградов.

От авторов: В 1956 году Зоологическим институтом АН СССР была организована экспедиция на Южный Урал для поиска костных остатков позвоночных животных в естественных пещерах и скальных навесах. Экспедиция была организована

⁴⁷ Планировавшееся устройство на работу в Крымский филиал АН СССР не осуществилось.

И. М. Громовым⁴⁸, создателем советской школы четвертичной палеотериологии. Екатерина Михайловна была сотрудником этой экспедиции.

Наталии Сергеевне Снигиревской
6 сентября 1956 года
г. Ереван, главный почтамт, до востребования

Мои милые <...>, пишу Вам в ожидании «такси», на котором мы должны ехать из дер. Малый Буйнак в Мраково. Из Мраково мы выехали на «такси»-же (закрытый фургон, открыта только задняя стенка. По бокам скамейки. Так трясет и швыряет, что, кажется, живым не доедешь).

1 сентября. По Ику проехали до Исянгулово, а затем свернули на восток к Зилаиру. Вниз по Ику от Мраково уже степь. Предгория Урала в виде пологих холмов. Очень страшный подъем был на Зилаирское плато – узкая дорога вьется по уступам «семиколенной горы». Идет по самому краю крутых склонов, почти отвесно падающих в овраги. Но и вперед и назад проехали, к счастью, благополучно.

В Зилаире были 2 дня. По берегу Зилаира нашли хороший отвес в скалах – собрали массу костей.

Три дня прожили здесь, в деревне Малый Буйнак. В ней мы сейчас и ждем такси, чтобы ехать в Мраково.

Уже 11 ч. 30 м. утра. День теплый, но ветреный.

Деревня очень маленькая, всего домов 20 – маленькие, коричневые и беленькие, глиняные, покрытые или корой или соломой. Электричества нет, радио тоже. В домах нары, пестрые занавески, старые ковры (новых конечно нет).

Здесь работали 3 дня, раскопали 2 больших навеса, опять собрали много костей. Вообще с работой пока, слава Богу, благополучно. Не знаю, что будет дальше. Сейчас поедем из Мраково на юг в Чкаловскую область⁴⁹. Говорят, что там степь и никаких нужных нам гор нет. Это будет ужасно, т.к. много зря пройдет времени. Важно привезти как можно больше материала. А не ехать нельзя, нужно все самой посмотреть.

.....
Прошел автобус (т<ак> наз<ываемое> такси) и нас не взял. Б<ыл> б<итком> полон. Продолжаем сидеть на улице в ожидании какой-нибудь машины, <на> которой нас м.б. довезут до Исянгулово. Это в 25 км от нас. А дальше, до Мраково еще 60 км. М.б. придется (если попадем на машину)

⁴⁸ Игорь Михайлович Громов (1913-2003) – советский и российский палеотериолог, специалист по грызунам кайнозойской эры.

⁴⁹ В период с 1938 по 1957 г. нынешняя Оренбургская область называлась Чкаловской областью.

ночевать в Исянгулове, если машина на Мраково не пойдет. Но я хочу попасть в Исянгулово для того, чтобы зайти там в «чайную», др<угими> словами, в столовую. Живем мы почти совсем без еды. Перед выходом на работу пьем чай (редко молоко, т.к. оно не везде есть) и с'едаем по 1-2 картошки. В лучшем случае (когда есть яйца) днем с'едаю 2 яйца с куском хлеба, в худшем – ничего, вечером опять пьем чай.

Концентраты почти не готовим, т.к. печки в это время не топят, таганков нет и сварить их негде. На 45 р. концентратов я отдала за квартиру когда жили в Кузьминовке.

Очень сильный, степной ветер. Неизвестно сколько еще придется ждать и будет-ли вообще машина.

Я сижу в ожидании машины и злюсь, что пропадает так много времени зря. Пока будем ездить в Мраково пройдет дня 3. А не ехать нельзя, у нас там вещи и этот болван – Олег⁵⁰ не взял бумагу и нам не во что заворачивать кости. Вообще я прокляла всю жизнь, что взяла это барахло. Это барахло во всех отношениях, и в отношении работы и как человек. Больше мерзости я, пожалуй, никогда не видела. Это и нравственный и физический урод. Приносит он мне минимальную пользу – еле-еле двигается, ленивый и недобросовестный. Единственное, что он делает с большим вниманием и сосредоточенностью, это – жрет. Сидит за столом не меньше, чем часа 1.5, когда все хозяева всех квартир давно уже поели.

Страшно злобный, всех и всё ненавидит, больше же всех – Армена Леоновича⁵¹. Говорит о нем тоном превосходства и величайшего пренебрежения, называет его не иначе как «армяшкой». Ему не только не надо помогать в устройстве на работу, а надо полностью постараться прекратить ему доступ в БИН, т.к. чем меньше таких гадов будет в науке тем это будет лучше.

Я с ним почти не разговариваю, но несколько раз высказывала ему свое мнение об нем, крайне для него неблагоприятное, и не раз говорила, что жалею, что его взяла. Да, худшего помощника трудно было подыскать. И вообще такой противный, что ненавижу его не только я, но и все люди, у которых мы останавливаемся. Ну, чорт с ним.

<...>

Ужасно нам не везет. Все машины идут в Саракташ, к Оренбургу. А в Исянгулово все нет и нет. И день зря пропал, на работу выходить уже поздно. Посидим еще, м.б. какая-нибудь машина подвернется. Но ветер ужасно сильный. Гуси кричат и почему-то пытаются летать. <...> Нам остается здесь 20 дней работы. 25-го нужно уже уезжать. Поедем из Мраково на Мелеуз-Стерлитамак-Уфу-Москву.

<...> я нашла кусок подковы, взяла его в сумку и это нам помогло – мы нашли хорошие навесы, полные костей.

7.IX.56 г. Опять сидим на улице в ожидании машины. Вчера машину не дождалась и провели целый день совсем бесплодно. Ночь спала плохо, был сильный кашель (я все время простужена), к утру все губы обметала лихорадка. Сейчас попробуем сесть на почтовую машину. <...>

⁵⁰ Олег Мартъянов, в других местах – «сопля».

⁵¹ Армен Леонович Тахтаджян (1910-2009) – крупнейший советский, российский, армянский ботаник, биолог-эволюционист; доктор биологических наук, академик АН СССР.

Сейчас поедem в Мраково, зайду на почту, вымоюсь в бане <...> и поедem на самый юг Башкирии в родные места. Недели через 1,5 вернемся в Мраково и поедим еще по окрестным местам, а потом уже домой.

Н. С. Снигиревской
8 сентября 1956 года
г. Ереван, главный почтамт, до востребования
(Башкирия, Кугарчинский р-н, пос. Мраково,
почта, Е. М. Снигиревской)

Мой милый <...> Тузичек, вчера приехали в Мраково, где получила от Вас целую кучу писем и телеграмму о твоем прибытии в Ереван. <...> Много я тебе сейчас не пишу, т.к. нужно сейчас собраться и уезжать в южную часть Башкирии, к устью Ика. <...>

«Сопля» ужасная гадость. Более гнусного человечиска я, пожалуй, никогда не видела. <...> Надеется через Соколова попасть в БИН. Этому всячески надо помешать – чем меньше таких гадов будет в БИНе и ЗИНе тем это будет лучше.

Костей собрали довольно много. Сейчас отправим их в ЗИН посылкой. 25-го числа выедем домой через Уфу. <...> Уходим утром, приходим в 9-10 часов вечера.

Н. С. Снигиревской
9 сентября 1956 года
г. Ереван, главный почтамт, до востребования

<...> сегодня мы ночевали в дер. Назаркино, а сейчас (9 ч. утра) сидим на улице и ждем почтовой машины на Абзаново (самый юг Башкирии). Не знаю дождемся-ли. Ночевали у удивительно неприятных людей, какие редко попадаются (яркий их образец – «сопля» – совершенно переносу. Он испортил мне всю поездку).

.....
Ужасно я сейчас разозлилась. Прошла почтовая машина, на которой мы должны были ехать и не остановилась. А эта дрянь – сопля, сидит с рюкзаком на спине с таким видом как-будто-бы его это и не касается.

Разозлившись, сказала ему, что нужно быть немного поживее и не сидеть в ожидании, когда к нему под'едет машина. Нет, ты-бы знала, какая это гадость! Сейчас он все злится на меня за то, что я плачу за квартиру за него и за меня по 5 р. Он считает что достаточно платить по 1 р., а квартирные деньги можно положить в карман.

Скареда невероятная. Вообще более мерзкой личности я никогда не видала. Сидим на улице села. Тишина, безлюдье, машин никаких нет. Что делать – не знаю. Время уходит, а я обречена на полную неподвижность. Сегодня воскресенье. Это еще больше осложняет положение.

Милый мой дорогой носик, как я рада за тебя, что ты работаешь в других условиях⁵² – у Вас машина – это всё. А мы ездим на попутных, причем $\frac{3}{4}$ их никого не сажает, и работа стоит, а время уходит.

<...> Сборы мы до сих пор сделали хорошие. Но много времени пропадает зря. 4 дня я болела, сейчас не работаем уже третий день. Очень боюсь соберем-ли еще. Вчера отправила посылку с костями в ЗИН. Довольно порядочно. Но вся эта работа меня не увлекает, об ЗИНе вспоминаю с нехорошим чувством. Вообще свою новую работу я не люблю. Посмотрю как будут дела с заповедниками и м.б. еще из ЗИНа уйду. До пенсии мне надо поработать еще 4,5 года. Ну это конечно только разговоры. Ничего неизвестно, что будет дальше. Сейчас самое важное – зарабатывать деньги. Еще у нас с тобой важное дело – устроить Кисика⁵³ в ВУЗ. Да, дело это очень трудное. И надежду на его устройство я возлагаю главным образом на тебя. <...> помни, что я старая, а Кисик еще маленький. <...> Твоя мама.

5 октября 1956 года

**Отчет младшего научного сотрудника отделения
остеологии <ЗИН АН СССР>**

Е. М. Снигиревской о поездке на Южный Урал

Поездка на Южный Урал для сбора костных остатков четвертичных млекопитающих предусматривалась планом изучения истории формирования фауны СССР. Длительность поездки равнялась 1,5 месяцам. Кроме меня, в ней принимал участие временный лаборант О. Е. Мартыанов.

Работа по сбору костных остатков проводилась на западном склоне ю<жной> оконечности Уральского хребта, в бассейне р. Большого Ика. Материал был собран в 27 точках: в 15 точках в верхнем течении р. Б. Ика, в окрестн<остях> сел Кузьминовка и Мурадымово; в 1 точке в верхнем течении р. Зилаир; в 3 точках в нижнем течении р. Большой Сюрень, в окр<естностях> с. М<альный> Муйнак; в 3 точках на р. Ассиль, в окр<естностях> с. Абзанова; в 4 точках на р. Большой Ускалык, в окр<естностях> села Верхний Муйнак; в 1 точке, в окр<естностях> с. Глинка, в верховьях р. Ускалыка.

По ориентировочному подсчету, костные остатки собраны в количестве 20-25000.

Е. Снигиревская

⁵² В это время Н. С. Снигиревская работала в ботанической экспедиции по Армении под руководством А. Л. Тахтаджяна.

⁵³ «Кисик» – Екатерина Сергеевна Снигиревская (род. 1939) – цитолог, доктор биологических наук, младшая дочь Е. М. и С. И. Снигиревских, второй автор данной публикации.

Рассказы-наблюдения

НА ПЕРЕВАЛЕ

В 1931 году промыслово-биологический отряд Башкирской экспедиции Академии Наук проводил исследования не только в весенне-летне-осенний, но и в зимний период. Начало зимних работ было запланировано на конец октября.

Наш маршрут по Башкирии начался с города Уфы. Отсюда по железной дороге мы доехали до города Стерлитамака (см. фото 2). Весь дальнейший путь нам предстояло проделать на лошадях, так как машин в распоряжении экспедиций, даже Академии Наук, тогда не было.

В Стерлитамаке, городе моего детства, были наняты подводы и три из них с сотрудниками и снаряжением отправились в путь рано утром. В городе до вечера задержались я, семнадцатилетний препаратер Коля и Сергей Иванович, мой муж, который, будучи начальником отряда, затратил много времени на оформление договоров по найму подвод. Мы с Колей были заняты покупкой кое-какого охотничьего снаряжения и продуктов.

К шести часам вечера все дела были закончены и мы вышли во двор «Дома крестьянина» (в нем мы останавливались на два дня) для укладки на подводы с оборудованием купленных вещей. Там нас окружили бывшие во дворе местные люди, остановившиеся, как и мы, в «Доме крестьянина». Все они советовали нам не выезжать из города так поздно (когда мы все уложили, было уже около семи часов вечера), так как на дорогах очень беспокойно, много случаев грабежей и убийств, совершаемых беглыми с Магнитки.

Незвизрая на предупреждения и советы, ровно в семь часов вечера наши две подводы выехали со двора не особенно в то время гостеприимного «Дома крестьянина». Мы вынуждены были торопиться, желая как можно скорее присоединиться к ушедшему вперед отряду.

Мы ехали на двух подводах. На первой, помимо пожилого возчика, сидели я и Сергей Иванович, на второй – Коля и сын возчика, мальчик десяти-двенадцати лет.

Советы местных жителей, хотя и не полностью, но были все же нами учтены. Сергей Иванович держал на коленях винтовку Манлихера, Коля – охотничье ружье.

Мы рассчитали, что за 5-6 часов мы сумеем добраться до села Петровского (оно расположено километрах в пятнадцати от Стерлитамака), где нас ожидали наши товарищи, чтобы завтра вместе с ними двинуться в дальнейший путь.

В этот вечер все, казалось, было против нас. Погода была ненастная, порывы ветра приносили мелкий морозящий дождь, дорогу

развезло, открытая безлесная и абсолютно безлюдная местность, по которой мы ехали, тоже была на редкость безотрадной.

Мы медленно тащились по грязной дороге, поднимаясь по пологому склону хребта Урал-Тау к его перевалу.

От длительного неподвижного сидения все мы сильно устали, но прилагали все усилия, чтобы не заснуть, ожидая перевала, где нудный подъем в гору должен был наконец прекратиться и откуда до села Петровского оставалось всего лишь пять километров.

Последние километры перед перевалом мы ехали уже по густому мелкоствольному лесу, подступающему к самой дороге с обеих сторон.

Дождь прекратился. Только ветер гнал по небу остатки черных разорванных тучек, нет-нет закрывавших собою луну.

– Вот и перевал, – нарушил тишину голос нашего возчика. И действительно, в то же самое мгновение мы увидели в ночной тьме где-то далеко впереди гирлянду мерцающих огней. – Вон оно, село-то, – пояснил старик.

Все мы оживились, всех нас радовала мысль, что скоро мы сможем сойти с телеги и размять онемевшие ноги, сможем войти в теплую светлую избу, поужинать у самовара.

– Посмотри, который час, – попросил меня Сергей Иванович. Чтобы увидеть циферблат, я повернула его к лунному свету, воспользовавшись моментом, когда луна на какое-то мгновение вышла из-за туч.

– Без пяти одиннадцать, – сказала я и в это же самое время, поднимая глаза от часов, увидела вблизи нашей телеги какое-то шевелящееся белое пятно, которым, когда я в него вгляделась, оказался человек в белой распушенной рубахе и без шапки. В руках его блестел топор. Дальше, вдоль дороги, на расстоянии друг от друга 2-3 метров стояли еще 3-4 человека (тоже с топорами и без шапок, несмотря на холод) и столько же их было у обочины дороги с правой стороны.

Увидев этих разбойных людей, в первый момент никто из нас не произнес ни слова. Только Сергей Иванович взял наизготовку винтовку и в ночную тишину ворвался очень громкий и чрезвычайно отчетливый щелчок взведенного курка.

– Колечка, – спокойно обратился он затем к ехавшему сзади препаратору, желая обратить его внимание на бандитов.

– Вижу, – раздалось в ответ.

Мы ехали, а по сторонам от дороги стояли с топорами покушавшиеся на наши жизни люди, выжидающие удобного момента, чтобы всех нас перебить.

– Мишка! Чего же ты не начинаешь? – крикнул последний из беглых, стоящих с правой стороны, когда мы проезжали мимо.

– А что ты не начинаешь? Ты не видишь, что они с ружьями?

Что нас тогда спасло, я не знаю. Всего вернее, Бог, в которого я с тех пор безоговорочно верю. Что могло быть здесь другое? Вряд ли, например, они могли бояться погибнуть в схватке с одним человеком с винтовкой и подростком с дробовым ружьем. Их было 8-9 человек, и они без всякого риска могли напасть на подводы сзади и всех нас перебить.

А дорога пошла уже вниз и, пока беглые предавались размышлениям, как им с нами поступить, мы на нашем далеко не быстроходном транспорте с каждой минутой удалялись от места, где нас поджидала смерть. Возчики нахлестывали лошадей.

Мы спустились почти до половины горы, когда увидели несущуюся нам навстречу, запряженную в тарантас тройку. В тарантасе находилось 7 милиционеров с револьверами в руках. Пять из них сидели на сиденье и на козлах, два стояли на подножках. Увидев нас, они остановились, выскочили из тарантаса и торопливо начали нас расспрашивать, не встречали ли мы «беглых с Магнитки». От них мы узнали, что несколько часов тому назад эти «беглые» зарезали в селе Петровском семью из семи человек.

Кто они такие, мы услышали уже в Стерлитамаке. Нам говорили, что на строительство Магнитогорска ссылали раскулаченных крестьян, значительная часть которых разбегалась и жила разбоем.

Вот с такими-то, но не имеющими еще достаточного опыта разбойниками мы и встретились в лесу.

Через полтора месяца, когда уже стояли сильные морозы, нам опять пришлось увидеть раскулаченных крестьян, но совсем уже в другой обстановке.

Однажды, в холодную морозную ночь мы подъезжали к городу Магнитогорску. Путь был утомительный и длинный и все сотрудники в санях заснули.

Я проснулась от громких криков и грязной ругани солдат, вооруженных винтовками, которые сгоняли наш обоз с дороги в снег, освобождая дорогу для длинной вереницы саней, со всех сторон окруженных конвоем.

Солдаты с винтовками наперевес, бегущие по сторонам саней по глубокому снегу и, видимо, замученные до предела, выражали свою злость и раздражение в злобных выкриках и брани.

Сани, которые они сопровождали, были буквально набиты людьми, по своему внешнему облику похожими на тех, которые нас встретили на перевале. Ни единого звука не издавали проезжавшие мимо нас десятки людей. Единственным признаком жизни этих несчастных и, как казалось, неживых уже существ был звон цепей, вырывавшийся из проезжавших мимо саней.

Февраль 1983 г.

СТРАХ

В октябре 1931 года зоологический отряд Башкирской экспедиции Академии Наук, в котором мы с мужем работали (фото 7), прибыл под вечер в село Кулгунино Макаровского района. Эта местность была известна богатством охотничье-промысловой фауны и девственной, почти нетронутой природой, сохранившейся здесь благодаря значительному удалению села Кулгунино от крупных административных центров.

Фото 7. Башкирский заповедник, 1930 год. Слева направо: А. Н. Калинин, Е. М. Снигиревская, С. И. Снигиревский, В. А. Брагин

Вечер в день приезда мы использовали для устройства на квартирах и на уход за лошадьми, взятыми Башкирской экспедицией в аренду в Уфимских военных организациях.

В то время арендная плата за лошадей была очень высокой, лошадей по окончании работы принимали по весу. За потерю лошадьё веса взимался штраф. Словом, беспокойство об арендованных лошадях не оставляло нас ни днем, ни ночью и, естественно, что больше всего мы боялись, как бы наших лошадей не увели. В те годы кража скота редкостью не была.

На следующее утро я выехала на «моей» коричневой лошадке из села и направилась к пойме реки Узяна, намереваясь начать свою работу отсюда.

Километра 2-2,5 я проехала по дороге, идущей лесом, а затем свернула вправо, к реке. Не доезжая до нее метров пятнадцать, я сошла с лошади и с трудом провела ее через идущие вдоль реки урёмные, или пойменные, т.е. ежегодно затопляемые, заросли, состоящие из ольхи и разных видов тальника. Кое-как продравшись через них, я привязала

лошадь к растущей уже на краю зарослей толстой ольхе, откуда она хорошо была мне видна на большое расстояние вдоль реки. Между водой и урёмными зарослями располагалась открытая, лишённая растительности песчаная отмель шириной в 4-5 метров. Здесь на насыщенном влагой песке были хорошо видны следы подхлывших к воде зверьков и птиц.

Привязав лошадь, я сняла с седла только рюкзак с ловушками. На седле осталась гербарная сетка и серый плащ, привязанный к седлу сзади. Изредка взглядывая на лошадь, я начала ставить ловушки вдоль песчаной отмели, располагая их примерно через 4-5 метров друг от друга.

Прежде чем установить ловушку, я прикрепляла к ней приманку, затем устанавливала ловушку и записывала ее местоположение, чтобы при осмотре легче было ее обнаружить.

Я установила, вероятно, не более 5-6 ловушек, когда почувствовала сначала легкое беспокойство, вскоре перешедшее в панический страх. Такого безграничного страха в течение почти 30 лет моей работы в поле мне никогда испытывать не приходилось. Я всегда работала в лесу одна и, за редким исключением, чувствовала себя совершенно спокойной.

Совсем не так было здесь. Непонятный ужас нарастал очень быстро и вскоре всецело мной завладел. При этом я не боялась кого-нибудь конкретно, людей или медведей (последних, кстати, в Макаровском районе было очень много). Я боялась чего-то большего, вернее всей окружающей меня враждебной, как мне казалось, обстановки, которая давила и наступала на меня со всех сторон. В это время я напоминала, по-видимому, затравленного зверя, который не знает, с какой стороны удар обрушится на него и он пугливо озирается кругом.

Удар обрушился сзади. Удар был неожиданным и сильным. В первое мгновение он отнял у меня все силы, но через несколько секунд вселил в меня такую смелость и отвагу, которая заставила меня забыть о всяких страхах и перейти к активному действию.

Все произошло мгновенно. Насаживая на ловушку приманку, я, вся объятая страхом, услышала вдруг позади себя сильнейший всплеск воды. Я резко обернулась и вначале замерла от неожиданности и отчаяния. На моей коричневой лошади неизвестный мне башкир переплывал речку. На боку седла висела гербарная сетка, сзади к седлу был привязан серый плащ.

Только тут, осознав, что лошадь украли, я мгновенно освободилась от сковывавшего меня страха и с криком – стой, стой! – бросилась назад к переплывавшему реку башкиру. Но это было бесполезно. Я видела, как моя лошадь достигла противоположного берега, выбралась на него и вместе с сидящим на ней башкиром скрылась в зарослях тальника.

Я смотрела на противоположный берег и думала, что, как мы ни берегли военных лошадей, одну из них у нас все же украли и украли без сомнения по моей вине. С этими грустными мыслями я отвернулась от реки и машинально взглянула в ту сторону, где я привязала лошадь....

Моя лошадь стояла на том же самом месте, сильно натянув повод и стараясь губами достать какое-то растение. На боку седла висела гербарная сетка, позади него был привязан серый плащ.

Я ничего не понимала и, по-видимому, тупо смотрела на лошадь, не произнося ни слова и не двигаясь с места.

Когда из состояния транса я, наконец, вышла и ко мне вернулась способность двигаться и что-то соображать, первой моей мыслью было найти следы той лошади, на которой кто-то переправился через речку. Но сколько я ни ходила вдоль реки по влажному песку, отлично сохраняющему все следы даже мелких животных, никаких следов и других признаков пребывания в этом месте лошади я не нашла.

Тогда я начала тщательно осматривать противоположный берег. Но и там я не увидела ни лошадиных следов, ни того прохода через густую тальниковую поросль, который должны были проложить в ней лошадь и всадник. Кроме того, как оказалось при внимательном осмотре, тальниковая поросль, достигающая в высоту 2-2,5 метра, была настолько густой, что через нее не только лошадь, но и собака средней величины, если бы и могла пробраться, то только с величайшим трудом.

Как объяснить события этого дня, я не знала. Слишком все случившееся меня потрясло. Впоследствии этот странный случай я объяснила и объясняю теперь зрительной и слуховой галлюцинацией, возникшей у меня под влиянием какого-то необъяснимого нечеловеческого страха. Но откуда взялся этот беспричинный страх, судить я не берусь.

Январь-февраль 1983 г.

ЛОШАДИ

Погоня

С 1936 по 1939 гг. я занималась в Башкирском заповеднике изучением роли грызунов в возобновлении соснового леса. Работа проводилась в четырех типах соснового леса. В каждом типе закладывалось по две площадки для учета грызунов.

Учетные площадки располагались в значительном удалении друг от друга, поэтому для их ежедневного посещения с целью сбора материала ко мне была прикреплена верховая лошадь Карюшка (фото 8).

Это была высокая красивая лошадь темно-бурой масти, необычайно умная, спокойная и послушная. Я настолько ей доверяла, что нередко, уезжая в лес ненадолго, брала с собой свою трехлетнюю дочку Наташу, которую усаживала перед собой.

Для экономии времени я чаще всего пускала лошадь крупной рысью, для чего мне никогда не приходилось ударять ее. Для этого было

достаточно слегка дернуть уздечку и издать губами характерный звук. При дальнейшем, даже слабом подергивании уздечки, она переходила с рыси на галоп.

Фото 8. Карюшка – любимая лошадь Е. М. Снигиревской, около 1936 г.

В тот памятный мне день, о котором я хочу рассказать, я, объезжая площадки, оказалась в аконитовом бору. Так он назывался потому, что главную массу его травостоя составлял папоротник с латинским названием Аконит.

После сбора материала на площадке я села на лошадь и выехала на дорогу. Но не прошло и минуты, как где-то позади меня, за поворотом дороги, скрытом от меня кустами, я услышала громкие мужские голоса.

Это меня удивило. По дорогам заповедника и, в частности, на той, на которой я находилась, движения не было никакого. Заинтересовавшись, я остановила лошадь на середине дороги и стала ждать появления из-за поворота неизвестных людей. Из-за поворота дороги на быстром ходу выехали две тройки, запряженные в длинные, подобные арбам, телеги, предназначенные, видимо, для перевозки сена.

На телегах с обеих их сторон, спиной друг к другу сидели, свесив ноги, мужики. Их было не меньше 15-18 человек.

Судя по напоминающим арбы телегам, каких в горах Урала я никогда не встречала, эти люди прибыли в Башкирию из степных районов Зауралья.

В первый же момент, когда они увидели меня, все они заорали, заулюлюкали и засвистели. В этом шуме голосов я расслышала только одну фразу – глянь-ка, баба на лошади!

Услышав пьяные выкрики, я поняла, что эта встреча ничего хорошего мне не сулит. Я круто повернула Карюшку и в первый раз за все время моего с ней знакомства, сильно хлестнула ее концом уздечки.

Не знаю почему, потому ли, что Карюшка не привыкла к такому обращению, то ли потому, что она поняла, что нужно уходить от опасности, она понеслась с такой невероятной скоростью, на которую, как я считала, способна только беговая лошадь. В ушах у меня свистел ветер, навстречу с кинематографической быстротой летели, сменяя друг друга, деревья, кусты, полянки, перелески.

А пьяная компания в это время с хохотом и гиканьем неслась за мной на тройках.

В это время я боялась только одного, как бы Карюшка не споткнулась. Сразу вспомнились уроки верховой езды, преподанные мне одним из сотрудников заповедника, служившим ранее в кавалерии. Вспомнив его наставления, все свое внимание я сосредоточила на том, чтобы уздечка, которую я держала в левой руке, слегка подтягивала вверх голову Карюшки.

До поселка заповедника оставалось не более четырех-пяти километров. Но сможет ли Карюшка, не сбавляя скорости, проделать этот путь, понять по неопытности я не могла.

А между тем, погоня продолжалась и, судя по неистовому хохоту и крикам хулиганов, прекращать ее они отнюдь не собирались.

Я почувствовала, что нужно что-то предпринять, чтобы избавиться от погони, так как было совершенно неизвестно, кто из нас окажется победителем, а кто побежденным. Но что для этого мне нужно было предпринять, я не могла придумать на всем скаку.

И вдруг я вспомнила, что скоро поравняюсь с отходящей влево от дороги тропкой, которую совсем недавно мы с Карюшкой проложили через заросли орешника, расположенные вдоль дороги, за канавой.

Тропинка не была торной. По ней я ездил всего лишь два-три раза. С дороги она спускалась в неглубокую, заросшую травой и захламленную валежником канаву и через 8-10 метров уходила в заросли орешника, которые над ней смыкались.

План был заманчив. Пугала мысль только о том, что при спуске в канаву, где нужно будет соблюдать особую осторожность, чтобы лошадь не споткнулась о валежник, я могу задержаться и оказаться, таким образом, в руках хулиганов. Но отказаться от этого плана значило, как мне казалось, отказаться от единственной надежды на спасение.

Я еще раз сильно хлестнула Карюшку, чтобы она еще надала ходу, хотя она и без того неслась как пуля, и впилась глазами в дорогу, боясь пропустить едва заметную в траве тропинку. К счастью, я увидела ее,

вернее издали узнала место, где она была. И тут наступил для меня самый напряженный, самый страшный момент. Мне нужно было как-то удержать Карюшку от ее стремительного бега, чтобы под прямым углом к дороге повернуть ее налево, на тропинку.

Слыша сзади крики приближающейся и беснующейся пьяной банды, я тем не менее понемногу начала натягивать уздечку, пытаюсь, хотя и не намного, но замедлить бег Карюшки. Это, без сомнения, сильно сокращало расстояние между мной и разгоряченной вином пьяной ватагой, но другого выхода у меня не было, так как по захлавленной валежником канаве надо было провести Карюшку осторожно.

Между тем крики и свист слышались теперь уже совсем рядом. К счастью, Карюшечка и здесь меня не подвела. Умная лошадь, обычно быстро запоминающая все нужные мне повороты, по-видимому, поняла мой замысел, слегка умерила свой бег и, поравнявшись с тропинкой, свернула с дороги и благополучно пронесла меня через канаву.

Через секунду мы с Карюшкой, продравшись через орешник, мчались уже по обширному лугу в обход дороги, в направлении дома.

Километра за полтора я кое-как остановила Карюшку. Она была покрыта белой пеной, тяжело дышала, шерсть ее почернела от пота.

В 1941 году мою спасительницу Карюшку в числе других лошадей заповедника взяли на войну.

Февраль 1983 г.

Сокол

В 1938 году в план работы Башкирского заповедника Главное Управление по заповедникам включило акклиматизацию маралов (фото 9).

Подготовка к этому мероприятию должна была начинаться с выбора места, пригодного для устройства «маральника», необходимого для временного содержания в нем маралов.

Участие в выборе места для устройства маральника приняло большинство сотрудников научной части: охотовед, зоолог, ботаник и почвовед, а также представители дирекции заповедника: директор, его заместитель по научной части и начальник лесной охраны.

В назначенный день все члены нашей экспедиции отправились в самый отдаленный и глухой участок заповедной территории.

Все мы были тогда молодые, веселые и общительные, какими были люди до войны. День был прекрасный, верховая езда была для всех приятным способом передвижения. Я, как всегда, ехала на Карюшке.

У какого-то ручья, расположенного километрах в пятнадцати от поселка заповедника, было решено устроить привал.

Разговоры у костра за чаепитием велись на разные темы и в конце концов коснулись качеств наших лошадей, которые паслись поблизости от

нашего привала. Особое внимание всех нас привлекала недавно присланная в заповедник лошадь по имени Сокол. Откуда его привезли, я теперь не помню. Помню только, что его все боялись и ездить на нем не боялся только один начальник охраны, служивший ранее в кавалерии и обучавший верховой езде меня.

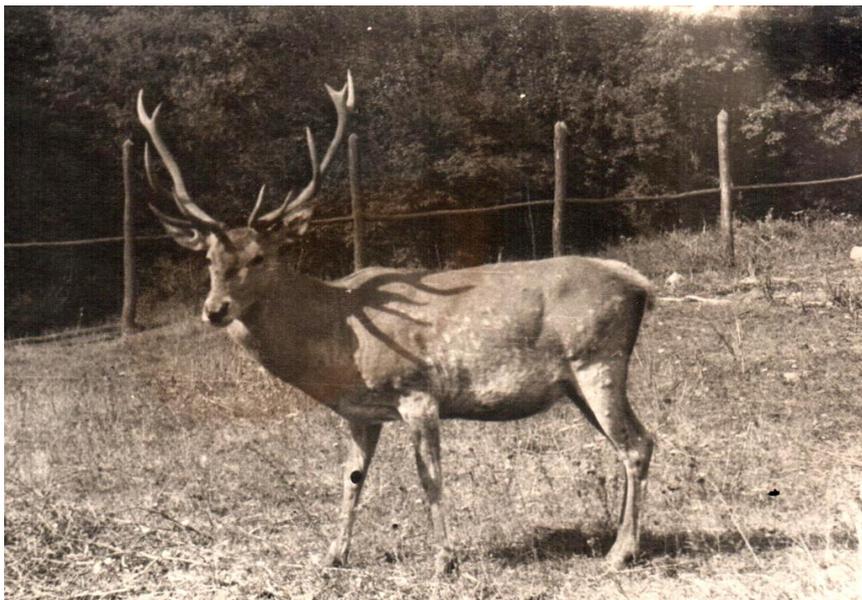

Фото 9. Марал. Башкирский заповедник, около 1941 г.

Любуясь Соколом, я обратилась к бывшему кавалеристу с просьбой разрешить мне, когда мы тронемся в дальнейший путь, немного прокатиться на Соколе. Сначала он категорически мне в этом отказал, но вскоре, поддавшись моим заверениям в том, что я достаточно хорошо умею обращаться с лошадьми, хотя и не очень охотно, но все же согласился, допустив этим самым большую ошибку.

Покончив с завтраком, мы собрались в дальнейший путь. Я без всяких затруднений села на Сокола, который, оказавшись позади всех остальных лошадей, послушно следовал за ними шагом.

Я торжествовала. Мне казалось, что победу над Соколом я окончательно и бесповоротно одержала. Но я торжествовала рано. Как только ехавшие впереди меня пустили лошадей рысью, мой Сокол сразу же вышел из повиновения. Он сразу же рванулся вперед и в ту же минуту оставил позади себя всех лошадей. Я пыталась удержать его, натягивая повод, как я это делала с Карюшкой, но в данном случае этот способ не

только не помогал, а наоборот, горячил лошадь и она, закусив удила, по-видимому, ничего уже не видя, меня понесла.

Так же как и тогда, когда на Карюшке я спасалась от пьяной ватаги, догонявшей меня на двух тройках, в ушах у меня свистел ветер и так же как и тогда, с кинематографической быстротой мелькали по бокам дороги бесконечные деревья и кусты. Но вскоре мой взгляд остановился только на одном предмете – на толстом полугнившем дереве, лежащем поперек дороги впереди меня, не дальше чем в ста метрах.

«Это моя смерть, это моя смерть», – мысленно твердила я, с молниеносной скоростью приближаясь к лежащему на дороге стволу...

Сознание вернулось ко мне, когда меня кто-то поднял и поставил на ноги. Когда я открыла глаза, оказалось, что все мое лицо, руки и одежда залиты кровью, льющейся из большой раны в верхней части лба. Но, как всегда, судьба и здесь не отвернулась от меня. Несмотря на сильный ушиб головы и потерю сознания, череп оказался цел, и только темное пятно на лбу, сохранявшееся в течение нескольких месяцев, напоминало мне о моей неосторожности и полном неумении разбираться в лошадях.

Что со мной и с Соколом произошло перед падением, я узнала от товарищей по поездке.

Когда Сокол (а вместе с ним и я) вихрем пронесся мимо нашей кавалькады, несколько мужчин, нахлестывая лошадей, помчались вслед за ним. Сокол, как всякая закусившая удила лошадь, ничего не видя и не контролируя своих движений, мчался, не сворачивая, прямо на лежащий поперек дороги ствол. Налетев на него, он, мгновенно перекувырнувшись, упал, но, к счастью, остался цел и невредим, если не считать большую рваную рану на бедре.

При внезапном падении Сокола я, подобно лыжнику, летящему по воздуху с трамплина, пролетела метров шесть вперед и ударилась об землю лбом, принявшим на себя, таким образом, всю силу удара.

Примерно через час я почувствовала себя совершенно здоровой, но, опасаясь нежелательных последствий ушиба, которых, к моему великому счастью, мне удалось избежать, я не поехала со всеми дальше, а с одной из сотрудниц возвратилась в заповедник.

Апрель 1983 г.

Падение

При выборе мест для устройства площадок мне приходилось много ездить по заповеднику и часто оказываться далеко от нашего поселка, в совершенно мне незнакомых местах.

Как-то раз, в одном из таких удаленных от поселка участков я ехала верхом по склону невысокого пригорка. Склон был безлесный и довольно пологий. Мой путь пересекал пригорок поперек.

Внезапно Карюшка споткнулась и упала вместе со мной на правый бок. Спиной она лежала вниз по склону, всей своей тяжестью наваясь на мою левую половину тела и левую ногу. Я как бы подпирала лошадь снизу.

Но хотя дыхание у меня и было затруднено, я еще могла дышать и не могла не видеть исключительного благородства, которое проявляла при этом Карюшка. Вместо того, чтобы перекатиться через меня вниз по склону и встать на ноги, она осторожно перебирала ногами, боясь, как мне казалось, раздавить меня. А я ничем помочь ей не могла. Тяжестью Карюшки я была придавлена к земле.

И чем бы все это кончилось, если судьба, как всегда, не пришла мне на помощь, я не знаю. Думаю, что кончилось бы очень плохо. В конце концов Карюшка или раздавила бы меня, переломав мне при этом позвоночник, руки, ноги и грудную клетку, или бы я задохнулась. Но помощь, я подчеркиваю, и на этот раз пришла ко мне. Пришла она в лице очень старенького башкира в старой войлочной шляпе, с редкой седой бородежкой, который внезапно вырос около нас. Покачивая головой и бормоча что-то под нос, он нагнулся, взял Карюшку под уздцы и, дергая ее и чмокая губами, заставил лошадь встать. Потом он помог подняться мне.

Когда я наконец могла заговорить (сначала это мне не удавалось), я горячо поблагодарила его, а затем спросила, как и почему он оказался в этом, совсем безлюдном и глухом участке заповедной территории, находящемся вдали от населенных пунктов. Он показал рукой на пасущегося неподалеку теленка и сказал, что сюда он забрел в поисках пропавшего теленка, которого он искал два дня и только что нашел его на этом месте, на пригорке. Теленка он уже намеревался гнать домой, как вдруг увидел какого-то верхового (какого, он по слепоте не рассмотрел), увидел, как лошадь на косогоре упала и подмяла под себя человека. Тут он оставил теленка и бросился на помощь.

Благодарность маленькому старичку и моей милой Карюшке я сохраняю и сохраняю до конца своих дней. А то, что поиски теленка привели старика к пригорку именно тогда, когда я там могла погибнуть, я не могу рассматривать иначе, чем огромную милость судьбы.

Март 1983 г.

Жеребец

Однако не все лошади, с которыми мне приходилось сталкиваться, были так добры ко мне, как Карюшка.

Однажды вместо нее мне дали незнакомого, мало симпатичного и злого жеребца. По дороге он вел себя беспокойно, шел неровной рысью, задира голову кверху и громко, видимо, призывно ржал.

Когда я выехала из поселка, где раздражающих его запахов кобылиц не было, он стал спокойнее, ход его стал более ровным и я благополучно доехала до площадки по учету грызунов, расположенной в 6-7 километрах от поселка.

У площадки я его привязала и стала ее обходить, собирая зверьков, попавшихся в ловушки и врытые в землю цилиндры.

Я не осмотрела и половины площадки, когда мое внимание привлек какой-то шум, раздававшийся оттуда, где я привязала лошадь. Взглянув туда, я обомлела. Мой жеребец, ломая надетое на него казачье седло и привязанную к нему гербарную сетку, катался по земле, перекатываясь с одного бока на другой. Голова, подтянутая поводом, была закинута назад.

Испугавшись, как бы он не задохнулся, я кинулась к нему, подняла его на ноги и всячески старалась его успокоить. Однако о дальнейшем сборе материала на площадке мне уже не приходилось думать. Теперь я не могла надеяться на то, что он спокойно будет ждать меня. Поэтому собранный материал я сложила в рюкзак, поправила седло и решила возвратиться домой.

Взявшись за луку седла, я едва успела вдеть левую ногу в стремя, как жеребец сорвался с места и сильным ударом о дерево сшиб меня с седла.

Я навсегда запомнила, как я, не двигаясь, лежала на земле на правом боку, как что-то надо мной пронеслось и прямо пред моими глазами, не далее чем в 4-5 сантиметрах от моей головы, о землю ударило большое лошадиное копыто, на которое, как я сейчас помню, ниспадали грязные клочья белой шерсти.

Когда я встала и посмотрела на дорогу, жеребец был уже далеко.

Судьба и на этот раз была ко мне благосклонна. Я не только осталась жива, я могла двигаться, могла ходить, вместо того, чтобы с переломанными конечностями или с проломленной головой лежать в ожидании смерти в лесу. Ни мои родные, ни мои товарищи по работе не знали, где я нахожусь.

Часа через два я пришла в наш поселок. В нем царил переполох. Вид оседланного жеребца, прибежавшего в поселок без меня, явно говорил о том, что лошадь разнесла и сбросила меня.

Направляясь к дому по высокому берегу реки Саргаи, я увидела внизу на противоположном берегу группу людей, маму и одетую в матросский костюмчик мою пятилетнюю дочку Наташу, которая в отчаянии топала ножками, плакала и громко кричала – «где моя любимая мамочка, лошадь убила мою бедную маленькую мамочку».

Все обошлось к всеобщей радости благополучно.

Апрель 1983 г.

ВОРОНЫ

Большинство людей считает серую ворону мало симпатичной птицей. Это в общем-то понятно. Внешность у ворон невзрачная, да к тому же еще и мрачноватая, голос резкий и неприятный, отношение к человеку чаще всего отчужденное, хотя близости людей они, как правило, не избегают и охотно поселяются в древесных насаждениях городов и поселков.

Неприязненное отношение человека к этой птице проявляется в существовании в народе суеверного страха, вызываемого карканьем вороны, означающим якобы предзнаменование беды – «накаркаешь беду», «не каркай как ворона» и пр., а с другой стороны и в таких пренебрежительных выражениях как «эх, ты – ворона», «проворонил» и т.д. Кстати, это неуважительное отношение к вороне, как к птице глупой и разине, было использовано Иваном Андреевичем Крыловым в его басне «Ворона и лисица», в которой хитрая лиса, воспользовавшись ротозейством вороны, выманила у нее кусочек сыра.

Но действительно ли это верно? По-видимому, лишь отчасти. Работая зоологом в Башкирском заповеднике на Южном Урале и в Жигулевском заповеднике им. И. И. Спрыгина в Среднем Поволжье, я убедилась в том, что эта птица внимательна, умна и понятлива, отличается исключительно большими способностями к подражанию, а потому, по-видимому, чрезмерно восприимчива к обучению.

Первое мое знакомство с «личностью» серой вороны состоялось в Жигулевском заповеднике в годы войны. Как-то нам была доставлена ворона со сломанным крылом. Бегала она хорошо, но летать не могла, левое крыло безжизненно свисало вниз и волочилось по земле. Первые дни держали нашу гостью под крыльцом. Убедившись, однако, что никаких попыток к бегству она не обнаруживает и ведет себя совершенно спокойно, мы предоставили ей полную свободу. Однако дарованной ей свободой она не воспользовалась и продолжала жить у нас. Была она неразлучна с моей дочкой Наташей, всюду сопровождала ее и, по всей видимости, была к ней очень привязана. В лес она скрывалась лишь в отсутствие Наташи. Достаточно было девочке вернуться домой и, повернувшись к лесу, несколько раз громко позвать ворону по имени – «Арон! Арон!», как из леса с громким криком появлялась прихрамывающая на каждом шагу маленькая черная фигурка, торопливо пробирающаяся между кустами.

Общество людей Арон очень любил, обнаруживая явное стремление участвовать в самых разнообразных занятиях человека. Видя, например, что кто-то собирает небольшие щепочки для разжигания самовара, Арон, заинтересованный этим зрелищем, подходил обычно ближе, некоторое время с интересом смотрел то на руки, собирающие щепки, то на щепки, летящие в таз. Затем, осмотревшись вокруг, он

выбирал подходящую, как ему казалось, щепку и, подражая во всем человеку, бросал ее в таз. Работа ему нравилась и прекращал он ее только тогда, когда оставался один. С таким же энтузиазмом Арон помогал нам в сборе с грядок урожая семенного лука – мелких луковичек, которые мы с ним выдергивали из земли и тут же складывали в кучки.

От прогулок в компании людей Арон никогда не отказывался. В этих случаях он был очень оживлен. Опоздавших на прогулку ждал вместе со всеми, бодро расхаживая около людей, и никогда от них не отходил. Но зато во время прогулок Арон намного всех опережал, помогая себе единственным здоровым крылом, он вприпрыжку несясь по лесной тропинке, но и в этом случае явно не имел желаний отделиться от людей. На бегу он поминутно оглядывался назад и, если замечал, что те несколько отстали, вскакивал на придорожный пенек и, повернувшись к идущим, хлопал крыльями и издавал громкие крики, по-видимому, призывая поторопиться.

Приближаясь к развилке тропинки, он всякий раз останавливался и вопрошающе смотрел на нас, как бы спрашивая, по какой дорожке следует идти.

*
* *

Счастливый случай помог мне стать свидетелем необыкновенного, поистине драматического события в общественной жизни серой вороны, происшедшего в Башкирском заповеднике более сорока лет тому назад, но до сих пор сохранившегося в моей памяти во всех деталях.

В этот памятный мне солнечный и жаркий день, примерно в двенадцать часов пополудни я, возвращаясь с работы, шла по берегу реки Узяна. Слева от дороги за густыми зарослями кустарника тянулся березовый лес, справа, за Узяном, луг. Кругом, как и всегда в полуденное время, было тихо, птицы после утренней кормежки отдыхали, спасаясь от зноя в кронах деревьев. Внезапно, где-то поблизости, в той стороне, куда я направлялась, из леса вырвался многоголосый резкий крик вороньих голосов. И крик не десяти, не двадцати ворон! Было совершенно очевидно, что в этом слаженном и далеко не мирном хоре участвовали сотни птиц. От неожиданности я остановилась. Но буквально через несколько секунд вороний гвалт как по команде оборвался, и в лесу опять воцарилась прежняя сонная тишина. Крайне заинтересованная услышанным, я поспешила к дальнему концу березового леса, где, по моим расчётам, находились птицы. Но не успела я еще дойти до места, как оттуда снова понеслись неистовые крики множества ворон, которые, однако, так же как и в первый раз, сейчас же прекратились. Наконец, я оказалась в конце тянувшегося вдоль дороги леса и, обогнув его, остановилась в изумлении. Передо мной, в расстоянии не более десяти-пятнадцати метров, в густом березовом лесу располагалась небольшая круглая поляна, хорошо

просматривающаяся благодаря широкому, ведущему в нее проходу. Первое, что сразу бросилось в глаза и поразило меня своей необычностью, было великое множество, не менее двухсот-трехсот, ворон, которыми сверху донизу были усеяны кроны деревьев. Казалось, что на все березы была наброшена густая черная сеть. При этом, несмотря на огромное число присутствующих на поляне птиц, в лесу царила гробовая тишина. Не было слышно ни единого звука, не было заметно ни единого движения. Птицы молчали, ни одна из них не шевелилась. Представившаяся моим глазам картина воскресила детское воспоминание о заколдованном царстве, погруженном злой волшебницей в глубокий непробудный сон. Казалось, птицы спят. Но вдруг, как по какому-то незримому сигналу, вся эта орава птиц задвигалась на ветках, захлопала крыльями и лес снова, в который уже раз, огласился злобным каркающим криком сотен птиц. В момент, когда он, как и прежде, резко оборвался, в наступившей тишине послышался один, единственный вороний голос, тоже каркающий, но не громкий и не злобный, а скорее робкий. Этот голос слышался не сверху, не с деревьев, он шел снизу, со скошенной поляны, в самой середине которой я увидела ворону, пребывающую в самой жалкой позе. Плотно прижавшись грудью к земле и втянув голову в плечи, как бы в ожидании удара, она тихо что-то «говорила». Слушая и соблюдая удивительную дисциплину, аудитория замерла. Ни единый шорох, ни единое движение не нарушило настороженную тишину леса, в которой слышен лишь робкий одинокий голос. Но вот опять был подан незамеченный мной следующий таинственный сигнал, который для вороны оказался роковым. По этому сигналу вся масса птиц, сорвавшись с деревьев, молниеносно обрушилась на поляну. Что-либо рассмотреть в этом крутящемся и бушующем на поляне черно-сером вихре было невозможно. Однако, очень скоро, спустя какие-нибудь полминуты, железная дисциплина вновь была восстановлена. Организованно все птицы вместе сразу улетели. В полном недоумении я двинулась к центру поляны, где сидела и давала показания одинокая ворона и увидела, что суд над ней свершился. Разбросанные по поляне перья, остатки расклеванного скелета с торчащими из него белыми косточками, небольшие розовые кусочки свежего мяса, да кровь на траве, вот все, что от нее осталось.

Мне посчастливилось присутствовать на уникальном зрелище – суде ворон. Кто был подсудимый, что он сделал, к сожалению, мы не знаем. Может быть, это был закоренелый преступник, убивающий детей и стариков, может быть это был вор, похищающий чужую добычу, а может быть это была всего-навсего опасная для общества большая ворона, которую они приговорили к смерти. Это остается неизвестным. Но зато теперь мы знаем, что общественная жизнь ворон основана на строгой дисциплине и в какой-то ее части подчиняется законам, царящим в обществе существ, значительно более высоко организованных, чем птицы.

*
* *
*

Незабываемым для меня остался и другой случай столкновения с воронами, имевший место в том же Башкирском заповеднике. В тот день со мной в лесу была большая собака, помогавшая мне разыскивать убежища и норы мышевидных грызунов. Возвращаясь домой, мы вышли с ней из леса на обширный луг, за которым находился наш поселок. На лугу расхаживало несколько ворон. Я пошла по краю луга по тропинке. По этой же тропинке, обогнав меня метров на двадцать, бежала собака. Не успела я еще дойти до середины луга, когда мое внимание привлекло загадочное поведение и моей собаки, и ворон. Шесть-семь ворон, разгуливающих в центре луга, теперь кружили около собаки, которая бежала уже не одна, а с сопровождающим ее эскортом черных птиц. Они вились вокруг нее на расстоянии одного-двух метров, но опускались иногда и ниже, задевая ее крыльями, чего собака явно пугалась, шарахаясь в сторону, а одна ворона на мгновение опустилась даже к ней на спину.

Собака по-прежнему бежала по тропинке. Но во всем ее облике и во всех ее движениях что-то изменилось. Вид у нее стал какой-то пришибленный, прежняя живость исчезла, движения стали неуверенными и вялыми. Казалось, что она бежала, выбиваясь из последних сил. Я ничего не понимала. Вороны не оставляли собаку в покое до самого поселка. Войдя в поселок, мы с собакой перешли ручей, поднялись на пригорок и направились к зданию лаборатории. Здесь, как оказалось, ожидало нас несчастье. Собака, бегущая впереди меня, взбегая на крыльцо, упала мертвой. Причина ее смерти осталась неизвестной.

После этого случая мое недоверие к народной молве о вороне как о вешей птице, предчувствующей смерть, значительно поколебалось. Чем же, как не этим свойством, можно было объяснить непонятное поведение ворон при встрече на лугу с моей собакой, находящейся уже тогда на грани смерти. Кажется весьма возможным, что «вещуньи» потому и устремились к ней и потому не отставали от нее до самого поселка, что они почуяли приближение смерти животного и рассчитывали поживиться мясом. Очевидно, что эта способность предугадывать гибель животных и породила в русском фольклоре поверье о «пророчестве» ворон.

Как, каким путем вороны узнают о приближении смерти животных, вопрос огромного научного значения, требующий пристального изучения.

НА ВЫСОТЕ, 1⁵⁴

В 1956 году зоологическим Институтом Академии наук мне была дана командировка на Южный Урал⁵⁵.

Целью этой кратковременной поездки была раскопка пещер, расположенных в верхнем поясе гор, в их скалистых гребнях и вершинах. Именно сюда, на эту высоту, взмывают с земли хищные птицы со своей добычей. В эти пещеры они свою добычу приносят, здесь в полном уединении ее поедают и здесь же оставляют погадки, не переваренные остатки пищи в виде шерсти и костей. Основная масса этих остатков принадлежит грызунам.

В пещерах, постоянно посещаемых хищными птицами, косточки грызунов образуют мощные скопления, послойное изучение которых дает возможность судить о видовом составе фауны грызунов не только в настоящее, но и в весьма отдаленное время.

Моим помощником был только что окончивший университет Олег Мартянов.

Работа велась маршрутным путем. Мы с Олегом почти все время находились в пути, останавливаясь в башкирских деревнях не более чем на два-три дня. Своего транспорта у нас не было. Из одного пункта в другой мы переезжали на попутных машинах, с которых осматривали верхний пояс гор и выбирали подходящие для раскопок пещеры. Чаще всего они располагались на высоте 250-300 метров.

Помимо тех пещер, которые мы находили сами, сведения о них мы собирали у местных людей. От них мы, в частности, узнали о Мурадымовских пещерах, расположенных километрах в 15 от села Мраково, в котором мы временно остановились. Частично на попутной машине, большей же частью пешком, мы добрались до села Мурадымово, намереваясь остаться в нем на ночлег. Однако когда мы подошли уже к селу, мы повстречались с одним из его жителей, который предупредил нас, что в селе эпидемия и идти туда нельзя. Какая эпидемия, он объяснить не мог.

Нам ничего не оставалось делать, как идти к пещерам, к которым из села вела дорога. По ней мы дошли до горного хребта, покрытого лесом, и вошли в узкое прорезывающее его ущелье с высокими, почти отвесными склонами. По дну этого ущелья, тесно прижавшись к его правому склону, мчалась горная речка Ик, вдоль которой шла мурадымовская дорога. Крутые каменистые склоны ущелья были покрыты редким кустарником, в нижней части склонов росли молодые березки.

⁵⁴ В публикуемой подборке помещены не все рассказы Е. М. Снигиревской; здесь приводится лишь та их часть, которая относится к Южному Уралу.

⁵⁵ См. выше переписку Е. М. Снигиревской за осень 1956 года.

В ущелье обращали на себя внимание верхние части склонов, представляющие собой беспорядочное нагромождение скалистых вершин, карнизов, выступов и ниш, среди которых можно было видеть несколько пещер.

Над скалами в вышине медленно кружили две высматривающие добычу крупные хищные птицы.

Для наших целей лучших пещер, чем в этом ущелье, трудно было представить. Высота, на которой они были расположены, метров в 200-300, нас не смущала. Она была для нас обычной. Единственным препятствием к исследованию этих пещер была большая крутизна склонов, из-за чего подъем к ним был небезопасен.

Примирившись с тем, что к этим пещерам нам не подобраться, мы двинулись дальше и вскоре подошли к Мурадымовским пещерам. Этими огромными, светлыми и сухими пещерами, достигающими в высоту 5-6, в ширину 8-10 и в длину 25-30 метров, расположенными в нижней части склона, пользовался, очевидно, первобытный человек. Для нас они не представляли интереса.

Вскоре после их осмотра начало темнеть, и мы, находясь вдали от каких-нибудь селений, вынуждены были попроситься на ночевку к живущим в палатках рабочим небольшого алмазного прииска, расположенного, на наше счастье, недалеко от Мурадымовских пещер.

Утром мы отправились в обратный путь. Проходя по ущелью, я, как и накануне, с вождением смотрела на недоступные, но, несомненно, очень древние пещеры, в которых мы могли собрать богатый материал. Среди них меня особенно заинтересовала пещера, расположенная на высоте примерно 250-300 метров на вершине крутого каменистого склона, находящаяся в окружении отвесных скал. На нее я обратила внимание Олега, тут же, впрочем, оговорившись, что для исследования данная пещера недоступна. Как потом мы приняли решение все же лезть к пещере, знает, по-видимому, один бес, толкнувший нас на это.

Отыскав брод, мы перешли речку и прямо против пещеры стали подниматься в гору. Мы очень долго и упорно лезли вверх по склону, цепляясь за мелкий кустарник и за камни, выступающие на поверхность. Мы лезли вверх до тех пор, пока наш путь не преградила примерно десятипятнадцатиметровая скала. Мы обогнули ее слева и, оказавшись над нею, на краю обрыва, посмотрели вверх.

Отсюда до пещеры оставалось не более 30-40 метров, но путь к ней не имел ничего общего с тем путем, которым мы сюда добирались. Здесь не было ни выступающих камней, ни березок, ни кустиков, за которые можно было бы при подъеме подтянуться. Вся поверхность склона от входа в пещеру до края обрыва, на котором мы стояли, была покрыта мощным слоем коричневого мелкоосколочного материала, представляющего собой продукт разрушения пещеры.

Какими водами, каким потоком этот гравий вымывался из пещеры, я не представляю. Несомненно, однако, что главную роль в его выносе из пещеры играла вода, отлагающая гравий в виде конуса на скале. При этом конус был подобен вытекающей из пещеры реке. Узкая его вершина начиналась у самого входа в пещеру, широкое основание, метров в 8-10, доходило до обрыва. Часть обломочного материала скатывалась, очевидно, вниз.

Обойти скопление гравия на пути в пещеру было невозможно, так как с обеих сторон его сжимали отвесные скалы в 3-4 метра высотой.

Было совершенно очевидно, что оставшийся нам до пещеры путь был самым трудным и опасным. Нам предстояло лезть не просто по крутому склону. Мы стояли перед кручей, покрытой мощным слоем мелкого осколочного материала, в который ноги погружались на глубину 7-8 сантиметров. Это был сыпучий грунт, состоящий из мелких, ничем между собой не связанных осколков.

Но этого было мало. Самая большая опасность этого грунта обнаружилась позже, когда мы были примерно на половине пути к пещере. Здесь мы оба почувствовали, что толща мелкого осколочного материала, по которому мы ползли, сползает вниз.

Мне трудно передать то чувство, которое меня охватило, когда я представила себе, что мы с Олегом привели в движение накапливающуюся веками толщу каменных осколков, едва, видимо, державшуюся на круче, а теперь сползающую к обрыву.

Только в этот миг я поняла всю безрассудность своего поступка и с ужасом представила себе обратный путь по «каменной реке», на которой не только не за что будет в случае чего ухватиться, но где, как говорят, «земля уходит из-под ног».

Преодолевая последние оставшиеся до пещеры метры, мы окончательно убедились в том, что находящаяся под нами толща гравия «оживала».

Наконец мы оказались у пещеры. Она была сравнительно небольшой, высота полулунного входа не превышала полутора метров.

Судя по внешнему облику, пещера казалась перспективной. Скрывая от Олега страх и растерянность, я сказала, чтобы он копал пещеру вблизи от входа. Забегая вперед, скажу, что раскопка в этом месте ничего не дала. Только на глубине 12-15 сантиметров был обнаружен «культурный слой», угольная прослойка, оставшаяся от разжигаемых здесь когда-то костров. О дальнейшей раскопке пещеры я не думала. Мне теперь было не до нее. Вся моя голова была наполнена мыслями, как нам уйти из этого страшного места, как спуститься вниз. Не давала покоя и все возрастающая тревога о детях, о том, что после моей гибели (а я в ней не сомневалась) они останутся на свете одни.

С этими мрачными мыслями я отвернулась от пещеры, первый раз взглянула вниз и вдруг почувствовала, как дыхание у меня перехватило. За

исключением верхней части прилегающей к пещере каменной лавины самого склона, по которому мы сюда лезли, не было видно. Таким он был крутым. Но зато далеко внизу, почти прямо под нами я увидела маленькую зеленую полянку, речку в виде серо-голубой ленточки и едущий по дороге воз с сеном, казавшийся не более спичечной коробки.

Всем увиденным я была совершенно убита, но желание во что бы то ни стало выжить пересилило чувство смертельного ледящего страха. Призвав на помощь всю свою волю, все свое самообладание, я отогнала от себя мрачные мысли, взяла себя в руки и стала мысленно перебирать возможности спасения.

Прежде всего, следовало найти более безопасное место для спуска, чем сползающая вниз лавина. Но и тут меня постигла неудача. Походив вокруг пещеры, я увидела, что кроме «каменной реки» других путей для спуска здесь не существует.

Перед нами встал теперь другой вопрос: не где, а как спуститься вниз. Как спуститься, чтобы из-за нас с Олегом оползень не увеличил скорости движения и не потащил нас вниз.

После недолгих раздумий я решила, что, если не совсем предотвратить, то хотя бы ослабить движение оползня к обрыву может только спуск в лежачем положении. Я велела Олегу взять в руки саперную лопатку, лечь на спину и, сильно прижимаясь к гравию спиной и затылком, очень осторожно подвигаться вниз. Так же сделала и я. Перекладывая лопатки из одной руки в другую, мы выкапывали по сторонам от ног неглубокие ямки для упора то правой, то левой ноги.

Так мы очень медленно спускались вниз по каменной лавине, ежеминутно ожидая, что вот-вот она тронется с места и увлечет нас за собой.

Мы не представляли, сколько времени продолжался наш спуск до обрыва. Нам казалось, что до того, как мы увидели его, прошла целая вечность.

Метра за четыре до обрыва каменная река вышла из сопровождающих ее отвесных скал, и мы получили возможность перебраться с нее на безопасный каменистый грунт. Здесь из-за большой крутизны склона спускаться тоже было очень трудно, но здесь мы не должны были спускаться на спине и здесь нас не преследовала мысль о том, что мы вот-вот погибнем, если «каменная река», эта находящаяся в движении каменная лавина, оборвется вниз.

Цепляясь за кусты и камни, мы благополучно добрались до берега реки и в этот момент счастливее и радостнее меня, как мне казалось, не могло быть человека. При этом хотелось как можно скорее перебраться через реку и навсегда уйти от ущелья.

Идти вниз по течению к броду не хотелось, и мы решили перейти через речку по узкому бревну, переброшенному с одного берега на другой. Но едва я сделала несколько шагов по бревну, как поскользнулась и упала в

воду, оказавшись в середине быстрой горной, но к счастью, в этом месте неглубокой реки. Но и это событие не омрачило моего счастливого и радостного настроения.

Домой мы возвращались без научных трофеев, но в этот день самым ценным трофеем были для нас наши жизни, Олега и моя.

Февраль 1983 г.

Письма С. И. Снигиревского

Сергей Иванович Снигиревский (10 января 1896 года (29 декабря 1895 года), г. Тула – 24 ноября 1955 года, г. Ленинград) – зоогеограф, эколог, известный орнитолог, активный участник заповедного дела в Советском Союзе (фото 10), кандидат биологических наук; научный сотрудник Башкирского заповедника в 1939-1941 гг. Будучи начальником зоологического отряда Башкирской экспедиции Академии наук СССР (в 1928-1930 гг.), принимал участие в выборе места, обследовании территории и организации Башкирского государственного заповедника (о нем см. Бианки, 2004; Снигиревский, 2004; Alex, Šergalin, 2014).

Фото 10. Сергей Иванович Снигиревский в маршруте. Башкирский заповедник, 1930-е гг.

С. И. Снигиревский был одним из активных участников заповедного дела в послереволюционной России. Ниже приводится составленная самим Сергеем Ивановичем (скорее всего, в 1945 году) краткая справка «Работа в системе заповедников в СССР».

«С октября 1920 г. – специалист секции охраны природы Сельскохозяйственного ученого Комитета Украины, а затем член специальной комиссии по обследованию заповедника Аскания-Нова.

С 4 ноября 1920 г. – научный сотрудник заповедника Аскания-Нова, а в 1923 г. – заведывающий научной частью того же заповедника (до октября 1923 г., когда переехал в Ленинград для окончания Университета).

В 1921 и 1922 гг. – занимался изучением и организацией причерноморских заповедников (Джарылгач, Чурюк на Сиваше и др.). Был начальником зоологической группы экспедиции по изучению этих заповедников в 1922 г. В 1921 г. по поручению заповедника «Аскания-Нова» совершил поездку по главнейшим городам – Ленинград, Москва, Киев, Харьков, Орел и др. – с целью прочтения докладов об Аскания-Нова и привлечения крупных специалистов к работе в заповеднике.

Осенью 1922 г. был участником сессии Асканийского комитета (сделал два доклада: об организации причерноморских заповедников и о кольцевании птиц).

В декабре 1922 г. на съезде зоологов в Ленинграде сделал доклад о задачах научно-исследовательской работы в заповедниках: «Заповедники, как пункты комплексных исследований ландшафтов» (см. Труды I Съезда зоологов).

В 1922 и 1923 гг. был секретарем инспекториата по заповедникам Южной Украины.

В 1923 г. – в марте был участником (с докладом) Конференции по изучению производительных сил СССР в Москве при Госплане. А также был участником Всесоюзной Сельско-хозяйственной выставки с экспонатами из Аскания-Нова.

С 1 октября 1923 по май 1925 г. перерыв в работе по заповедникам (за это время напечатал две небольших статьи о заповедниках и провел орнитофаунистическое обследование в предполагавшемся к организации заповедника участке близ оз. Ильмень, б. Новгородской губ. в 1924 г.)⁵⁶.

В 1925 г. – исследование фауны птиц Репетекского заповедника (Каракумские пустыни) и составление краткого фаунистического очерка этого заповедника⁵⁷.

С лета 1926 г. по конец 1932 года – работа в Ильменском государственном заповеднике, сначала в качестве зоолога, затем – в качестве заместителя директора по научной части, а также и.о. директора.

В течение этих 6 лет на Южном Урале занимался кроме исследований Ильменского заповедника – изучением фауны птиц вообще Южного Урала. Кроме нескольких напечатанных статей⁵⁸, оставил в Заповеднике две рукописи по птицам (см. Сборник «Ильменский заповедник», 1940, стр. 14, 170, 188, 190). В 1928-1929 годах выезжал для изучения фауны птиц в Троицкий лесостепной заповедник Молотовского, б. Пермского Университета. **Работая начальником зоологического**

⁵⁶ См.: Снигиревский, 1926.

⁵⁷ См.: Snigirewski, 1928.

⁵⁸ См.: Снигиревский, 1928; 1929.

отряда Башкирской экспедиции Академии Наук СССР, принимал участие в выборе места, обследовании территории и организации Башкирского государственного заповедника⁵⁹ [выделение жирным шрифтом – нами (Авт.)] (см. фото 2, 7, 10, 12). Был командирован Зоологическим институтом Академии Наук СССР в районы Илецка и Актюбинска для изучения «реликтовой колонии тундровых куликов в зоне ковыльных степей и полупустынь Казахстана», с целью обоснования организации там заповедника (исследование выяснило отсутствие постоянной колонии).

С 1932 г. работал заведующим зоологическим сектором Казахстанского филиала Академии Наук и в течение 1932 и 1933 и части 1934 гг. был начальником экспедиции филиала по исследованиям Алмаатинского государственного заповедника.

С 1935 и 1936 гг. – участие в Охотской экспедиции Наркомзема.

1938-1939 годы – Дальневосточный филиал Академии Наук СССР (зав. зоологическим сектором). Небольшая работа в Супутинском⁶⁰ заповеднике по птицам.

1939 и 1940 гг. – зоолог Башкирского заповедника, а затем переведен с 5.V.1941 – зав. научной частью в Куйбышевский гос. заповедник (до 25.VIII.41, затем врио директора, а затем с 1.I.43 снова зав. научной частью до 22.VI.43).

Состою членом Общества охраны природы (было при Комитете по заповедникам) с основания общества. Был членом всех съездов по охране природы, а также и Географического съезда. Всегда активно выступал по программным вопросам работы заповедников.

Таким образом, в течение 23 лет, считая с октября 1920 г., я был неразрывно связан с заповедниками СССР. С 1.VII.43 по 31.VII.45 продолжал работать в Куйбышевском государственном заповеднике (исследование непарного шелкопряда)».

Можно сказать, что С. И. Снигиревский стоял у истоков заповедного дела в Советском государстве, разработав его основные задачи и принципы и участвуя в конкретной организационной деятельности в отношении охраны природы⁶¹. Только в неизмененных человеком физико-географических комплексах, по мнению Сергея Ивановича, возможно истинное познание естественных условий существования и взаимоотношений элементов органической и неорганической природы. Поэтому он, как и многие другие ученые, был убежден, что наука должна использовать сохранение природы путем создания заповедников.

⁵⁹ См.: Снигиревский, 1928б; 1930; 1932; 1947; 1947а.

⁶⁰ Супутинский заповедник организован в 1934 г., а в 1974 г. переименован в Уссурийский заповедник.

⁶¹ См.: Снигиревский, 1928а.

Основной задачей научной работы в заповедниках он считал стационарные комплексные исследования ландшафтов⁶², которые подвержены эволюции. Под ландшафтом он понимал комплекс, в котором сливаются в гармоничное целое рельеф, климат, почвы, растения и животные. Птицы, как и все остальное, являются равноправным элементом ландшафта. Их изучение начинается с выяснения видового состава орнитоценоза и его распределения на территории и выяснения взаимосвязей с другими элементами ландшафта. Материалы, полученные в заповеднике, должны сравниваться с тем, что делается на соседней, не охраняемой территории.

Как уже упоминалось выше, в 1928-1930 гг. Сергей Иванович был начальником зоологического (в 1929 г.) и промыслово-биологического (в 1930-1931 гг.) отрядов Башкирской экспедиции Академии наук, в которой участвовали научные сотрудники С. А. Северцов (в 1931 г. сменивший Сергея Ивановича на должности начальника отряда), выпускница географического факультета Ленинградского университета териолог Е. М. Вакуленко (впоследствии ставшая второй женой С. И. Снигиревского – Екатерина Михайловна Снигиревская), В. Ф. Исаков, технические сотрудники А. Н. Калинин и Н. И. Грачев, а также препараторы П. Т. Бутенко и В. А. Брагин (фото 11). Небольшой, но состоявшийся из энергичных исследователей отряд собрал интересный материал. Отчитываясь за экспедицию, Сергей Иванович отметил большое разнообразие охото-промысловой фауны и ее нерациональное использование. Территорию Башкирии он разделил на пять естественных районов: степной (южный), лесостепной (западный), широколиственный, таежный, лесостепной (восточный) (Снигиревский, 1930; Бианки, 2004).

По итогам работ 1929 года было принято решение об организации Башкирского заповедника. Председатель Башкирской комиссии С. И. Руденко (1930, с. 153) сообщал о постановлении Совнаркома: «...5) С целью охраны имеющих исключительный интерес памятников природы, необходимых как для исследовательских работ экспедиции АН и Научно-исследовательского института, так и для учебной производственной практики профессуры и студенчества Педвуза, объявить заповедниками Аргазинскую и Южно-Узянскую лесные дачи и устроить на их территориях естественноисторические исследовательские станции, объединив оба заповедника общим управлением и единым бюджетом с устройством в Южно-Узянской даче, кроме того, опытного лесничества».

С. И. Снигиревский был одним из нескольких ответственных лиц, на заседании в деревне Кулганино утвердивших 18 октября 1930 года создание Башкирского заповедника.

⁶² См.: Снигиревский, 1928а.

Фото 11. Препаратор В. А. Брагин в маршруте, 1930-1931 гг.

Сергей Иванович работал в Башкирии еще неоднократно: его экспедиционные работы по Южной Башкирии неизменно начинались и заканчивались в БГПЗ, а после войны он работал в течение ряда лет (1953-1955) в Уфе в качестве заведующего сектором зоологии Агробиологического института Башкирского филиала Академии наук СССР (см. фото 13).

14 марта 1928 года

Всем ВИКом и с/советам Т-Катайского К-на

[Угловой штамп:
Тамьяно-Катайский
Кантонный Исполнительный Комитет
Сов. Раб. Кр. и Кр-арм Депут.]

Предъявителю сего Начальнику зоологического отряда Башкирской экспедиции Академии Наук С. И. КИК предлагает оказывать надлежащее содействие к выполнению возложенной на него задачи, а равно и в предоставлении за плату квартир, лошадей и т.д.

Пред. КИКа

/подпись неразборчиво/

12 мая 1928 года

**Всем Кант. Адм. Отделам и Нач-кам вол. милиции
Б.А.С.С.Р.**

БНКВД предлагает оказывать всяческое содействие Представителю Комиссии Экспедиционных Исследований Академии Наук СССР командиров<анному> в Башкирскую АССР для участия в работах Башкирской Комплексной Экспедиции – тов. СНЕГИРЕВСКОМУ Сергею Ивановичу, как по пути следования, так и при исполнении возложенных на него Академией Наук СССР научных задач.

Нач. Адмотдела

/подпись/

Иванов

Нач. Канцелярии

/подпись/

Янбухтин

25 октября 1929 года

В Академию наук СССР

Учитывая, что начальник зоологического отряда Башкирской комиссии Академии Наук С. И. Снегиревский, производя исследования фауны и постановки охотничьего хозяйства Башкирии уже второй год, с полной готовностью и по собственной инициативе, сделал ряд докладов о

своих работах на собраниях: БОБК, Общества по изучению Башкирии, Общества по распространению естественно-исторического образования, Башкирское Областное Бюро Краеведения считает своим приятным долгом особо отметить эту общественную сторону в научно-исследовательской деятельности тов. Снигиревского.

За Председателя БОБК, Член ЦБК /подпись/

Штейнфельд

За Секретаря: /подпись/

Линд

27 октября 1929 года

Удостоверение

Комиссия Экспедиционных Исследований Академии Наук СССР удостоверяет, что СНИГИРЕВСКИЙ Сергей Иванович со времени учреждения Башкирской Комиссии Академии Наук состоит Начальником Зоологического ее Отряда. Зоологические исследования в Башкирской АССР имеют задачей изучение биологии и промысловых животных, исследование современного состояния промыслов с целью их рационализации, а также составление общего Зоологического очерка Башкирии. С.И. Снигиревский ведает и ежегодно сам ведет в Башкирии экспедиционные работы и ведет научную разработку собранных во время экспедиционного обследования материалов. <...>

Председатель Академик /подпись/

[А. Е. Ферсман⁶³]

Секретарь /подпись/

⁶³ Александр Евгеньевич Ферсман (1883-1945) – российский и советский минералог, кристаллограф, геохимик, профессор, академик РАН (1919) и вице-президент АН СССР (1926-1929). Редактор журнала «Природа» с момента его основания (1912). Лауреат Премии им. В. И. Ленина за научные работы (1929), Сталинской премии I степени (1942).

**Отзыв о работах Сергея Ивановича Снегиревского
в связи с выставленной им кандидатурой в число
аспирантов Академии наук по кафедре зоологии.**

Сергей Иванович Снегиревский⁶⁵ известен мне в течение нескольких лет как человек, очень интересующийся систематической зоологией, особенно птиц, и зоологической географией. После пребывания с перерывами в Ленинградском университете, в 1920-1923 гг. работал в Аскания-Нова, результатом чего явилась небольшая коллекция птиц и различные наблюдения. В 1925 г. совершил двухмесячную поездку на Аму-Дарью и в глубь Арало-Каспийских пустынь. С 1926 г. поселился в Южном Урале, где продолжает работать и до сих пор. Район его работ охватывает обширную площадь от Златоуста до Оренбурга с севера на юг и от Уфы до Троицка с запада на восток. За это время собрана орнитологическая коллекция более чем из 2000 экз. Эта коллекция обрабатывается преимущественно в Зоологическом музее Академии наук, причем некоторые виды обрабатываются монографически, путем сравнения большого материала Музея. С 1928 г. по предложению ныне умершего академика П.П. Сушкина⁶⁶ Снегиревский принял участие в Башкирской экспедиции Академии наук в качестве начальника зоологического отряда. Продолжает и сейчас работать в экспедиции.

Снегиревский до сих пор напечатал около 30 заметок по географическому распространению и систематике птиц исследованных им районов, содержащих не мало интересных фактов. Следует особенно отметить, что Снегиревский в достаточной мере знаком с несколькими иностранными языками.

Принимая во внимание все сказанное, я имею основание думать, что Снегиревский при более равномерной и постоянной музейной работе, вместе с использованием надлежащей литературы, может выработаться в серьезного работника фауниста. У него на лицо несомненная любовь к делу и хорошая полевая подготовка, что при надлежащем руководстве должно помочь ему овладеть и стать научным работником как при музейной

⁶⁴ Михаил Александрович Мензбир (1855-1935) – русский и советский зоолог и зоогеограф, заслуженный профессор Московского университета и ректор Московского университета (1917-1919), академик АН СССР, основатель русской орнитологии.

⁶⁵ Нашу фамилию часто пишут неправильно. Здесь орфография сохранена.

⁶⁶ Пётр Петрович Сушкин (1868-1928) – русский и советский учёный-зоолог и палеонтолог, академик АН СССР (1923).

обработке коллекций, так и для сборов последних, для производства наблюдений над распространением и биологией высших позвоночных, почему я считаю вполне возможным высказаться в пользу его кандидатуры в число аспирантов А.Н.

10.XI.929. Москва, Моховая д. 3, кв. 9

Акад. Мензбир

28 марта 1930 года

Удостоверение

Башкирская Комиссия Академии Наук СССР удостоверяет, что СНИГИРЕВСКИЙ Сергей Иванович состоит Начальником Зоологического отряда Башкирской экспедиции Академии Наук. <...>

2 сентября 1931 года

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано настоящее руководителю биологическими работами по изучению охотничьего хозяйства Башкирской республики С. И. СНИГИРЕВСКОМУ, командированному Академией Наук СССР, на основании заключенного договора Наркомснаба БАССР на исследование охотничьих хозяйств в том, что ему разрешено производить охоту для научных целей на территории БАССР независимо от установленных правилами об охоте сроков на все виды птицы и зверя.

Нарком снабжения БАССР
Управделами

/подпись – неразборчиво/
/подпись – Филатов/

27 ноября 1931 года

Удостоверение

Дано сего тов_у С. И. Снигиревскому От Макаровского райохотосоюза в том, что тов. Снигиревский имеет право полное содействия по Макар. района собрать зверей только в целом веде (не снятая шкурки).

И охотники должны стараться добыть зверей (в целом веде) сколько он требует. Тов. Снигиревский обязуется передать счетов о получение зверей Макаровскому райохсоюзу.

Что и удостоверяется.

Предправление:

/подпись/

Янузаков

Академику В. Л. Комарову⁶⁷

27 мая 1932 года

(Архив РАН, фонд 277, опись 4, № 1347 (1355))

Очень срочное дело

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич!

Мною передано в Биол<огическую> Ассоциацию ходатайство мое и ЗИН (за подписями акад. Зернова⁶⁸ и зоологов Виноградова и Серебровского⁶⁹) с приложением плана обработки промысл<ового > биологического отряда Башк<ирской> Эксп<едиции> СОПС'а⁷⁰ (фото 12).

Исследования (по приложенной программе, всеми кому следовало утвержденной) закончены 1 февраля 1932 г. (полевые исслед<ования>); начата обработка, но в конце апреля я получил предложение ликвидировать работу.

Работали ок<оло> 3 лет, потратили много денег, собрали очень нужный материал и перед самым концом – когда уже могли быть получены практические выводы – работа ликвидирована, из-за невыясненности со средствами.

Просьба мои бумаги, которые Вам, вероятно, сейчас принесут – пустить в ход. Если этого не сделать сейчас – потом дело отложится: все разьедутся и некому будет решать. Дело это срочное, т.к. пропадают матерьялы, нужные хоз<яйственным> органам для практической работы.

В крайнем случае, если невозможно теперь найти всех нужных денег на камеральную обработку – надо продержаться хотя 2 месяца. За это время сделать попытки достать денег от хозорганов Башкирии. Значит, в крайнем случае, надо 1000-1500 р. и работа не остановится и продвинется.

Жду ответа. Сер. Снигиревский.

⁶⁷ Владимир Леонтьевич Комаров (1869-1945) – русский, советский ботаник, флорист-систематик и ботанико-географ, педагог и общественный деятель; член-корреспондент Академии наук (1914), действительный член (1920), вице-президент (1930-1936) и президент (1936-1945) Академии наук СССР, организатор многочисленных филиалов, ботанических садов и баз Академии наук.

⁶⁸ Сергей Алексеевич Зернов (1871-1945) – русский и советский зоолог, гидробиолог и общественный деятель, академик АН СССР (1931); основоположник гидробиологии в России, создатель её экологического направления.

⁶⁹ Павел Владимирович Серебровский (1888-1942) – русский советский орнитолог, зоогеограф и палеонтолог, профессор.

⁷⁰ СОПС – Совет по изучению производительных сил – научно-исследовательское учреждение при АН СССР (1930-1960), Госплан СССР (1960-1992), затем Министерство экономического развития России по проблемам размещения производительных сил и региональной экономике.

Фото 12. Сотрудники зоологического отряда Башкирской экспедиции Академии наук СССР, 1930 год. Крайний слева – А. А. Герке, в центре в белой рубашке – С. И. Снигиревский, рядом с ним (справа) – Е. М. Снигиревская, крайний справа сзади – В. А. Брагин, крайний справа спереди – технический сотрудник А. Н. Калинин; личность остальных не установлена

Е. М. Снигиревской
11 июля 1938 года
Стерлитамак
(Владивосток, Пушкинская 41
Филиал Акад. Наук, С. И. Снигиревский)

Дорогая Катечка, добрался до вокзала быстро и заблаговременно. Действительно, шофёр не плох. Дорога оказалась лучше той, по которой ехали мы с тобой. И даже короче на 1 км (по показаниям счетчика). Взял билет и сию секунду в вагоне. Грязью и пылью покрылся ужасно. По дороге (не доезжая 7-8 км до Макарово, в том месте, где у нас развалились сани зимой) остановились пить и есть. Яйца оказались сырыми, и одно из них совершенно развалилось в портфеле. По дороге видели зайца. Вот и все происшествия. В Авзяне сразу нашли по памяти избу Егора и передали ему твой полшубок, в кармане которого забыл папиросы и <деньги>! Ехал без курьера. Успел сделать расплату – 300 р. за автомобиль и 50 р. за бензин. Шофер тоже заработал по дороге неплохо – рублей 150 за подвоз разных башкир. Шурка все время угощал по дороге меня конфетами. Было не жарко, но все-таки устал. Забыл, видимо, носовые платки и нигде у себя их не нашел.

<...>

Я получил очень большое удовольствие от того, что ты рада патефону. И так ты со мной хорошо обращалась все время, что я долго буду с ощущением счастья <вспоминать> этот один день в заповеднике. <...>

Е. М. Снигиревской
19 июля 1938 года, близ Красноярска
п/о Байназарово, Башкирск. АССР,
Бурзянский р-н, Заповедник

Дорогая Катечка, вместо того, чтобы приближаться к тебе – я отдаляюсь. Так грустно, как почти никогда не было. <...> Погода только первые 2 дня стояла жаркая и было много пыли. Сейчас – пасмурно и совсем нет пыли; ехать легко. В купе – к сожалению (а м.б. и наоборот, к лучшему) вместе со мной <целая семья>. Но не вредные. Книжек никаких нет, кроме той, которую ты мне дала (Деблин. Пощады нет). Скучная книжка. У соседа оказалась книжка Павленко, На востоке. Есть хорошие места, но, в общем книга не важная! Пописать свои дела как-то не хочется, да и условия все-таки для этого плоховаты. Если бы ехать в международном вагоне, да I категории, – можно было бы работать.

Вчера вечером ходил в баню – в багажном вагоне «душевое отделение»; вымылся начисто и постелил чистое белье.

От Красноярска началась уже настоящая Сибирь; между прочим, внешне очень похоже на Ю. Урал. Вспоминается, как мы с тобой ездили по узкоколейке! Сейчас здесь, несмотря на конец июля, масса цветов. Видимо, в этом году позднее цветение.

Как только приеду во Владивосток – тотчас же выясню все материальные вопросы, и если всё будет <...> хорошо, то я бы думал, что тебе надо не сидеть в заповеднике до зимы, а м.б. пораньше поехать в Ленинград.

20 июля. Подъезжаем к Иркутску.

Опять жарко. Почитал. Бездорожная местность. Поезд идет быстро. Бросает из стороны в сторону. В нашем вагоне только 3 души до Владивостока, остальные вылезают раньше. Оказалось в поезде есть библиотека. Взял Ромен-Роллана – Жан Кристоф, ч. 9, 10. Читаю с удовольствием. Но много чепухи – в рассуждениях. Хотелось бы поразговаривать, да не с кем.

Из игр в поезде есть только домино, да шашки. Нет шахмат. А мне бы хотелось поиграть в шахматы.

Сидел вчера над дополнением к договору. Ведь я предполагал о нем поговорить с тобой. Да как-то не удалось. Слишком я тогда устал и времени было мало. Конечно моя любимая, мы с тобой давно говорим о необходимости отпусков и все же как-то никогда их себе не устраиваем. Теперь их необходимо ввести в наш обиход во что бы то ни стало. 2 месяца в году абсолютно беззаботное существование, а лучше какая-нибудь легкая поездка. И для работы это будет лучше. <...>

1940 год

Среди архивных материалов – [обходные листы] – справки: «Дана старшему научному сотруднику Башкирского госзаповедника т. Снигиревскому С. И. в том, что за ним на 30 августа 1940 года никаких предметов из имущества заповедника не числится» за подписями: зав.

библиотекой Проняковой, завхоза Зеркина (за него расписался старший бухгалтер), препаратора П. Е. Зеркина⁷¹, зав. фотолaborаторией Казеева.

23 марта 1941 года

В Главное Управление по заповедникам, зоопаркам и зоосадам при СНК РСФСР.

Ознакомившись по Вашему поручению со статьей С. И. Снигиревского: «Материалы по орнитофауне Южного Урала. Экскурсия в горную тайгу»⁷², я считаю, что она представляет несомненный интерес. Главное ее значение – в новых сведениях по биологии отдельных видов – клестов, пеночек, глухаря и др.

Несмотря на кратковременность экскурсии, автору удалось собрать много материала. Несколько досадно, что определения не доведены до подvida и что в статье отсутствуют элементы зоогеографического анализа.

Некоторые предварительные пометки сделаны мною в тексте. Написана статья хорошим языком и с полным знанием дела. Считаю, что опубликование ее в Трудах Башкирского гос. заповедника вполне целесообразно. (Это относится и к бывшей у меня ранее на рецензии статье С. И. Снигиревского о фауне птиц лиственных лесов Южного Урала⁷³).

23.III.-1941 г.

Проф. Г. Дементьев⁷⁴

28 апреля 1941 года

Выписка из приказа № 98 по Главному управлению по заповедникам, зоопаркам и зоосадам при СНК РСФСР от 28 апреля 1941 года

§ 2. Научный сотрудник Башкирского госзаповедника т. СНИГИРЕВСКИЙ С. И. переводится в Куйбышевский госзаповедник и назначается Заведующим Научной частью этого заповедника с 5-го мая с.г.

⁷¹ О П. Е. Зеркине см. ниже.

⁷² См.: Снигиревский, 1947а.

⁷³ См.: Снигиревский, 1947.

⁷⁴ Георгий Петрович Дементьев (1898-1969) – советский орнитолог, профессор, специалист в области охраны природы; создатель и руководитель Комиссии по охране природы Академии наук СССР (1951-1963), которая спустя много лет трансформировалась в современный ВНИИ охраны природы.

§ 3. Научный сотрудник Башкирского госзаповедника т. СНИГИРЕВСКАЯ Е. М. переводится в Куйбышевский госзаповедник на должность научного сотрудника-охотоведа.

Начальник Главного управления – ШВЕДЧИКОВ

[Е. М. Снигиревской]
15 мая 1952 года

Дорогая Катя, сегодня пришла сюда книга С. В. Кирикова «Птицы и млекопитающие в условиях ландшафтов южной оконечности Урала»⁷⁵. С первого взгляда она мне показалась хорошей (в Москве). Просматривал сегодня – и она мне не понравилась, хотя в ней есть много интересного. Нет мастерства в изложении, в распределении материала, блеска мыслей, ясности формулировок. Серовато, скучновато и многое недодумано. Список литературы годится для диссертации, но не годится для печати. Книга похожа на дурную оперу, в которой вся музыка немелодична, не сильна, и только изредка проскакивает кратковременный хороший мотивчик. Я уже несколько раз видел такие книжки, в том числе и беллетристические.

[Чтобы не забыть: непременно прочти Т. Драйзера – Американская трагедия, соч. тт. 7 и 8 – это необходимо тебе как матери, имеющей дочь 19 лет. И пусть Туз⁷⁶ прочтет!] [Хоть это и чуждая и чужая жизнь в чужом государстве, с чуждой моралью и всем прочим, но чрезвычайно жизненно для нас.]

Итак, значит, я – зоолог – но не в зоол<огическом> секторе, а в лесном.

Работа = птицы → насекомые → лес. Но увлекаться «делом» не буду, весь смысл жизни сейчас в защите диссертации. После чего – увлечение разрешимо.

=

16.V.52

Весь день вчера деятельно служил. А вечером ходил к Татариновым, сидел у них до 11½ веч<ера>, ужинал, чай пил, пришел ок<оло> 12 домой, лег спать (но ½ ч. почитал «Агробиологию» № 1, 1952). Почти проснулся от какого-то страшного сна и не спал часа 1½-2, встал в 8 ч.<...>, просто не выспался.

<...>

Напиши П. Е. Зеркину не хочет ли он быть препаратором на лето.

⁷⁵ См.: Кириков, 1952.

⁷⁶ «Туз» – старшая дочь Н. С. Снигиревская

8 июля 1952 года
Ленинград, Снегиревской Е. М.
(Мелеуз, Стерлитамакская обл., БАССР
Экспедиция Филиала АН СССР)

Дорогой Кут, вчера в 7 ч. вечера выехали на гру<зовике> в экспедицию (фото 13). Жив здоров. <...> Едем отличными местами. Все очень интересно но быстро проеха<ли все долины>. Сегодня утром проехали Стерлитамак (устье р. Стерли), а конечный наш пункт – Стерлибаш (верховья р. Стерли).

Все сборы были очень суматошные, никто ничего не понимает.

В 2 ч. дня остановились на сев<ерном> отроге Общ<его> Сырта и будем обедать.

Ночью наловил бабочек.

Еще <ужаснее> (новой купить не успели!) дробь. Но, видимо, стрелять придется мало. Публика ничего себе.

Около 22 ч. приехали в Ново-Мурапталово. Первым, что увидели – верблюд. Это оренбургские степи. Помочились в речке. Будем пить чай и спать.

28 декабря 1953 года

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано настоящее СНИГИРЕВСКОМУ С. И. в том, то он действительно работает в Башкирском филиале АН СССР в должности зав. сектором зоологии Биологического института <...>

1954 год

<О непарном шелкопряде>

В лесах Башкирии уже четвертый год свирепствует непарный шелкопряд, который объедает листья различных древесных пород, особенно дуба. После двухкратного объедания листья дерева обычно не в состоянии запасти достаточное количество питательных веществ на зиму, в результате чего повреждается морозом, что ведет к сильному ослаблению, а затем и гибели дерева.

Фото 13. Подписано рукой С. И. Снигиревского. «Экспедиция Башкирского филиала АН СССР, 1952 г.

Слева направо: Гайсин (директор Агробиологического института), Усманов, Кухарина (и выглядывает ее муж – актер и собиратель утильсырья), Соловьев, Тайчинов, Снигиревский, Шигаев, Гарифуллин и шофер – тоже Гарифуллин».

Рациональных мер борьбы с непарником нет. Мероприятия, которые рекомендуются – опыливание ядохимикатами с самолета, обмазка комлей деревьев смесью керосина и нефти и другие, практически не применимы во время массового размножения. Действительно, чтобы опылить зараженные лесные массивы Башкирии, необходимо 500 товарных вагонов ядохимикатов и 500 самолетов; чтобы занефтевать кладки, надо 20000 тонн керосина и 40000 тонн нефти и 600000 рабочих человеко-дней (20000 рабочих в течение 30 дней).

Биологические методы борьбы разработаны настолько слабо, что пока совершенно неэффективны.

С массово размножающимися насекомыми надо вести борьбу в периоды их наименьшей численности, т.е. между вспышками, когда вредитель остается в малом количестве и сохраняется на малых участках. Тогда вредитель может быть уничтожен легко, быстро и дешево. Тогда мы сможем не допустить его до новой вспышки массового размножения.

А для того, чтобы найти эти убежища вредителя, необходимо, начиная с времени наибольшей вспышки размножения, тщательно следить за очагами и их перемещениями.

Одной из задач экспедиций зоологического сектора и является этот неусыпный надзор за непарником.

Но так как только одной нашей экспедиционной работой невозможно охватить всю Башкирию, зоологический сектор, по договору содружества с Управлением лесного хозяйства, привлек к надзору за очагами непарника лесничества Башкирии. В 1952 году только единичные лесничества принимали участие в этой работе, в 1953 году – было привлечено уже 25 лесничеств. В 1954 году в работы вовлечены все 170 лесничеств Башкирии.

Заготовлены простые бланки для учета кладок и разосланы во все лесничества БАССР при помощи Управления лесного хозяйства, и уже этой осенью при помощи работников лесничеств будет заложено 2350 пробных площадей, на которых учет будет проводиться в течение трех лет, в 1954, 1955 и 1956 годах.

Таким образом, параллельно и одновременно с нашими ежегодными экспедициями, будет вестись силами лесничеств учет на очень частой сети пробных площадок.

Из всех мероприятий по борьбе с непарником, наше мероприятие явится практически наиболее полезным.

С. Снигиревский

Письма С. И. Кирикова – Е. М. Снигиревской

Сергей Васильевич Кириков (15 сентября 1899 года, с. Алексино Смоленской губернии – 27 августа 1984 года, г. Москва) – зоогеограф, эколог, доктор биологических наук (1947). После окончания Белорусской сельскохозяйственной академии (1926) работал в Канском опытном лесничестве (Зилаирский р-н), заведующим биологической станцией в Березинском заповеднике, в заповеднике Аскания-Нова и зоологическом отряде экспедиции Полесмелиозема; заведующий научной частью БГПЗ в 1937-1947 гг. (фото 14).

Фото 14. Сергей Васильевич Кириков (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Кириков>)

12 декабря 1945 года

Дорогая Екатерина Михайловна,
не знаю, где Вы – в заповеднике⁷⁷ или Ленинграде. Наверное, все-таки, в заповеднике, и поэтому пишу Вам туда. 19 ноября я приехал в

⁷⁷ Имеется в виду Жигулевский заповедник.

Москву. С 28 ноября до 9 января мне дали отпуск. Хотел затратить его исключительно на окончание книги, но то и дело отрываюсь от этого и трачу время на разъезды по другим делам. Неожиданно для себя получил извещение из отдела аспирантуры Акад<емии> наук, предлагающего мне восстановиться в докторантуре (на 1 год – в Институте эволюц<ионной> морфологии). Так как, несмотря на большую мою любовь к Южному Уралу, возвращаться в Бурзянский район мне не хочется (там осталось много сотрудников бывшего директора заповедника – таких же подлых, как и он), то я, наверное, соглашусь стать докторантом. Правда жить в Москве будет тяжело и неприятно, но придется терпеть. Думаю, что начальство (в управлении по заповедникам) не будет противиться моему уходу.

Получил ли Сергей Иванович квартиру в Ленинграде? (В университете мне сказали, что он работает сейчас в ЗИН'е).

Когда Вы собираетесь туда переехать? Летом в заповеднике⁷⁸ был Б. К. Городков⁷⁹ (из Ботанического института), и он говорил, что прежнюю зиму они довольно сильно и регулярно мерзли. В заповеднике в бытовом отношении ребятам и всем вам, наверное, лучше, чем будет в Ленинграде.

Всего Вам хорошего. Пишите на Москву,

Ваш С. К.

Москва, 167, Ленинградское шоссе, д. 55^г, кв. 39.

25 октября 1947 года

Дорогая Екатерина Михайловна,
отвечаю на Ваше последнее письмо с некоторой задержкой. Супругов Красовских, кажется, оставили в Башкирском заповеднике, так что они к Вам не придут, и Куйбышевский заповедник избавится от присутствия пары непорядочных людей.

Благодарю Вас за приглашение, но обещать, что приеду, не могу. Хоть и не городской я житель и привык к лесам и степям, но не тянут меня Жигули. Вот Ю. Урал я очень часто вспоминаю и только туда и хочу уехать. Но с учреждением нового заповедника (с двумя участками, как я Вам писал) дело идет очень медленно, а я доживаю последние дни в докторантуре. Защищать диссертацию буду, вероятно, во второй половине ноября (оппоненты – А. Н. Формозов⁸⁰, В. Г. Гептнер⁸¹ и А. А.

⁷⁸ А в данном случае имеется в виду Башкирский заповедник.

⁷⁹ Городков Борис Николаевич (1890-1953) – российский и советский ботанико-географ, систематик-флорист. Окончил Санкт-Петербургский университет (1914). Участник и руководитель многочисленных комплексных экспедиций, маршруты которых проходили в Арктике, на севере Зап. Сибири, на Урале, в Якутии, на Дальнем Востоке.

⁸⁰ Александр Николаевич Формозов (1899-1973) – советский зоолог, биогеограф, эколог и художник-анималист. Доктор биологических наук, профессор;

Машковцев⁸²). Где буду после защиты, еще не знаю. Покойный С. А. Северцев очень хотел оставить меня в своей лаборатории, но 9-го октября его неожиданно проводили на Ново-Девичье кладбище, а с Фолитарским [?] (временно заведующим лабораторией эволюционной экологии после смерти С. А. Северцева) я очень далек, если не сказать больше. А. Н. Формозов предлагает стать на его место (зав. биогеографическим отделом в Институте географии), но что из этого выйдет – не знаю.

Больше всего хочу уехать на Ю. Урал, и вместе с этим боюсь заповедных директоров и того, что очень тяжело будет там жить жене.

Рукопись Вашу А. В. Асман (ученый секретарь Гл<авного> управления) искала всюду, но не могла найти. Лишь после второго Вашего письма выяснилось, что название этой рукописи не «Млекопитающие Куйбышевского заповедника», как Вы писали в первом письме, а другое – «О фауне горных боров» (или похожее на это). Эта рукопись передана на отзыв В. Г. Гептнеру, и поэтому я не мог ее прочитать. (Думаю, что совместное нахождение в Жигулях некоторых из тех млекопитающих, о которых Вы пишете, может быть объяснено с другой точки зрения – не «реликтовой». Красная полевка вместе с песчаным барсуком, пашенной полевкой, полевкой-экономкой, степной сеноставкой, слепушки живут на Шайтантау, (– южной окраине Уральской возвышенности); почти все они живут на Кыратлы [?], Ирндыке и на восточном склоне Урал-тау. Совместное обитание лесных и степных животных в одном и том же районе обычно для местностей, где сходятся лесная и степная зоны, особенно если находятся на возвышенностях. Красная сибирская полевка, ведь, заходит далеко на запад – правда, по лесной полосе, где на Валдайской возвышенности ее находили Капланов⁸³ и Паевский.

В Европейском широколиственном лесостепье она довольно обычна на Ю. Урале (до границы со степью); вероятно, она живет и в лесостепном Предуралье и найдена Вами в Жигулях. Систематика барсуков (как и многих других млекопитающих) столь плохо изучена, что ее надо переисследовать заново всю, и выяснить, какие из описанных подвидов существуют в действительности, какие – только «локальные расы» и т.д.

мастер экологического анализа взаимосвязей между животными и природной средой.

⁸¹ Владимир Георгиевич Гептнер (1901-1975) – советский учёный-зоолог, исследователь фауны Средней Азии. Доктор биологических наук (1936), доцент, профессор (1934). Профессор кафедры зоологии позвоночных МГУ в 1934-1975 годах.

⁸² А. А. Машковцев – заведующий лабораторией функциональной морфологии Института эволюционной морфологии и палеозоологии в Москве.

⁸³ Лев Георгиевич Капланов (1910-1943) – советский зоолог, второй директор Лазовского заповедника, который назван его именем. Один из первых исследователей амурского тигра.

Слепушенки ведь от Жигулей были найдены совсем недалеко – у Вольска, где (интересно для Вас) большой процент их – меланисты⁸⁴.

Наибольший интерес, по-моему, из Ваших находок – слепец. (В Пензенском лесостепе Спрыгин⁸⁵, как будто, считал их исчезнувшими)...

Жена, правда, (возвращаясь опять к переезду) больше склонна ехать в Поволжье, чем на Ю. Урал, но, ведь, само существование Куйбышевского заповедника под угрозой. Напишите, не захотел ли бы Сергей Алексеевич поехать директором в Южно-Уральский широколиственный заповедник. Я бы тогда более смело решился туда уехать.

Всего Вам хорошего. Напишите. Ваш С. Кириков.

19 января 1953 года

Дорогая Екатерина Михайловна!

Получил оттиск Вашей статьи о желторотой мыши⁸⁶. Благодарю Вас за память. Статья понравилась: в ней много наблюдений над жизнью этой полевки, а не придуманных «кривых», на которые так падки Н. П. Наумов⁸⁷, Нерчук [?] и иже с ними.

Как Вы живете? Работаете ли? Где? Подали ли диссертацию? Когда защищаете? Как живут Ваши дочки, Лидия Николаевна, Сергей Иванович?

Доволен ли он работой в Башкирском филиале?

Не знаю, доведется ли быть на Южном Урале, но очень хочется туда съездить. Может быть нынче в отпуск поеду в Сакмагуш (на Шайтан-тау). Сейчас занимаюсь розысками об исторических изменениях «животного населения» (млекопитающих главным образом).

Первое сообщение о результатах этих розысков напечатали в Известиях АН (географическая серия) за 1952 г. № 6. Как получу оттиски, пришлю Вам.

⁸⁴ Меланистами называют животных и людей, у которых окрас кожного покрова или шерсти намного темнее, чем у своих собратьев. Слово меланизм в переводе с греческого означает «черный», противоположностью меланизма является альбинизм, т.е. «белый».

⁸⁵ Иван Иванович Спрыгин (1873-1942) – ботаник, исследователь природы Среднего Поволжья, Пензенской области, Средней Азии и Казахстана, один из основоположников природоохранного дела в России. Доктор биологических наук, профессор.

⁸⁶ См.: Снигиревская, 1952.

⁸⁷ Николай Павлович Наумов (1902-1987) – советский зоолог позвоночных, эколог и охотовед; доктор биологических наук (1941), профессор (1949). Один из инициаторов исследований в области бионики в СССР.

На 1953 г. есть и еще две темы: одна – работы в Подмоскowie (что мне не по душе), а другая – раздел «животный мир» в сочинении «Степная зона и лесостепь в Европейской части СССР».

Всего Вам наилучшего.

Привет Наташе и Лидии Николаевне.

С. Кириков.

25 апреля 1953 года
(Москва, Ленинградское шоссе,
д. 55^Г, кв. 40. С. В. Кириков)

Дорогая Екатерина Михайловна!

Получил ответ от [Федрако?]. Ничего положительного он не пишет. Цитирую все, что касается моей рекомендации об устройстве Вас в сектор леса.

«Штатные возможности в секторе леса более чем скромны. В течение 4-х месяцев, пока я работаю (а я пришел на «готовые штаты» из 2 х научных сотрудников) сокращено 5 человек, в т. ч. некоторые в зоологическом секторе. Вакансии в секторе нет (сейчас). Что будет в дальнейшем, неясно. Во всяком случае буду иметь в виду. Скоро должен вернуться Сергей Иванович и мы с ним посоветуемся. Вот и все, что он написал по поводу Вас. Мой совет Вам – прежний: сначала защитите диссертацию, а потом устраивайтесь на работу. Знаю, что сейчас есть свободное место в Карело-Финском филиале, потому что оттуда только что зачислен в аспирантуру Института географии зоолог, бывший там младшим сотрудником. Осенью оттуда уходит и его жена.

Как Вы живете?

Нынче я никуда не еду. Учусь читать «столбцы XVII века»; они читаются трудней, чем устав и полуустав. В старинных актах много интересного, но, чтобы просмотреть их, надо жить лет 200. В августе собираюсь ехать в отпуск на Шайтан-тау к башкирам.

Всего Вам хорошего. Привет Вашим.

С. Кириков

13 мая 1954 года

Дорогая Екатерина Михайловна!

Во вторник получил Ваше письмо, а сегодня был в ВАК'е. Там мне сказали (был я у зам. секретаря, у некоего Сергеева), что университет может принять от Вас диссертацию с характеристикой с прежнего места работы. Если же он почему-либо не примет, то нужно чтобы университет (факультет) прислал в ВАК письмо с просьбой допустить Вас к защите. Это ходатайство должно основываться на Вашем заявлении, но более пространном, чем Вы написали. Нужно, как сказал ВАК'овский чин, чтобы было ясно сказано, в чем именно состояли «семейные обстоятельства».

Жалко, что так получилось, но Вы не впадайте в уныние; судя по разговору с Сергеевым, это не страшно.

Хорошо, если бы университет принял от Вас на основании характеристики с прежнего места работы. Есть ли она у Вас? Вы, ведь, как будто после Куйбышевского заповедника нигде не работали.

В новом управлении по заповедникам я не был ни разу и не стараюсь быть: очень уж отвратительным показался мне Малиновский⁸⁸ (новый начальник этого управления).

Из Башкирии мне все время пишет Желнин. Нынче там вырубili много лесу; вырубili весь Алакбар. Там, куда я ходил на глухариный ток, торчат одни пни.

В августе может быть поеду на Урал. Хочу начать с р. Урала (от Чкалова⁸⁹ до Губерлинских гор), по восточному склону подняться к северу до Верхнеуральска, оттуда повернуть на запад, побывать на Яман-тау, Северном Крака и на Шатане, добраться до Стерлитамака и оттуда съездить на Уфимское плато. Но может быть буду путешествовать по иному; не решил еще окончательно.

Недавно получил, наконец, квартиру (отдельную, из 3-х комнат). С нею вместе начались и хлопоты; надо было доставать мебель; хлопоты не закончились и сейчас.

Пишите по новому адресу: Москва 71, Б. Калужская, 25 (новый корпус), кв. 62.

Всего Вам хорошего С. Кириков.

4 июня 1954 года

Дорогая Екатерина Михайловна!

Извините что произошла задержка с отсылкой отзыва на Ваш автореферат⁹⁰.

Задержка вызвана машинисткой. Отсылаю одновременно и секретарю Ученого совета биофака и Вам. Для Вас напишу то, что отсутствует в отзыве. Автореферат надо было написать лучше. В диссертации Вашей, наверное, много интересного, а в автореферате отражено не все, и местами не так, как следовало бы.

Кто у Вас был консультантом? Желаю удачи. Прислал ли разрешение ВАК?

Ваш С. Кириков.

15 июня 1954 года

Дорогая Екатерина Михайловна!

В прошлый четверг (10-го) был в ВАК'е у Сергеева; он послал меня к Н. А. Ланевич. От нее я узнал, что Ваше дело будет разбираться в пятницу или субботу. В пятницу же получил Вашу телеграмму о том, что Вам дали разрешение.

⁸⁸ Александр Васильевич Малиновский (1900-1981) – советский лесохозяйственник, научный работник заповедников, автор книг по природоохране.

⁸⁹ Чкалов – название города Оренбурга в период с 1938 по 1957 г.

⁹⁰ См.: Снигиревская, 1954.

Но все-таки позвонил в ВАК: ответили, что дело еще не разбиралось и, наверное, будет разбираться в субботу. Тут уж я пришел в смущение и не мог понять, в чем дело: не то университет разрешил защищать Вам без ВАК'а, не то в ВАК'е дали неправильный ответ.

В субботу не мог позвонить: уехал из Москвы за город, а вчера из ВАК'а ответили, что ответ Вам послали.

Желаю удачи. Напишите, как пройдет диссертация.

Ваш С. Кириков.

3 июля 1954 года

Дорогая Екатерина Михайловна! Искренне рад благополучному исходу Ваших трудов и беспокойств.

Благодарю за приглашение заехать в Уфу. Не знаю, по каким путям можно приехать на машине по Уралу. Если буду на Уфимском плато, то, вероятно, смогу попасть в Уфу.

Есть ли двор в том доме, где у С<ергея> Ив<ановича> квартира? Я ведь буду не один, и хотелось бы машину пристроить в покойное место хотя бы на несколько часов.

Из Москвы хочу выехать в конце июля или в начале августа. Не помню, писал ли я Вам о том, как хочу путешествовать (память стала плохая: старость подступила, а будто недавно еще было детство; словно во сне все, что стало прошлым).

Может быть повторяю то, что писал. Маршрут свой хочу начать от Чкалова и проехать долиной Урала до Туберлинского мелкосопочника. Оттуда на Шайтан-тау (одно из самых привлекательных для меня мест на земле), затем в Такалыдные [?] степи, по восточному склону Ирендька и Кыркты, на Яман-тау и Шатак, к Усть-Катаву, на Уфимское плато, в долину Демы и Уршака, на Белебеевскую возвышенность, на хребет Наказ и назад оттуда в Москву.

Время – август, сентябрь и октябрь.

Всего Вам хорошего. Ваш С. Кириков.

Москва 71, Б. Каширская (новый корпус), кв. 62.

21 апреля 1955 года

Дорогая Екатерина Михайловна!

Ваше письмо пришло в Москву в мое отсутствие: я уезжал на родину (в Смоленщину) и возвратился оттуда 17.IV.

Комиссия по охране природы только что начала жить, и, что она может сделать, я еще хорошо не представляю. Думаю, что восстановить или учредить какой-нибудь заповедник будет нелегко. Во всяком случае надо пытаться это сделать.

Белоруссы хотят просить о восстановлении Березинского заповедника. Их академия и университет предполагали обратиться с такой просьбой в местный Совет Министров с тем, чтобы тот просил Совет Министров СССР. Одновременно они собирались просить о поддержке своего ходатайства Комиссию по охране природы.

Одного Вашего письма (или статьи) будет мало. (Статью Вы пришлите поскорей в Комиссию по охране природы с просьбой поместить ее в «Бюллетень по охране природы». Он будет выходить 3 раза в год). Нужно, чтобы Куйбышевский университет, обл. исполком или еще кто написал об этом сначала хоть в Комиссию по охране природы. Надо «вчинить [?] дело», а там будет видно, что из этого получится.

В начале мая собираюсь в путешествие на Урал. Маршрут таков: хребет Наказ (южной Стерлитамака), хребет Ала-Тау, Б. Шатак, Б. Яман-тау, Иремель, Касликские озера, Уфимское плато и западный склон Северной окраины Ю. Урала. Едем на 3 месяца.

Чуть было не забыл Вам написать об академических заповедниках. Их четыре: Кивачский, Ильменский и 2 на Дальнем Востоке. Все они состоят в ведении своих филиалов. Туда Вам и надо написать, если хотите устроиться на работу. Институт географии (перед моим отъездом в Смоленщину) хотел просить Президиум о передаче ему Кивачского заповедника. Просил ли – не знаю: у меня отпуск до 27 апреля, и я еще не был в институте.

Попытайтесь узнать в Киеве (напишите Ив<ану> Гри<горьевичу> Пидопличко⁹¹), нет ли там места. Сахалин далек очень и мало привлекателен.

Всего Вам хорошего. Ваш С. Кириков.

4 сентября 1956 года

Дорогая Екатерина Михайловна, вчера только получил Ваше письмо. Это произошло потому, что Вы послали его по служебному, а не по домашнему адресу.

С 11-го июля по 25 августа я был в отпуске. Ваше письмо вместе с книжками взяла сотрудница нашего отдела, живущая в одном подъезде с нами, но 18-го августа она уехала в Болгарию и вернулась оттуда только вчера.

Пишите мне по домашнему адресу (повторяю его Вам: Москва В-71, Б. Калужская, 25 (новый корпус), кв. 62).

⁹¹ Иван Григорьевич Пидопличко (1905-1975) – советский учёный-палеонтолог, археолог и зоолог; автор теории, отрицавшей оледенения в четвертичном периоде.

По Ику я проезжал от хут. Сюренья до впадения Ика в Сакмару. Бывал и в самом верховье – у Кананикольска. Пещер и ниш я на нем не видел.

Где были вы?

Где-нибудь на Ике есть пещеры; вероятно они есть на том участке, где он течет по известнякам. Там мне не приходилось бывать.

Получаю письма из Башкирии – от Мухамета, Марии Дорофеевны и от Желниных.

Там, где был заповедник, вырубili много леса; все поляны выкашиваются; маралов почти не осталось; мало стало глухарей.

Всего Вам хорошего. Передайте привет Наташе и Лидии Николаевне. С. Кириков.

26 октября 1956 года

Дорогая Екатерина Михайловна,

Ваше путешествие проходило по хорошо знакомым мне местам. Правда, в этих местах я нигде не бывал подолгу, а чаще – только проезжал. Но в Сосновке (верстах в 12 от Зилаира) я прожил недели 3 (в 1938 г.), на р. Акберде (приток Ускалыка) стоял наш лагерь в 1950 г. и в том же году я останавливался на несколько дней на р. Емашле (приток Сюренья). Через Глинку и Зилаир я проезжал много раз и в разные годы.

Находили ли Вы костные остатки пищух у Зилаира и Глинки? В остальных местах кости пищух должны быть, но у Зилаира и Глинки поблизости теперь пищух, как будто, нет. Слепушонки заходят до Зилаира, но дальше вглубь лесных районов я не встречал их.

В этом году я путешествовал только во время отпуска, да и то съездил только в Сигулду (Латвия) по туристской путевке и на несколько дней на родину (в Смоленщину).

Второй год «следопытствую» в архивах по Разрядному и Сибирскому приказам, по Башкирским, Зюнгарским, Калмыцким и иным делам.

Увлекательно, но утомительно. Хочется побывать в горах, лесах и степях.

Ноги ходят хуже, да и жизнь покатила с горы вниз. А туда она катится быстро.

Всего Вам хорошего. Привет Вашим дочкам, Лидии Николаевне и няне.

С. К.

Е. М. Снигиревской
31 июля 1959 года
Амурская область, почт. отд. Климауцы
Свободненского района, экспедиция Акад. наук СССР,
(Москва В-71, М. Калужская, д. 12, кв. 62.
От С. В. Кирикова)

Дорогая Екатерина Михайловна, Ваше письмо не застало меня в Москве. В то время я путешествовал по Присурью и по правобережью Цны. По возвращении в Москву я позвонил в Комиссию по охране природы и спросил о судьбе Вашей рукописи. Оттуда ответили, что рукопись есть, что она лежит уже давно, и что не знают, что с ней делать, так как Куйбышевский заповедник теперь восстановлен, а ученого секретаря комиссии, который решает судьбу рукописей, нет в Москве. Теперь он появился; я звонил ему сегодня, и он обещал прислать рукопись мне. Как только получу ее, сделаю в ней то, о чем Вы просили. Но из слов Шапошникова⁹² (секретаря комиссии) я понял, что они как будто не будут ее печатать в «Бюллетене». Он говорил, что пытаются пристроить ее в «Природу». На мой взгляд это было бы хорошо, но не знаю, насколько можно это верить.

Желаю Вам успеха в дальневосточных делах. Ваш С. Кириков.

Е. М. Снигиревской
20 августа 1959 года
Амурская область, почт. отд. Климауцы
Свободненского района, экспедиция Акад. наук СССР,
(Москва В-71, М. Калужская, д. 12, кв. 62.
От С. В. Кирикова)

Дорогая Екатерина Михайловна, брал в Комиссии по охране природы Вашу рукопись. Прочитал ее внимательно от начала до конца и не нашел там упоминания об ушастом еже. Единственная польза (если это польза) от этого – Шапошников хоть вспомнил, что Ваша рукопись лежит несколько лет. Вряд ли они будут ее печатать: Куйбышевский заповедник восстановлен, а главная цель Вашей статьи состоит в том, что его необходимо восстановить⁹³. Если все же статью будут печатать, то кое-что

⁹² Лев Константинович Шапошников – директор Центральной лаборатории по разработке научных основ охраны природы (с 1962 г.).

⁹³ У этой статьи оказалась очень долгая судьба: в 1950-1960-е гг. она так и не была опубликована, но все же вышла в свет в 1991 году (Снигиревская, 1991).

в ней надо изменить. Красная полевка в дубравной лесостепи есть не только в Жигулях, но и на Шайтан-тау, и к северу от с. Петровского (по дороге со станции Саракташ в Зилаир, в ~ 30 км к северу от Саракташа) и в колках леса к югу от ст. Аксеново. По всей вероятности красная полевка встречается во многих местах в лесостепи от Приволжской возвышенности до южной оконечности Урала. Слепыш, кроме Жигулей, уцелел близ с. Арабекова (недалеко – км 15 к западу от Пензы). Пеструшку нашли к западу от Днепра.

Слепушенка в Заволжье встречается значительно северней, чем в Жигулях (в Аз[накаевском] и Первомайском районах Татарии).

Всего Вам хорошего. С. Кириков.

Е. М. Снигиревской
26 августа 1959 года
Амурская область, почт. отд. Климауцы
Свободненского района, экспедиция Акад. наук СССР,
(Москва В-71, М. Калужская, д. 12, кв. 62.
От С. В. Кирикова)

Дорогая Екатерина Михайловна, искренне сочувствую Вашей беде⁹⁴ и желаю поскорее поправиться. Мое второе письмо разошлось с Вашим. Если бы Вы получили его, то не благодарили бы меня так незаслуженно горячо. Я уже писал Вам, что ушастого ежа в рукописи не оказалось; видимо он сбежал оттуда раньше и Вы забыли.

Как я мог понять Шапошникова, статью печатать не будут на том основании, что Куйбышевский заповедник уже восстановлен.

Шапошников был недоволен, когда я сказал ему, что неприлично держать статью несколько лет и не давать ответа автору, что редакция намерена с ней делать. Так они поступили не только с Вами, но и с другими. Комиссия по охране природы становится довольно большим учреждением: в штате ее уже 22 человека.

Нештатные же члены ее почти не привлекаются к работе комиссии. Руководство ее (Шапошников и Дементьев) мало привлекательные лица.

Еще раз желаю Вам поскорее поправиться и вернуться здоровой домой.

Завтра я уезжаю в отпуск, хочу еще раз (наверное напоследок) покупаться в море. Еду в Крым.

Всего Вам хорошего.

С. Кириков.

⁹⁴ Во время экспедиции Екатерина Михайловна получила сложную травму – компрессионный перелом позвоночника.

31 декабря 1960 года

Дорогая Екатерина Михайловна,
не ругайте меня, что я до сих пор не прислал Вам отзыва. Причиной тому были чрезвычайные обстоятельства: спешно готовил отчет о поездке на Север да, вдобавок, заболел; появилась глаукома.

А ведь сколько дорог еще не пройдено, сколько глухариних песен не услышано.

На днях отзыв пришлю.

Поздравляю Вас и всех Ваших с наступающим Новым Годом. Шлю всем Вам наилучшие пожелания. Старые мудрые люди желают прежде всего здоровья, я тоже присоединяюсь к пожеланию этих людей.

Ваш С. Кириков

**без даты; датируется по сроку выпуска
поздравительной открытки: 13.06.1966**

Дорогая Екатерина Михайловна!

Поздравляю Вас с Новым годом. Желаю, чтобы у Вас появились внуки⁹⁵ и Вы научили их кататься на лыжах. С. Кириков

В августе был в заповеднике (фото 15). Старожилов там осталось мало. С. К.

28 февраля 1970 года

Дорогая Екатерина Михайловна, вчера в первый раз в этом месяце был в институте⁹⁶. (Проболел почти месяц – грипп и бронхопневмония).

Об утверждении диссертации пока что ничего не узнал. А. Н. Формозов – член экспертной комиссии ВАК. Он полагает, что диссертацию могли послать в какой-нибудь институт⁹⁷, где занимаются исследованиями таких организмов, как кокцидии (среди ВАК'овцев таких, видимо, нет).

30 марта 1970 года

Дорогая Екатерина Михайловна! <...>

⁹⁵ С. В. Кириков оказался провидцем: в феврале 1967 г. у Е.М. Снигиревской родился внук, один из авторов данной публикации (СМС).

⁹⁶ С 1948 г. С. В. Кириков – сотрудник Института географии АН СССР.

⁹⁷ Кандидатская диссертация Е. С. Снигиревской надолго «затерялась» в ВАКе, однако потом нашлась: оказывается, секретарша подложила ее на стул, чтобы было выше сидеть.

Весна нынче идет так, как предсказала Авдотья-Плющиха⁹⁸, то есть хмуро и медленно. А уже хочется на волю, где шумят горные речки и доли, где токуют глухари и тетерева.

Фото 15. По дороге на Карагас-юрт. Фото С. В. Кирикова, до 1971 г.

Но нынче мне не доехать: надо заканчивать первый том тетеревиных птиц. Поеду в Оренбургскую лесостепь лишь во время отпуска (август-сентябрь).

Мухамет (сын Багаута [?]) сегодня прислал письмо. В заповеднике пахнет весной; много солнца, синее небо. <...> (фото 16).

2 января 1971 года

Дорогая Екатерина Михайловна, катаракта протекает по разному. Надо регулярно бывать у хорошего глазного врача. На одном глазу у меня, вдобавок к глаукоме, тоже катаракта. Этот глаз давно уже плохо помогает мне видеть белый свет. Луну я вижу тройную, а семафорные огни превращаются в шестиугольник с черным пятном внутри. Правый глаз

⁹⁸ Авдотья Весновка (также Евдокия Свистунья, Авдотья Плющиха) – день в народном календаре славян, приходящийся на 14 марта по юлианскому или 1 марта по григорианскому календарю. Название происходит от имени святой Евдокии Илиопольской. Восточные славяне считали, что святая Евдокия «заведует весной и хранит ключи от весенних вод».

видит лучше. Много читаю и пишу. Хожу и на охоту, когда бываю в оренбургских предгорьях Урала. Хочу уехать туда и летом, когда будет отпуск. С 1-го июля я стал пенсионером и консультантом. По существу ничего не изменилось: попрежнему бываю в институте два раза в неделю. В начале этого года должен сдать в редакцию подготовку «Тетеревиных птиц». (Первый том, где будут птицы полупустыни, степной зоны, лесостепи и южной полосы лесной зоны. Второй том (птиц тайги, лесотундры и тундровой зоны надо подготовить к концу 71-го года).

Фото 16. Башкирский заповедник. Фото С. В. Кирикова

Хочется написать еще одну книгу – для души, о прожитом и пережитом⁹⁹. Да, наверное, не хватит силы. Дней моих на Земле осталось немного.

Привет Вам, Вашим дочерям и внуку. Ваш С. К.

27 ноября 1978 года

Дорогая Екатерина Михайловна, давно уже я ничего не знал о Вашем житье-бытье. Болеть всегда плохо, а в наши годы – особенно тягостно. Желаю Вам поправиться поскорее и полностью. Рукопись присылайте. Я ее прочту быстро.

⁹⁹ См.: Кириков, 1989.

Что нового у Вас дома? Как живет Наташа? Второй Вашей дочери я не знаю¹⁰⁰.

Внук Ваш, наверное, уже учится.

Последние два года я часто болел. В прошлом году дважды побывал в больницах. Один раз с инфекционным гриппом, второй – с неполадками в сердце.

В нынешнем году тоже дважды был в больницах. В феврале – в глазной больнице, где удаляли хрусталик из левого глаза, а с конца сентября до 16 октября находился в хирургическом отделении. Направили туда с диагнозом «острый аппендицит». Диагноз оказался ошибочным. Стали обследовать, обнаружили полип в прямой кишке, вырезали его, а «корень» прижгли.

Это – пустяки. Худшее впереди. У жены появилась опухоль околоушной железы и направили в онкологический институт на обследование. Боюсь, что опухоль злокачественная.

От консултанства в институте я отказался в июне прошлого года. Опостыдела обстановка в институте в целом, и в отделе биогеографии еще больше.

В 1975 г. вышла книжка о тетеревиных птицах¹⁰¹. Я был ее редактором и основным автором. В начале будущего года должна выйти книжка «Человек и природа восточноевропейской лесостепи в X – начале XIX в.»¹⁰².

Начал писать о прожитом и пережитом. По всей вероятности не успею закончить ее. На старый вопрос: «Был ли счастлив ты в жизни земной?», я могу с уверенностью ответить, что был, и что горе и отчаяние были сильнее, чем радость. Всему свое время.

Всего Вам доброго. Передайте привет Наташе. С. К.

7 декабря 1978 года

Дорогая Екатерина Михайловна, благодарю за совет о лечении раковых опухолей чистотелом. Может быть пригодится. Пока же Евгения Михайловна не может попасть в больницу на операцию. Уже несколько дней отвечают одно и то же: «звоните завтра». Нелегко жить и Вам. Мой учитель и друг А. В. Федюшин¹⁰³ незадолго до кончины писал мне: «Говорят: старость – не радость. Какая уже радость – это крест тяжелый».

Удаление катаракты мне помогло. Я не видел этим глазом ничего. Он различал только свет, но и то я не всегда различал, в какой стороне свет. Поэтому консультант, к которому я попал в глазной больнице, сказала, что операция бесцельна и делать ее не нужно. Тогда врач, лечившая меня до этого несколько лет, позвонила главному консультанту больницы и просила осмотреть этот глаз. Она несколько дней обследовала его разными способами и в заключение сказала: «Оперировать можно и нужно» и направила меня к

¹⁰⁰ На самом деле Е. С. Снигиревская виделась с С. В. Кириковым.

¹⁰¹ См.: Кищинский и др., 1975.

¹⁰² См.: Кириков, 1979.

¹⁰³ Анатолий Владимирович Федюшин (1891-1972) – профессор, доктор биологических наук, известный зоолог, основатель белорусской зоологической школы; первый заведующий кафедрой зоологии биологического факультета Белорусского университета, создатель Зоологических музеев при БГУ и Академии наук БССР, организатор и участник ряда научных экспедиций по изучению фауны Беларуси.

хорошему хирургу. Когда операция была закончена, хирург сказала: «операция прошла успешно». Теперь оперированный глаз без очков различает очертания предметов, различает вблизи их цвета, а с цилиндрической линзой читает все буквы на 10 строках таблицы, по которой определяют зрение. Но пользоваться очками для этого глаза еще нельзя. Врачи говорят, что из-за очень большой разницы в диоптрии оперированного и неоперированного глаза будет нестерпимо болеть голова. Это и беда: другим глазом я могу и читать и писать. Несомненно, что после удаления катаракты Вы тоже будете видеть так, что сможете и читать, и вязать.

Слышал я, что иногда оперируют катаракту, не вполне созревшую. Но мне советовали оперировать после того, как она созрела.

Из заповедника мне пишет часто Мухамет Багаутдинов – сын Багаута. Писал, что отпустили много денег на переустройство усадьбы. Строят шоссеюную дорогу от усадьбы до Магадеева, где проходит бурзянский тракт. В заповеднике, – писал Мухамет, – много техники – автомашин, бульдозеров и т.д., а поэтому много людей. «А где их много – то заповеднику плохо» – закончил Мухамет (фото 17-18).

После того, как я покинул работу в заповеднике, я посетил его два раза – в 1958 г., когда его восстанавливали, и в 1966 г.

В 1976 г. (или в 1975 г. – не помню точно года), в заповеднике был большой пожар в борах Крака. Выгорело больше 9 тысяч гектаров.

От души желаю быть здоровыми Вам и Вашим близким.

И всего другого доброго, что есть на нашей грешной земле.

С. Кириков.

Конец 1978 года

С Новым годом,

дорогая Екатерина Михайловна!

Желаю, чтобы 1979 г. был добрым и светлым для Вас и Ваших близких. С. Кириков

Р.С.: Рукописи от Вас я еще не получил. 21 декабря оперировали Евгению Михайловну. Теперь жду, как-то будет гистологический анализ.

Фото 17. Башкирский заповедник зимой. Фотография М. Багаутдинова, около 1978 г.

Фото 18. Зима в Башкирском заповеднике. Фотография М. Багаутдинова, около 1978 г.

[17 мая 1979 года]

**Дата письма установлена по штампу на конверте,
в котором находится открытка**

Забыл, совсем забыл, но вспомнил:

1. Вл. Ник. Белянин¹⁰⁴ с благоверными уехали в Башкирский заповедник. Он – директором.
2. Дир-р Жигулевского – Ив. Порф. Баев подал в отставку.
3. Самая мразь – Кудиновы остались.

¹⁰⁴ Владимир Николаевич Белянин – директор БГПЗ в 1979-1984 гг.

Письмо от А.А. Герке

Алексей Александрович Герке (24 августа 1907 года, г. Санкт-Петербург – 2 февраля 1992 года, пос. Лисий Нос, близ г. Санкт-Петербурга) – крупный ученый-микропалеонтолог, кандидат геолого-минералогических наук (фото 19, см. также фото 12); сотрудник БГПЗ в 1931-1933 гг. После Башкирского заповедника долгие годы работал в Научно-исследовательском институте Грозненского нефтяного комбината (позже — лаборатория Геологоразведочной конторы треста Грознефтеразведка); является одним из основоположников микропалеонтологического метода стратиграфической корреляции и виднейшим микропалеонтологом в области нефтегазовой промышленности, крупным специалистом по третичным отложениям Предкавказья. Внук Августа Антоновича Герке¹⁰⁵.

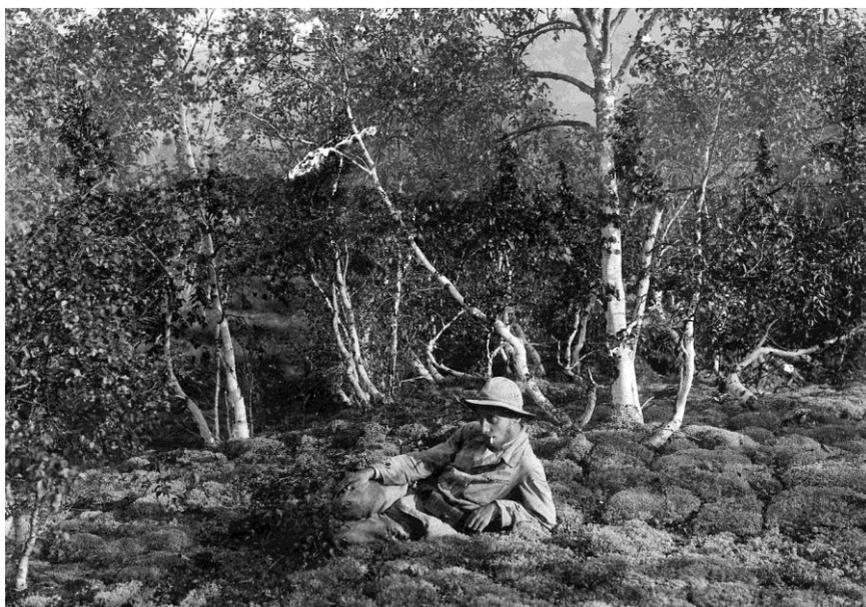

Фото 19. А. А. Герке на скалах, фотография 1928 года

¹⁰⁵ Август Антонович Герке (1841-1902) – русский юрист, сенатор Правительствующего Сената Российской империи, присяжный поверенный округа Санкт-Петербургской судебной палаты, общественный и музыкальный деятель, педагог. Тайный советник.

20 июля 1938 года
Башкирский заповедник, Е. М. Снигиревской
(Грозный Чеч.-Инг. АССР, Просп. Революц. 2 кв. 31,
А. Герке)

Дорогая Екатерина Михайловна!

Как живете в Заповеднике? Что нового у Вас там? Мои планы что-то плохо сбываются! Как Вам вероятно известно Соколов (см. фото 6) ответил мне, что следует обращаться в Москву, а Москва упорно молчит, несмотря на то что туда повидимому переслал мое заявление Соколов и я дважды сам писал туда. Последний раз 8/VII отправил спешное письмо со своей автобиографией. Очевидно письма доходят по назначению, так как не возвращаются назад, но результат – полное молчание. Очевидно в этом сезоне уже ничего не выйдет!, к великому моему сожалению. Числа 10-15 августа думаю идти в отпуск и тогда попробую сам пошевелить дело в Комитете. Получается довольно глупо, так как, даже если личные разговоры дадут лучший результат, чем письма – весьма неудобно ехать в Заповедник к зиме. Помимо того, что зима – не сезон для начала работы, отправиться на север зимой после четырех лет житья на юге, да еще не имея никакого теплого одеяния – довольно затруднительно¹⁰⁶. Сейчас даже не знаю как поступлю.

У себя в Тресте конечно еще ничего не говорил о своем предполагающемся уходе, т.к. нет никаких реальных оснований. Нужно сказать, что меня несколько удивляет отношение к этому делу Соколова. Если я им нужен, то следовало бы как-то более энергично воздействовать на Комитет. Естественно, что мои письма для Комитета очень мало говорят. Совсем другое дело, если Заповедник сам старается заполучить меня. Я думаю понятно, что бросить здесь все без всяких оснований, остаться без службы и без жилплощади для себя и для семьи, я никак не могу¹⁰⁷.

Так вот видите – перспективы самые туманные. Очень бы уж не хотелось начинать новые работы здесь, так как тогда трудно будет уйти до их окончания. А подойдет конец года и начало нового – тогда совсем будет

¹⁰⁶ Интересно, что спустя четыре года, в июле 1942 г. Алексей Александрович по предложению руководства Главсевморпути завербовался в Нордвикскую арктическую нефтеразведочную экспедицию и уехал в Арктику.

¹⁰⁷ Наверное, правильно говорят: нет худа без добра. Алексей Александрович стал одним из ведущих отечественных биостратиграфов, основателем микропалеонтологического метода корреляции. См. также письмо Е.М. Снигиревской от 1 июня 1930 года, где упоминается визит Герке, отправленного из Кустаная в Ленинград «за ненадобностью».

не до ухода – у нас ведь год, так же как у бухгалтеров, – полный отчет по всем работам за год, новые планы сметы и проч. на новый год.

Если Вы при случае побеседуете с Соколовым – был бы Вам очень благодарен. Мне писать ему собственно нечего, т.к. официальная сторона дела ему известна достаточно, а выплакивать себе сочувствие подробностями не имеет смысла.

Вам спасибо за Ваши письма, если еще напишете – будет очень приятно. До 8-10 авг<уста> я во всяком случае буду здесь, а в отпуск поеду в Ленинград (с заездом в Москву). Отпуск у меня месячный, так что в начале-середине сентября опять вернусь сюда. Если будет надобность кому либо написать мне во время отпуска, то лучше всего это сделать по адресу Ленинград 11, Фонтанка д. 11, кв. 5 Анне Августовне¹⁰⁸ Герке (для Алексея Александровича).

Очень интересует меня, печатается ли статья «Птицы Башгосзаповедника» в которую вошли результаты моих работ в Заповеднике¹⁰⁹. Она должна была печататься в III квартале в трудах Заповедника. Если представится случай узнать – напишите пожалуйста об этом.

Как идет в этом году Ваша работа? Довольны ли ею? Насколько благоприятно лето? У нас здесь неимоверная жара и духота, а на севере кажется холодно и дождливо. Впрочем, Заповедник лишь в смысле зимы север.

11-12ого ездили мы целой компанией во Владикавказ и по военно-грузинской дороге к Казбеку – очень красивые места, но немножко чуждые – Урал как то ближе. Зато мощ необычайная. Таких высот и круч, голых скалистых обрывов и вершин покрытых ледниками на Урале конечно нет. Дарьяльское ущелье и сам Казбек – действительно величественны. Только все мне тоскуется по лесам Урала, по необ'ятной шири мохом обросшего старика. Впрочем, кажется, самых красивых мест на Урале Вы не посетили. Ездили на грузовике, промокли как черти, но остались очень довольны.

Привет всем. А. Герке.

¹⁰⁸ Анна Августовна – тётка Алексея Александровича.

¹⁰⁹ См.: Герке, 1932; Кириков, [1935], 1952.

Письмо от В. Н. Белянина

Владимир Николаевич Белянин – директор БГПЗ в 1979-1984 гг.

Ленинград, Е. М. Снигиревской
9 января 1980 года
(Башкирская АССР, Бурзянский р-н,
с. Саргая, Заповедник. Белянин В. Н.)

Глубокоуважаемая Екатерина Михайловна!

Позвольте поздравить Вас с Новым годом! Пишу Вам из Башкирского заповедника, где Вы не один год проработали. В конце 1979 года я был переведен сюда на должность директора заповедника. Места здесь очень интересные и у меня, как у натуралиста вызывает большое любопытство. Работы много, тем более, что мне до этого не приходилось заниматься хозяйственными вопросами. Перед новым годом перевез семью, конечно, места глухие и даже сейчас ближайшая железнодорожная станция в 120 км (город Белорецк). Центральная усадьба расположена в дер. Саргая, вероятно и Вы жили здесь. С Жигулями, конечно, было тяжело расставаться, ведь здесь проработали десять лет. Коллектив весь знаком, место извесно и все менять не легко. Успокаивает одно, все это будет в Башкирском заповеднике, правда в ином качестве.

Жена моя сейчас работает в заповеднике орнитологом. Орнитологических работ в заповеднике мало и многое предстоит сделать.

В этом году Башкирскому заповеднику исполняется 50 лет со дня основания. Приглашаем Вас глубокоуважаемая Екатерина Михайловна на юбилей заповедника. Торжество намечаем проводить в сентябре. Официальное приглашение вышлем позже.

Мой новый адрес теперь следующий: 453532 Башкирская АССР, Бурзянский р-он, п/о Байназарово, заповедник.

9.1.80. С уважением В. Белянин.

Письмо от жителя с. Муйнак Л. П. Бирюкова

Ленинград, Е. М. Снигиревской

27 октября 1956 года

(БашАССР, Зиянчуринский р-н п/о Муйнак

Л. П. Бирюков)

Привет! Уважаемая Екатерина Михайловна и все ваше семейство поздравляем вас с наступающим торжественным праздником Великого Октября. Желаем встретить и проводит благополучно и весело этот ден в кругу своей семьи и родных и близких.

На сегодня поимел счастье получит ваше письмо за которое сердечно благодарен что вы не забыли наш скудный прием в вашем путешествии но что можно сказать вам особый приют когда вы его не воспринимали за что я немного и переживал смотря на вас в такую ненасную погоду люди несут трудовую вахту и чтобы пойти на встречу а именно не хотят принят поакуратней постель даже отрицает в изголовье хотя бы (подушку)? Или стесняется или не приличное но я исходя из прошлого моей жизни переживания как фронт и совпадение разлуки смертельной как вам видимо пояснял и глядя на вас тоже я волновался. Главное успокаивает что вы получили мою записочку я так и знал что оно вам во время не попадет и решил поступить так. Хорошо Екатерина Михайловна что вы добралис домой благополучно а у нас по отезду вас и по сегодня погода такая как и было при вас не хочется даже выходит из помещения Вот так Екатерина Михайловна жена ездила и приехала сейчас немного лучше но? такой она и останется (меокарда) Нового особо ничего будете ехать как вы говорите не забудьте заезжайте пишите что вас интересует всегда с удовольствием ответчу. Досвидания.

Уважающий Вас извесный вам Л. П. Бирюков. С. Муйнак Зиянчуринского р-на Баш. 27/X-56г

Письма Петра Егоровича и Анны Александровны
Зеркиных – Е. М. Снигиревской
(Ленинград, Е. М. Снигиревской – от П. Зеркина, г. Сибай,
ул. Энгельса, 19)

Петр Егорович и Анна Александровна Зеркины (оба родились 10 января 1901 года, дер. Саргая [?] – [?] после 1989 года) – друзья Екатерины Михайловны и Сергея Ивановича Снигиревских. Петр Егорович был работником (таксидермистом, наблюдателем, егерем, разнорабочим) в БГПЗ в период приблизительно с 1930 по 1955 г., участник ВОВ. В архивных материалах БГПЗ есть немало карточек наблюдений за животными, заполненных рукой П. Е. Зеркина. Контакты Е. М. Снигиревской с супругами Зеркиными, переехавшими на жительство в г. Сибай, были прерваны, но возобновились в 1968 году. Екатерина Михайловна считала своих друзей одними из самых интеллигентных, умных и счастливых людей в мире. Родившиеся в один день, они прожили в согласии и любви не менее 68 лет (фото 20), правда, вот детей у них так и не получилось. Дата смерти супругов Зеркиных нам неизвестна. Е. М. подчеркивала особую доброту, нежность друг к другу этих простых славных людей. Мы посчитали необходимым поместить здесь фрагменты незамысловатых, но проникнутых глубокой жизненной правдой и мудростью писем Зеркиных.

16 мая 1968 года

Здравствуйте Екатерина Михайловна, Наташа, Катя, Сережа и Нюня, я и Нюра шлем вам всем свой многоуважаемый горече сердечный привет и массу наилучших пожеланий в работе и жизни особенно мы вам желаем самого лучшего здоровья навсегда.

Екатерина М. мы ваше письмо получили и очень и очень обрадовались, что опять находим друг друга, нам вроде и неверится что это на самом деле из фото мы увидели вас всех даже не верится что это ваши девчонки, какие они стали большие хорошаи и не похоже когда то они были вроде не токие. <...>

А я из заповедника уехал из заздрове там был лесхоз, я работал обещиком, было очень много отвод деленок ну а меня было больше доверие. Я [сомотал?] сам отвалил делали перевучет с <...> зимой <...> по снегу приедидиш по шейку мокрый, у меня стали болеть ноги, а не выполнить я не могу. Вот и уехал, поступил в цех с толером и доволен что уехал. <...>

Фото 20. Петр Егорович и Анна Александровна Зеркины, 1968 г.

9 сентября 1968 года

<...> Екатерина М. вас все болезненно интересуют как я остался в живых и как у меня раны и где я находился. Я бродил по Украине и Прибалтике, раны мои не заживали, кости мои не ломало, шрамы есть не малые, 2^а раз была операция в ноге, всего в госпитале я пролежал все время 7 месяцев и еще болел тифом чуть не тоже пролежал 1 месяц и все, остальное время был в окопах.

Сначала был 43^м гвардейском полку, потом 3^я Чежоло-танковой бригады, напоследок был в восточной части мы штурмом брали город Ригу и многие другие.

Очень много потерял товарищей а я все остался в живых - до конца войны. <...>

Екатерина М. как мы рады что вы живы здоровы, только жалко что не стало Сергея Ивановича.

7 февраля 1969 года (письмо сильно повреждено)

<...> как представляю Катену работу¹¹⁰ <...> заинтересовал мы видели по телевизору <...> под водой, ведут наблюдения <...> морских животных и <...> какихто ружей и впивается как в <...> устасковаю животное навер из воды <...> в какой-то шлюв содятся 2^а человека <...> опускают его в воду и из него эти люди ведут наблюдения растение и животных. Мы это все видели, вочен красивом <...> очен много разных рыб и других каких-то непонятных животных больших и маленьких. Екатерина М. я очен позавидовал Катеной работай, пусть хотя оно трудное и опасное но очен интересное, она челливый человек, мы смотрели как катаются по морю на лыжах, я предствоя все это Катена работа, она настоящая артистка, щипиокка. Екатерина М. я знаю что эти девченки увас вочен хорошаи, как они были маленками вочен хорошии, окуратные, умные, так и сечас я их представляю такими-же, я всегда всем ставил в пример вашего воспитание этих детей. Я споминаю Наташу, она бывало все допытывается, это что, для чего, зачем, басконечныи вопросы в ней были.

24 марта 1969 года

<...> Екатерина М. вы простите меня что я вроде не письмо вам пишу в просто беседаваю с вами, я не думаю что вы обидетес, я знаю что вы такие же скромный простая как и мы. Мы всегда помним обвас обоих и Сергее Ивановиче он тоже очень хороший, находил шуточные слова и усмехался, а мы с вами особенно умеем разливаться. <...>

23 декабря 1969 года

<...> Мы всегда завидовали вашим девченкам, еще так-же завидовали девченкам Соколова А. И. У них токоеже было воспитание детей. <...>

26 января 1970 года

<...> Получили вашу письмо очен были рады, еще болши рада что та Е. М. стала толстой, чежолой, это хорошо, нас радовоит. Толка я вот както нетак представляю что вы сильно потолстели. По вашему телосложению и живости не вереца нам и по вашему весу не так уж болно

¹¹⁰ В 1969 г. одна из авторов данной публикации (ЕСС) участвовала в морской биологической экспедиции.

толстая Екатерина М. ты и не должна быть толстой как мы придствляим, тебя много забот и работ, все расчитано кажние менута, а может вам все это полезно. <...> Екатерина М. как мы рады хоть вы потолстели но живость наверно увас прежние. <...> Екатерина М. вы пишете что я вас называю на вы это конечно не плохо, но это просто у меня так уходит: если я пешу ты иле вы не обращай внимание я пешу без какого уброжение, я вас с Сергеем Ивановичем знал хорошо как усомого себя, таких простых людей я еще незнаю. И пешу так же просто без каких хитростей. <...>

12 июня 1970 года

<...>Из заповедника Миронов Миша, Марии Е. сын приезжаит суда в Сибай, пока приехал один устраивается наработу. <...>

16 июля 1970 года

<...> Мы много рас ездели в лес, а 10го июля у меня отобрали прова, у совхозе уческовый мелицонер, за норушение что я немного нарвал тровы. Конечно он траву не отобрал, там и адберать было нечего, я домой приехал и нарощно свесел эту траву всего было травы 10 килг. Но он мне посулил 30 руб. штрафа, через два дня велел приехать. Я ездил, прова отдали и не оштроховали толка предупредили. Сечас не доют ездить заягодами, все одберают и штрафуют чтобы не топтали трову. <...>

15 октября 1970 года

<...> Екатерина М. Нам очень жалко что вы наверно болеете болши от мохорки знаете как жал что вы не можете переодолеть бросить курить, вы бы тогда можить надолго сохранили бы свою жизн. Я курит не курил вы конечно знаите, но водку я пить любил до потери сознание, а как почутовал что водку мне пить нельзя, без врочей я взял себя вруки и бросил, отуж четвертый год у меня пока все хорошо конечно в гулянках много пыталис уговаривали что мол это не от водки, но я не коким убеждением не покарился. Думаю что у тебя найдется столка сил и бросить курить, у тебя сечас очен много трудностей и ты одолеваиш спровляешся с ними и это справися толка всегда думай, что ты перенесеш себе здорове. Екатерина М. не обезайся что я так тебе пешу, ты можеш мене сказат что мол я болше тебе понемаю. Екатерина М. я понимаю и чувствую что это вам бросит курить очень чежало, вы споминаите Урал как вы бросали курить я тоже помню но я тогда знал что вы не выдержите зато я сохранил вашу мохорку. Я пока все помню. Как работали, как ездели верхами и как и куда ездели на торондаси и сколка рас слетала с торондаса, но сверха ни разу не

приходилас примне чтобы вы слетели. Да это сечас толка все вспоминается. Все было весело хорошо и в работе и в быту. А сечас всеतोки для нас стало плохо. Нестало такого веселье, гнет, прешибайт старост, как не старайся не поддоватся, всеровно тово нет, тепер уже конечно не вернеш. <...>

23 ноября 1970 года

<...> Екатерина М. я вас проздравил с прошечим праздником 23^й годовиной октября и самому было чудно сам тоже смиялся хотя я и сокотил года думал помолодеим а почемуито всеровно не помолодели. Екатерина М. вы наверно знаете меня грамотея что я с вышшим образованием от самога зада, вы из моего письма наверно много чудных слов находете. Екатерина М. толка не обежайтес наменя, у меня наверно в кажним слове ошипки, уж догадыватес как небуть. <...>

18 января 1971 года

<...> Екатерина М. с одной стороны можить не верно что я тогда не согласился остатся в Ленинграде работать¹¹¹ было-бы для нас хорошо, мы были-бы конечно вмести, ходили бы друг к другу, а с другой стороны можить тепер довно нас насвете небыло, вы вить знаете кокое была там битва вовремя войны. Конечно нам очень жалко что мы не вмести с вами.

Мы всегда с поменаим Сергея Ивановича. А куда вон делся и как нечего мы обнем незнаим. Может погип в Ленингради. <...>

4 февраля 1971 года

<...> Екатерина М. вы конечно обрадовалис что я водку пью, я упиваю одное рюмку, но завас и нельзя было не выпить. Я могу ей выпить много толка боюс сней мне получается плохо.

Екатерина М. подарками мы вашыми очень рада, всегда они у нас наглазах часы действительно тикают, плоток и бусы подвязываит и всегда с поменаит а кто предет всем хвалется Что этот ей подарок и очен издолека и расказ о вас как когдайто вмести жили и коие вы есть и ручка пишить вам все что и как протикаит наша жизн. <...>

¹¹¹ По сохранившимся изустно переданным сведениям Е. М. Снигиревской, П. Е. Зеркина, как прекрасного таксидермиста, приглашали работать в Зоологический институт. Они с женой приехали в Ленинград, но, прожив некоторое время в большом городе, поняли, что жить они там не смогут, и вернулись в Саргаю.

4 апреля 1971 года

<...> Наташа может права, что ребенка¹¹² надо приучать к людям особенно с малых лет, он сейчас в полном смысле, он в группе людей особенно с ровесниками он больше бы стал расширять свое знание, у них с малых лет лучше развивается мысль и они видимые и слышимые не когда не забываю. Мы только боимся что ты Е. М. сильно приучила его к себе. Мы чувствуем как тебе его жалко и мы чувствуем тоже переживаем с другой стороны, как говорится в пословице если дитя любит то закажетнее требовательнее тетя поголовки неглат. Е. М. мы всем сердцем верим тебе он у вас меньше больше вашей собственной сердца. <...>

10 мая 1971 года

<...> Я вас вижу как наиву, какой ты раньше была вижу вашу походку, разговор, голос ваш и улыбку, всегда вижу вас веселую в жизни радостную. Екатерина М. я все годы совместной работы не раз не видел вас сурезной и так и сейчас мне представляется. <...>

30 января 1973 года

<...> Екатерина М. не хотел тебе писать но не смог не поделиться своей обидой, я потерял самой дорогой твой подарок, ручку. Не потерял а мне её стоили одна знакомая девочка четырех классов я конечно на неё не обижаясь, она учется плохо. Я конечно ей желаю самого лучшего, может это ручка ей поможет может она ей будет сохотой писать по этому я не хочу у неё её отобрать у меня конечно такого мужества не хватит. Екатерина М. но у меня эту ручку очень жалко, почему-то она у меня все время в памяти. Она мне дорога в том, когда я её брал в руки, всегда вас всех вспоминаю вроде даже всех видел. Этот подарок для меня был не нахожу больше лучшего, хотел найти в магазинах, все прошёл но такой ручки нигде не нашёл, их много но они все не такие как тонкие и плохие. <...>

11 марта 1973 года

<...> Екатерина М. вы ездили на могилки, кокуеже попровлять могилу, мы так и не узнали, может-быть Сергея Ивановича. <...>

¹¹² В этот момент одному из авторов данной публикации (СМС) было 4 года, и со стороны его мамы (Н. С. Снигиревской) вставал вопрос о том, что домашнее воспитание бабушки и нянечки Ньюни надо заменить детским садиком.

22 апреля 1973 года

<...> Екатерина М. еще вы пишете что эсли мы вас преглосим то на будущий год вы можить дачу брать не будете то ты-бы с Сережей приехала кнам. Екатерина М. разе можно кокоето разрешение просить, мы всегда рады хоть сечас приезжайте не толка с Сережей а все и хоть когда. <...>

9 декабря 1973 года

<...> В Заповеднеки я вроде всех забыл, как уехал не разу там небыл, толко знаю Ловренов Темофей с сыном у войну погибли они жили еще довойны в Бурзяне в посля войны Мария со своей дочерю инвалидкой уехала кажется в Чели [?] и болше нечего обних незнаю.

22 марта 1977 года

<...> Только плохо что я тепер не ежду на мотоцикли я бы вас кажний день вазил бы влес как поранше бы загод. <...>

26 февраля 1979 года

<...> Екатерина М. вы вроде уже готоветес выэкувации. Мне кажется что наша правительства и народ до-этого не допустят, чтобы убивец наступили нанашу соведскую землю. <...>

14 октября 1979 года

<...> Мы участвовали насвадьбе, свадьба прошла очень хорошо, много было веселья и шуток но небыло собоих сторон некаких капризов. Мы не слышали не одного мата. Гостей было много. С нашей стороны было 43 человека. Приезжали из Авзяна, и Белорецка. <...>

11 января 1980 года

<...> Екатерина М. В заповеднеки старых работнеков которых вы знали не кого нет, почти все погибли в войну а кто остался все разехались и жоны, у кого выросли дети тоже с ними уехали кто куда. Сечас там все новые люди. <...>

18 января 1980 года

<...> Екатерина М. вы пишете в напряженной обстановке о между народного положение да, конечно это есть, но если оно откроется только не скоро. Эсли напас войной на Советский Союз, это всему миру страшно. Вы сами больше всего понемаете. Но если в крайном случае придется выехать кудайто, если будем живы совсей душой примим вас хоть сейчас.

4 февраля 1980 года

<...> Екатерина М. я сейчас незнаю кто в заповеднеки деректором, но пусть хоть бы хто, но место и поселок на том-же мести где мы свами жили. Адрес Бурзяновского р-на почтовое отделение Байнозарово Кепчаковского сельсовета Баш. госзаповедник.

Екатерина М. Ранши на Белорецк железной дороги небало, оно прошла после войны с Могнигорск на белорецк и кнам в Сибай, а вот года 2^а прошла из Белорецка в город Уфу. Сейчас поезд ходит из Сибая на Могнигорск, на Белорецк и на Уфу. А Заповедник видимо ездеит на Белорецк потому что из белорецка ходют овтобусы до Бурзяна. <...>

Екатерина М. В заповедник поехать на юбилей¹¹³ незнаю, смогу-ли я или нет, потому что я плохо вижу, мене нужно ехать с кокимто человеком. <...>

<...> Из заповеднека здес в Сибай людей много, котораи работали тама и радилис там все здес в Сибай. <...>

3 февраля 1981 года

<...> Екатерина М. вы сильно боитесь войны увас вроде будит в первую очередь а мы здес остаемся вроде з зади эсли так то преизжайте хоть сечажже к нам и будим жить вместе и война нам будит не причем. Екатерина М. не бойтес: вы сами болше понемаете если будит война, то некто не где не останется, если ето война начнется это война будит не та война. <...>

25 марта 1981 года

<...> В заповедники с 55 года я не разу небыл. Не знаю как там все перестроелос не чего не видел. <...>

¹¹³ Поехать на юбилейные торжества по состоянию здоровья не получилось ни у Е. М. Снигиревской, ни у П. Е. Зеркина.

29 августа 1981 года

<...> в магазинах унас плохо. Мясо уже говорить нечего ее уже в магазинах давно нет, масло очень редко поступает, ее не достанишь быстро расфатывают, молоко пока все время есть.

На базари мясо бывают много и мало всеровно все разбирают. цина 4 руб. хорошая 4⁵⁰ а колбаса еще хуже не достанишь. <...>

24 декабря 1981 года

<...> Екатерина М. Неужели это збудется что вы сможете приехать кнам? Сколько было бы радостей, между нами, не могу представить. Ек. М. Преизжайте все, Катя, Наташа, с Сережей а Нюня незнаю¹¹⁴. всем места фатит, у нас бы наверно и здорове поправило в вовсех нас старых. у нас самовар есть, действительно мы бы поставели и все сели застол, сколько было бы у нас с вами разговоров за этом сомоваром. Нельзя представить, действительно, о нашей пройденной жизни, оно все вить унашей памяти. <...> Ек. М. сердечно прошу вас до сего времени я незнаю. Куда делся Сергей Иванович. <...>

18 января 1982 года

<...> я письмо пишу чуть вижу, я и хожу койкуда толко очен состорожностью, денги я плохо разлечаю 20 к. с 15 к. 5 к. с 3 к. только както разлечаю по велечене. <...> еще у меня временем болять руки и ноги сильно ломают кости. Правая рука и правая нога конечно я считаю от ронение а левое рука была хорошая, здоровая <...>

Екатерина М. Город наш, мне кажется не плохой а хороший, много зелени, особенно летом очен красива, одно толко еще он не большой а вкоком районе, как вам сказать? Вы наверно Баймак знали? Баймак по одну сторону Ирындыка а подругую сторону Ирындыка на север Сибай всего 30 километров от Баймака почти под самым Ирындыком, место ровное хорошая и климот хороший. Нам здесь жить ндравется. <...>

28 июня 1982 года

<...> У меня часто, кружение голова но думаю что, ожить отопирации глаз времянами ломают сильно кости в руках и ногах, думаю что это не исправимая болезн, видимо от ранений, еще со мной бываит редко конечно закружеться голова и падаю без сознание, где бы я небал, но быстро

¹¹⁴ На этот момент Нюне (Анне Петровне Щербаковой) было 99 лет.

прихожу в сознание от этого я всегда боюсь, зря не куда не лезу. Вот до этого мы все дожили. <...> Екатерина М. вы еще меня простит за это, почемуто мне письмо писать кажется тяжело я очень долго пишу а Нюра письма писать не умеет. <...>

24 сентября 1983 года

Здравствуйте Екатерина М. Катя, Наташа и Сережа. Я и Нюра шлем вам много-уважаемый сердечный привет и массу самых лучших пожеланий во всех отношениях вашей жизни. <...>

Екатерина М. я хочу не немножко написать о себе. Мы пока живы, но здоровье тоже очень плохое? У нас ходить занями конечно некому. Мы уж сами, болей не болей, хочешь не хочешь, куда надо иди сам. От нас и ходим? В магазин это с трудом, если она не может сходить то я иду, чего надо принесу. Если я очень себя чувствую плохо, она едет, хотя и плохо ели ели придет, а ити надо. Из родни все живут далеко. Все время ходить к нам не могут. Но пока мы все еще ходим сами. В остальном пока у нас все есть, пока не очень страдаем, но ездить мы не куда не едем ездить мы не можем, здоровье не позволяет. Мы живем в своем доме, дом у нас хороший, дрова есть, отапливать пока отапливаем огорода хотя не большой, но все есть. Яблоки, малина, красное и черное смородина, вишня и вишневик. всех этих ягод нам хватает, даже из лишки. Немножко держим курей и каждый год укармливаем поросенка. Но на будущий год наверно не одолеем все это продержат, если будем живы. Вот пока все. Погода пока долго времени стоит хорошая, теплая.

Пока до свидания, пишете нам больше писем. 24/IX 83 г.

20 января 1984 года

<...> Мы правда мало получаем, всего на двоих 68 руб. но примерно нам хватает, пусть что не расширяю ногу, но жить можно. <...>

15 октября 1984 года

<...> Сильно болел я, но немножко стало лучше. А сейчас болеет Нюра. Тепер хожу я, с трудом, могозин и прочие, хоть с трудом, но хожу. Помогать нам пока не кто не помогает. А кто нам будет помогать, когда своих детей нет. Мы уже не какого не надеемся и надеется никого. А умрем кто не будет закапает. <...>

Фото 21. Около конторы Башкирского заповедника в д. Саргая. День выборов, около 1936 г. К крыльцу подходит Е. М. Снигиревская с дочкой Наташей. Под крышей на плакате написано: «Избирательный участок № 107/14»

Пока досведание все вы наши дорогие, мы пока остоемся жевые. А встречи видимо нас с вами не когда не будет¹¹⁵. <...>

10 января 1989 года
(письмо написано, вероятно, женской рукой)

Здравствуйте Наташа Катя и Сережа.

Во-первых большое спасибо за поздравление. Мы вас тоже поздравляем с новым годом хотя и с опозданием.

Здоровье у нас сейчас становится хуже был инфаркт лежал в больнице сейчас выписали у Анны А. тоже давление часто бывает. Помогает нам племянник сами в магазин не ходим а по дому пока делаем потихоньку сами.

Спасибо вам не забываете нас, я бы вам писал почаще, но сам уже не могу дрожит рука. Сегодня т.е. 10 января нам исполнилось по 88 лет были немного родные отметили.

¹¹⁵ Не знаем, прочитала ли Екатерина Михайловна это письмо, написанное за две недели до ее смерти? В это время она уже лежала в больнице и чувствовала себя очень плохо.

Но вроде бы и все пишете сами
Досвидание.
Петр Е и Анна А.

Письма от П. Е. и А. А. Зеркиных, переданные в архив Заповедника: за 1968 год (16.05, 9.09, декабрь (без даты)); за 1969 год (7.02, 24.03, 8.09, 5.10, 16.10, 21.12, 23.12); за 1970 год (12.01, 26.01, 16.02, 2.03, 25.03, 30.03, 15.05, 12.06, 1.07, 16.07, 1.08, 15.10, 3.11, 23.11, 18.12); за 1971 год (13.01, 18.01, 4.02, 10.03, 4.04, 6.05, 10.05, 9.06, 29.06, 29.07, 29.08, 29.09, 27.10, 13.11); за 1972 год (6.01, 12.02, 9.03, 25.04, 12.05, 16.06, 23.07, 13.08, 15.10, 22.11, 19.12); за 1973 год (30.01, 23.02, 22.04, 11.05, 18.05, 30.05, 4.06, 3.07, 6.09, 21.09, 27.10, 9.12); за 1974 год (30.03, 7.04, 19.05, 21.07); за 1975 год (8.01, 6.03); за 1976 год (15.10); за 1977 год (28.03, 22.11); за 1978 год (22.03, 28.08, 8.09, 22.11); за 1979 год (16.01, 2.02, 26.02, 30.03, 9.06, 3.07, 14.07, 23.07, 14.10, 10.11, 18.12); за 1980 год (11.01, 18.01, 4.02, 10.05, 13.05, 6.07, 21.07, 19.08, 19.09, 5.12); за 1981 год (26.01, 3.02, 25.03, 13.05, 27.07, 29.08, 24.12); за 1982 год (18.01, 28.06, 10.10, 22.12); за 1983 год (16.03, 12.05, 22.07, 24.09); за 1984 год (20.01, 6.06, 15.10, 5.12, 25.12); за 1988 год (13.01); за 1989 год (10.01).

Список литературы:

Бианки В. В., 2004. Орнитолог Сергей Иванович Снигиревский // Русский орнитологический журнал. – Т. 13, экспресс-выпуск 272. С. 835-851.

Вакуленко-Снигиревская Е. М., 1940. Краткий обзор млекопитающих бассейна р. Малой Алматинки Алматинского Государственного заповедника // Тр. Алматинского Государственного заповедника. Алма-Ата. – Вып. II. С. 1-18.

Герке А. А., 1932. К биоценологии синичьих стай // Зоол. журн. – Т. 11, вып. 34. С. 90-123.

Кириков С. В. [1935]. Список птиц Башкирского заповедника // Летопись природы за 1931-1935 гг. С. 40-54 (Рукопись).

Кириков С. В., 1952. Птицы и млекопитающие в условиях ландшафтов южной оконечности Урала. М.: Изд-во АН СССР, 412 с.

Кириков С. В., 1979. Человек и природа восточно-европейской лесостепи в X – начале XIX в. М.: Наука, 183 с.

Кириков С. В., 1989. По Южному Уралу и Башкирии / Под ред. и со вступ. ст. Н.Н. Воронцова. М.: Изд-во МГУ, 176 с.

Кищинский А. А., Кириков С. В., Скробов В. Д., 1975. Тетеревиные птицы: Размещение запасов, экология, использование и охрана / Отв. ред. С. В. Кириков; АН СССР. М.: Наука, 371 с.

Руденко С. И., 1930. Башкирская АССР. Башкирская экспедиция. Отчет Председателя Башкирской комиссии // Отчет о деятельности АН СССР за 1929 г. II. Отчет о командировках и экспедициях. Л. С. 151-154.

Снигиревская Е. М., 1939. Новое в методике количественного учета мелких млекопитающих // Природа. – № 2. С. 100-102.

Снигиревская Е. М., 1947. Грызуны Башкирского заповедника // Тр. Башкирского государственного заповедника, вып. I. С. 3-28.

Снигиревская Е. М., 1947а. Значение грызунов в сосновых лесах Башкирского заповедника // Тр. Башкирского государственного заповедника, вып. I. С. 29-48.

Снигиревская Е. М., 1947б. Материалы по биологии размножения и колебаниям численности землероек в Башкирском заповеднике // Тр. Башкирского государственного заповедника, вып. I. С. 49-68.

Снигиревская Е. М., 1952. Роющая деятельность и убежища желтогорлой мыши // Зоол. журн. – Т. XXXI, вып. 5. С. 744-751.

Снигиревская Е. М., 1954. Экология и хозяйственное значение мышевидных грызунов в широколиственных лесах Жигулевской возвышенности / Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. биол. наук. Л., 15 с.

Снигиревская Е. М., 1991. Еще раз об охране природы Жигулей // Самарская Лука: Бюл. № 2'91. С. 4-22.

Снигиревская Н. С., Снигиревская Е. С., 2006. К 100-летию со дня рождения Снигиревской Екатерины Михайловны // Самарская Лука: Бюл. № 18. С. 247-253.

Снигиревский С. 1926. Заметка о птицах Новгородской губернии // Украинский охотник и рыболов. – № 2. С. 24-25.

Снигиревский С. И., 1928. К истории орнитофауны Ю. Зауралья (гл. обр. Ильменского) // Тр. Третьего Всероссийского съезда зоологов, анатомов и гистологов в Ленинграде 14-20 декабря 1927 г. / Отв. ред. К. М. Дерюгин. Л. С. 91-93.

Снигиревский С. И., 1928a. Заповедники как пункты стационарных комплексных исследований ландшафта // Тр. Третьего Всероссийского съезда зоологов, анатомов и гистологов в Ленинграде 14-20 декабря 1927 г. / Отв. ред. К. М. Дерюгин. Л. С. 404.

Снигиревский С., 1928b. Чем могут помочь краеведы зоологическому отряду Башкирской экспедиции Академии наук // Бюллетень Башкирского областного бюро краеведения. – № 2. С. 7-9.

Снигиревский С. И., 1929. Орнитогеографический очерк Ильменского государственного заповедника. Златоустовское общество краеведения и Государственный Ильменский минералогический заповедник. – Вып. 2 С. 1-34. [Snigirewski S. Eine ornithologische Skizze der Umgebung der Ilmen-Reservation im Ural-Gebirge, – S. [i-iv].]

Снигиревский С. И., 1930. Башкирская АССР. Башкирская экспедиция. Зоологический отряд // Отчет о деятельности АН СССР за 1929 г. II. Отчет о командировках и экспедициях. Л. С. 114-117.

Снигиревский С., 1932. Башкирская экспедиция. Промыслово-биологический отряд // Экспедиции Всесоюзной АН. 1931. Л. С. 222-227.

Снигиревский С. И., 1947. Орнитологическая экскурсия в широколиственные леса западных предгорий Южного Урала // Тр. Башкирского государственного заповедника. – Вып. I. С. 69-86.

Снигиревский С. И., 1947a. Орнитологические наблюдения в горной тайге Южного Урала // Тр. Башкирского государственного заповедника. – Вып. I. С. 87-109.

Снигиревский С. И., 2004. Автобиография // Русский орнитологический журнал. Т. 13, экспресс-выпуск 259. С. 376-382.

Alex U., Šergalin J., 2014. Biografien osteuropäischer Ornithologen (13): Sergej Ivanovič Snigirevskij (1895-1955) – Naturschützer und intimer Kenner der Rauhußhühner // Ornithologische Mitteilungen Jahrgang 66, № ½. S. 49-52.

Snigirewski S. I., 1928. Beiträge zur Avifauna der Wüste Kara-kum (Turkmenistan) // Journ. für Ornithol., Bd. LXXVI, H. 3. S. 587-607.

Содержание

Вступительное слово директора	
Башкирского заповедника А.И. Биембетова	2
От редактора	4
Введение	6
О структуре сборника	7
Письма и рассказы-наблюдения Е.М. Снигиревской	9
Рассказы-наблюдения	
На перевале	41
Страх	44
Лошади	46
Вороны	54
На высоте, 1	58
Письма С.И. Снигиревского	63
Письма С.И. Кирикова – Е.М. Снигиревской	80
Письмо от А.А. Герке	98
Письмо от В.Н. Беянина	101
Письмо от жителя с. Муйнак Л.П. Бирюкова	102
Письма П.Е. и А.А. Зеркиных – Е.М. Снигиревской	103
Список литературы	115
Содержание	117

Научное издание

Серия «Башкирский заповедник. История и люди», часть 4.

Снигиревский Сергей Михайлович
Снигиревская Екатерина Сергеевна
Биембетов Айнур Ильгизович

**История Башкирского государственного
природного заповедника
в письменных документах его сотрудников
середины XX века**

Ответственный редактор – И.К. Гайсин

Подписано в печать 16.12.2022. Формат 60x90/16.

Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,79.

Тираж 300 экз. Заказ № 223269

ООО «Информреклама»
450037, г. Уфа, ул. Комсомольская, 96/1
Отпечатано в типографии ООО «Информреклама»
www.inforek.ru